

ISSN 3034-1396 (print)

ISSN 3034-1388 (online)

Евгений **Варшавер**

Полина **Врублевская**

Григорий **Гуковский**

Евгения **Панова**

Андрей **Тесля**

Арсентий **Тропаревский**

Татьяна **Черкашина**

Пути России

Научно-практический журнал
социальных и этнографических
исследований

Том 3 №1
2025

Пути России

Том 3

№ 1

2025

Научно-практический журнал социальных
и этнографических исследований

Пути России

Научно-практический журнал
социальных и этнографических
исследований

Том 3 № 1 2025

ISSN 3034-1388 (online)

www.jrsre.ru

Издается с 1993 года. В 1993–2003 гг. выходил ежегодный альманах под заглавием «Куда идет Россия?» С 2004 по 2021 гг. ежегодный альманах под заглавием «Пути России». До 2021 года включительно все выпуски выходили в печатном виде. В 2023 году вышло в свет два пилотных номера. С 2024 года журнал выходит один раз в квартал в электронном и печатном виде.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер: ЭЛ № ФС77-86371 от 27.11.2023

УЧРЕДИТЕЛЬ

ОАНО «Московская высшая школа
социальных и экономических наук»

АДРЕС РЕДАКЦИИ

125009 г. Москва, Газетный пер.,
д. 3–5, стр. 1

Позиция редакции может
не совпадать с мнением авторов.

Опубликованные в журнале материалы
распространяются свободно.
Ссылка на журнал при перепечатке
и цитировании материалов
обязательна.

Редактор: Катя Наумова

Секретарь: Максим Григоренко, МВШСЭН

Дизайн: Максим Григоренко

Редактор сайта: Александр Артамонов

Главный редактор:

Дмитрий Rogozin, канд. социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, РАНХиГС, Москва.

Заместитель главного редактора:

Александр Никулин, канд. экон. наук, МВШСЭН, РАНХиГС, Москва.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Роман Бумагин, канд. социол. наук, Фонд «Общественное мнение», Москва,

Анастасия Гачева, докт. филол. наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва,

Ирина Дуденкова, канд. филос. наук, МВШСЭН, Москва,

Анна Ипатова, канд. культурологии, независимый исследователь,

Ольга Карпова, МВШСЭН, Москва,

Никита Петров, канд. филол. наук, МВШСЭН, РАНХиГС, Москва,

Ольга Солодовникова, канд. филол. наук, РАНХиГС, Москва, Александр Сувалко, НИУ ВШЭ, Москва,

Андрей Тесля, канд. филос. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград,

Александр Фокин, канд. историч. наук, МВШСЭН, Сеченовский университет, Москва,

Татьяна Черкашина, канд. социол. наук, Новосибирский гос. ун-т, ИЭОПП СО РАН, Новосибирск.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Роман Абрамов, д-р социол. наук, НИУ ВШЭ, Москва,

Светлана Барсукова, д-р социол. наук, НИУ ВШЭ, Москва, Татьяна Богомолова, канд. социол. наук, Новосибирский

гос. ун-т,

Леонид Бляхер, д-р филос. наук, Тихоокеанский гос. ун-т, Хабаровск,

Сергей Зуев, канд. искусствоведения, МВШСЭН, Москва,

Марина Карцева, канд. эконом. наук, РАНХиГС, Москва,

Гульнара Краснова, д-р филос. наук, РАНХиГС, Москва,

Виталий Куренной, канд. филос. наук, НИУ ВШЭ, Москва,

Татьяна Малева, канд. эконом. наук, РАНХиГС, Москва,

Штефан Мерль, д-р философии, Ун-т Билефельд, Германия,

Ольга Моляренко, канд. социол. наук, Фонд Хамовники, НИУ ВШЭ, Москва,

Сергей Мохов, канд. социол. наук, Ливерпульский ун-т Дж. Мурса, Великобритания,

Юрий Плюсин, д-р филос. наук, НИУ ВШЭ, Москва,

Вадим Радаев, д-р эконом. наук, НИУ ВШЭ, Москва,

Мария Сигова, д-р эконом. наук, МВШСЭН, Москва,

Денис Стребков, канд. социол. наук, НИУ ВШЭ, Москва,

Ирина Тартаковская, канд. социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва,

Ирина Троцук, д-р социол. наук, РУДН, Москва,

Валерий Фёдоров, канд. полит. наук, ВЦИОМ, Москва.

Russia's Directions

The Journal of Russian
Social Research and Ethnography

Vol 3 No 1 2025

ISSN 3034-1388 (online)

www.jrsre.ru

Published since 1993.

Frequency — four issues per year.

ESTABLISHER

The Moscow school of social
and economic sciences

ADDRESS

3-5 Gazetny Lane, bld. 1, Moscow,
125009

@RUSSIANWAYS

Editor: Katia Naumova

Secretary: Maxim Grigorenko, MSSES

Design: Maxim Grigorenko

Site editor: Alexander Artamonov

Editor-in-chief:

Dmitry Rogozin, Cand. Sc. (Sociology), ISRAS, RANEPa, Moscow.

Deputy editor-in-chief:

Aleksandr Nikulin, Cand. Sc. (Economics), MSSES, RANEPa,
Moscow.

EDITORIAL BOARD

Roman Bumagin, Cand. Sc. (Sociology), FOM (Public Opinion
Foundation), Moscow,

Anastasiya Gacheva, D. Sc. (Philology), IWL RAS, Moscow,

Irina Dudenkova, Cand. Sc. (Philosophy), MSSES, Moscow,

Anna Ipatova, Cand. Sc. (Culturology), independent scientist,

Ol'ga Karpova, MSSES, Moscow,

Nikita Petrov, Cand. Sc. (Philology), MSSES, RANEPa, Moscow,

Ol'ga Solodovnikova, Cand. Sc. (Philology), RANEPa, Moscow,

Aleksandr Suvalko, HSE University, Moscow,

Andrej Teslya, Cand. Sc. (Philosophy), Immanuel Kant Baltic
Federal University, Kaliningrad,

Aleksandr Fokin, Cand. Sc. (History), MSSES, Sechenov
University, Moscow,

Tatyana Cherkashina, Cand. Sc. (Sociology), IEIE SB RAS,
Novosibirsk State University.

EDITORIAL COUNCIL

Roman Abramov, D. Sc. (Sociology), HSE University, Moscow,

Svetlana Barsukova, D. Sc. (Sociology), HSE University, Moscow,

Tatyana Bogomolova, Cand. Sc. (Sociology), Novosibirsk State
University,

Leonid Blyaher, D. Sc. (Philosophy), Pacific National University,
Khabarovsk,

Valerij Fyodorov, Cand. Sc. (Politics), VCIOM (Russian Public
Opinion Research Center), Moscow,

Marina Karceva, Cand. Sc. (Economics), RANEPa, Moscow,

Gul'nara Krasnova, D. Sc. (Philosophy), RANEPa, Moscow,

Vitalij Kurennoj, Cand. Sc. (Philosophy), HSE University, Moscow,

Tat'yana Maleva, Cand. Sc. (Economics), RANEPa, Moscow,

Stepfan Merl, Prof. Dr. Dr. h. C. mult., Bielefeld University, BRD,

Ol'ga Molyarenko, Cand. Sc. (Sociology), Fund of support of social
researches «Hamovniki», HSE University, Moscow,

Sergej Mohov, Cand. Sc. (Sociology), Liverpool John Moores
University, UK,

Yurij Plyusnin, D. Sc. (Philosophy), HSE University, Moscow,

Vadim Radaev, D. Sc. (Economics), HSE University, Moscow,

Mariya Sigova, D. Sc. (Economics), MSSES, Moscow,

Denis Strebkov, Cand. Sc. (Sociology), HSE University, Moscow,

Irina Tartakovskaya, Cand. Sc. (Sociology), ISRAS, Moscow,

Irina Trotsuk, D. Sc. (Sociology), PFUR, Moscow,

Sergej Zuev, Cand. Sc. (Art Criticism), MSSES, Moscow.

Содержание

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧНОСТИ

<i>Е. А. Варшавер</i>	Эволюционная когнитивистика как ресурс для объяснения этнических явлений «после когнитивного поворота»	9
-----------------------	--	---

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

<i>П. В. Врублевская</i>	Православный приход в социологической перспективе: эхо теории в стенах эмпирики	43
<i>А. М. Тропаревский</i>	Католическая церковь как источник институциональных инноваций и социальных технологий: новый взгляд на становление европейской цивилизации	58

НАУЧНАЯ ЭТИКА

<i>Е. Л. Панова</i>	Диалог или господство? Размышление об этике полевых исследований	71
---------------------	---	----

ИМЕНА, ИСТОРИИ, АРХИВЫ

<i>А. А. Тесля</i>	Диалектика и фигура автора в теоретических построениях Г. А. Гуковского 1940-х годов	101
<i>Г. А. Гуковский</i>	[Автор и герой в поэтике романтизма: случай Дениса Давыдова]	115

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, РЕФЕРАТЫ

<i>А. А. Тесля</i>	Банк, А. В. Дневник: 1923–1928 / Ред.-сост. Е. О. Ларионова, Н. Г. Охотин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024	135
<i>С. В. Козин, Т. П. Жидяева</i>	Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2024	138

<i>В. В. Фёдоров</i>	Фишман, Л. Неравенство равных. Концепция и феномен ресентимента. М., Издательский дом ВШЭ, 2024	142
<i>А. С. Новиков</i>	Рогозин, Д., Солодовникова, О. Зум и безумие в высшей школе. Как образование становится цифровым. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2023	146
<i>М. Н. Дымшиц</i>	Белановский, С. А., Никольская, А. В. Методология качественных исследований. Социологические статьи. М.: ВЦИОМ, 2024	150
<i>В. В. Фёдоров</i>	Алинский, С. Правила для радикалов. М., Напильник, 2024	162
<i>С. В. Козин, Т. П. Жидяева</i>	Миграция из России в Кыргызстан: демографические и социологические аспекты / Г. И. Осадчая, Ш. И. Алиев, М. Л. Вартанова [и др.]; под общей редакцией Г. И. Осадчей; ФНИСЦ РАН. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2023	165
<i>Н. Филиппова</i>	Кобеяцкий, А., Шиц, М. Люди 1930-х годов. Культ и личности. М.: Бослен. 2025	170
<i>А. А. Тесля</i>	Ранке Л. фон. Великие державы / Пер. с нем. О. В. Кильдюшова, В. Котелевской, В. А. Куренного; сост. Т. А. Дмитриев; вступ. слово Ф. А. Лукьянова; вступ. ст. В. А. Куренного. М.: Праксис, 2024	174
<i>В. И. Нестеров</i>	Давыдов А., Абрамов П., Этнография туфты. Кто и как пишет заказные учебные работы в России. Москва: Фонд «Хамовники», Common Place, 2021	178
<i>Н. И. Мартынова</i>	Киселева, Л. С., Колосова, Г. В., Семенова, А. А. Создание системы долговременного ухода для граждан пожилого возраста и инвалидов в Санкт-Петербурге: опыт регионального проекта «Старшее поколение». СПб.: СПбИПСР, 2022	180
<i>Д. С. Попов</i>	Научное волонтерство: Делаем науку вместе. / Под ред. А. Борисовой-Сале, Я. Плехович. М.: Альпина нон-фикшн, 2025	183
<i>Т. Ю. Черкашина</i>	55 книг по экономической социологии, изданных в 2024 году	186

Contents

RESEARCH ON ETHNICITY

E. Varshaver	Evolutionary Cognitive Science as a Resource for Explaining Ethnic Phenomena 'After the Cognitive Turn'	9
--------------	--	---

SOCIOLOGY OF RELIGION

P. Vrublevskaya	Orthodox Parish in Sociological Perspective: Echo of Theory within the Walls of Empirics	43
A. Troparevsky	The Catholic Church as a source of institutional innovation and social technologies: a new perspective at the formation of European civilization	58

SCIENTIFIC ETHICS

E. Panova	Dialogue or Domination? Reflection on the Ethics of Field Research	71
-----------	--	----

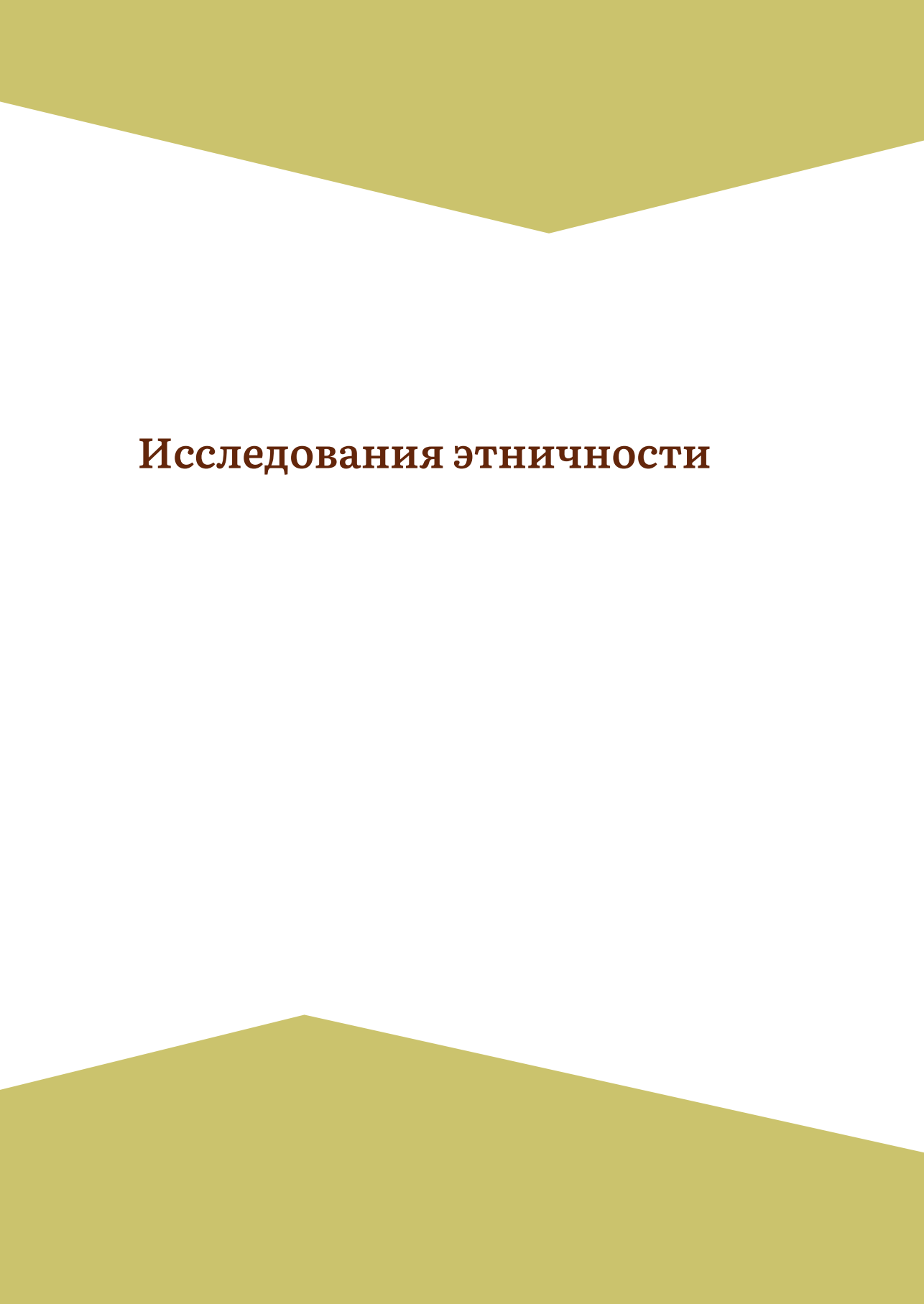
NAMES, STORIES, ARCHIVES

A. Teslya	The dialectical approach and the role of the author in G.A. Gukovsky's theoretical frameworks in the 1940 ^s	101
G. Gukovsky	[The protagonist and the author in the Poetics of Romanticism: a study of Denis Davydov]	115

BOOK REVIEWS, OVERVIEWS, ABSTRACTS

A. Teslya	Bank, A. V. Diary: 1923-1928 / Edited by E. O. Larionova, N. G. Okhotin, St. Petersburg: European University in St. Petersburg, 2024	135
S. Kozin, T. Zhidyaeva	The life world of workers: Sustainability versus precarity / Edited by J. T. Toshchenko. Moscow: Wes' mir, 2024	138

V. Fedorov	Fishman, L. Inequality of equals. The concept and phenomenon of resentment. Moscow, HSE Publishing House, 2024	142
A. Novikov	Rogozin, D., Solodovnikova, O. Zoom and madness in higher education. How education becomes digital. Moscow: Publishing House «Delo», RANEPa, 2023	146
M. Dymshits	Belanovsky, S. A., Nikolskaya, A.V. Methodology of qualitative research. Sociological articles. Moscow: VCIOM, 2024	150
V. Fedorov	Alinsky, S. Rules for radicals. M., Napilnik, 2024	162
S. Kozin, T. Zhidyaeva	Migration from Russia to Kyrgyzstan: demographic and sociological aspects. Osadchaya, Sh. I. Aliev, M. L. Vartanova [et al.]; under the general editorship of G. I. Osadchy; SNIT RAS. Moscow: Publishing house «Ekon-Inform», 2023	165
N. Filippova	Kobelyatsky, A., Shits, M. People of the 1930s. Cult and personality. M.: Boslen. 2025	170
A. Teslya	Ranke L. von. The Great Powers / Translated from German by O. V. Kildyushov, V. Kotelevskaya, V. A., Kurenny; comp. by T. A. Dmitriev; intro. the word of F. A. Lukyanov; introductory article by V. A. Kurenny. Moscow: Praxis, 2024	174
V. Nesterov	Davydov, A., Abramov, P., Ethnography of tufts. Who writes commissioned educational papers in Russia and how? Moscow: Khamovniki Foundation, Common Place, 2021	178
N. Martynova	Kiseleva, L.S., Kolosova, G.V., Semenova, A.,A. Creation of a long-term care system for elderly and disabled citizens in St. Petersburg: the experience of the regional project «The Older Generation». St. Petersburg: SPbGIPSR, 2022	180
D. Popov	Science Volunteering: Doing Science Together. / Edited by A. Borisova-Sale, Ya. Plekhovich. Moscow: Alpina non-fiction, 2025	183
T. Cherkashina	55 books on economic sociology, published in 2024	186

The page features a minimalist design with two large, solid yellow geometric shapes. The top shape is a downward-pointing triangle that starts at the left edge and tapers to a point before extending back to the right edge. The bottom shape is an upward-pointing triangle that starts at the left edge, rises to a peak, and then slopes down to the right edge. The central area between these two shapes is white and contains the main title.

Исследования этничности

Эволюционная когнитивистика как ресурс для объяснения этнических явлений «после когнитивного поворота»

Евгений Александрович Варшавер — кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. **ORCID ID:** 0000-0002-5901-8470. **Электронная почта:** varshavere@gmail.com.

Аннотация: В статье описывается актуальное положение дел в области исследований, которую можно обозначить как «эволюционная когнитивистика». Работая на стыке когнитивных наук, современной эволюционной теории и возрастной психологии, исследователи из этой области долгое время пытались выявить универсальные когнитивные смещения, «ответственные» за производство этнических феноменов. В наиболее актуальной версии, однако, такого рода универсалией является прежде всего дифференцирующая способность человека ориентироваться в сложных социальных отношениях по косвенным признакам, конкретные же признаки и реакции на них являются производными от социализации. Эти выводы помещаются в контекст современных конструктивистских подходов к исследованию этничности, в рамках которых происходит т. н. «когнитивный поворот», где этничность рассматривается в первую очередь как классификаторное явление, и показывается, каким образом инкорпорация результатов из области эволюционной когнитивистики может способствовать объяснению феномена этничности в целом.

Ключевые слова: этничность, когнитивистика, эволюционная теория, примордиализм, конструктивизм, когнитивный поворот

Для цитирования: Варшавер, Е. А. Эволюционная когнитивистика как ресурс для объяснения этнических явлений «после когнитивного поворота» // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 9–41.

Введение

Происходящий сейчас когнитивный поворот в конструктивистских исследованиях этничности [Brubaker, Loveman, Stamatov, 2004] заставляет иначе посмотреть на объект этих исследований. Если до него в их фокусе были по-разному определяемые этнические группы и их культура, сейчас фокус этот перемещается на производимые людьми и институтами категоризации и то, как эти категоризации структурируют социальную жизнь. В этой связи среди приоритетных объектов исследования неизбежно оказывается сам процесс категоризации, а это — важнейший объект и тема когнитивных наук [Harnad, 2017]. Общий смысл когнитивного поворота в социальных науках состоит в том, чтобы, обратившись к подходам, используемым в когнитивных науках, а также результатам, полученным в их рамках, использовать полученные ресурсы для решения проблем, ставящихся «изнутри» общественных наук. Когнитивные науки, однако, имеют свою логику и являются базово междисциплинарными [Derry, Gernsbacher, Schunn, 2014; Sobel, Li, 2013]. Своего рода «мемом» стало изображение шестиугольника, каждый угол которого — это область научного знания, откуда когнитивистика черпает ресурсы: психология, компьютерные науки, нейронауки, антропология, лингвистика и философия [Miller, 2003]. В этой связи когнитивные науки не только не избегают того, что в социальных науках называется «биологизмом», а, напротив, объяснения, использующие одновременно ресурсы, говоря неокантианским языком, «наук о духе» и «наук о природе», являются приоритетными.

В социальных науках дело обстоит иначе. Оценив социальные последствия биологических редукционизмов начала XX века, социальные учёные предпочли исключить любые биологизмы из моделей объяснения, тем более что именно в современной биологии черпают легитимации различные «культурные расизмы». Роджерс Брубейкер в своей недавней статье [Brubaker, 2018] показал, как для этого используются достижения современной геномики. Вместе с тем, исследование процесса категоризации как основы этнических явлений в той мере, в какой когнитивистика утверждает, что категоризация частью осуществляется на основании категорий [Frith, 2013; Foley, 2005], производимых в обществе, частью на основании врожденных схем, требует внимания к такого рода «предзаданностям». Действительно ли они существуют? Как они сложились (здесь неизбежно обращение к эволюционным моделям объяснения)? Каково соотношение между этими «предзаданностями» и социальными конструктами? Такая постановка вопроса неизбежно вызовет автоматические сомнения части сообщества, которое, вполне возможно, поспешит объявить такие исследования «примордиалистскими» и исключить из легитимного поля.

В этой связи в первой части статьи будет предложена, как представляется, наиболее корректная разметка поля исследований этничности, где будут различены отжившие своё, «вредные» примордиалистские подходы и примордиализмы, напротив, укорененные в современной науке и дающие ресурсы для более полного объяснения социальных явлений¹. Также будет показано, что конструктивизм как парадигма не противоречит здоровым формам примордиализма, но находится с ними в теоретической противофазе, чем и объясняется его нелегитимность среди конструктивистов.

Вторая, более объёмная часть статьи, будет посвящена направлению исследований, которые можно обозначить как эволюционная когнитивистика. Это направление пытается ответить на вопрос о повсеместности этнического категоризирования за счёт выявления эволюционно сложившихся приоритетных способов разметки и когнитивной обработки социального окружения. Общий посыл этих теорий состоит в том, что биологическая основа этнических явлений — это эволюционно развившаяся способность человека эффективно классифицировать других людей, однако эти теории отличаются в том, что касается механизмов появления такой приспособляемости, «триггеров» внешней среды, которые вызывают те или иные когнитивные реакции, характеристик этих реакций, роли социальных факторов в складывании этих механизмов и многого другого. Важно, что, по всей видимости, в настоящее время, хотя некоторые из этих теорий выглядят более обоснованными теоретически и эмпирически, нежели другие, говорить о том, что мы знаем ответы на стоящие в этой области исследований вопросы, преждевременно. Притом что исследовательские дизайны, необходимые для продвижения в области, неизбежно являются сложными и междисциплинарными [Wertz, Moya, 2019], эта область исследований обладает большим потенциалом.

В результате, с учётом того, что эти работы, как показал поиск по цитированиям, почти не известны российским исследователям, задачей минимум этой статьи является представить это направление для отечественного читателя. Задачей же максимум — две. Во-первых, на основании представленного материала, с учётом дисциплинарных ограничений автора, социолога по образованию и области исследований, и существующей критики описываемых теорий, — обобщить актуальные представления о когнитивных механизмах, связанных с производством этничности. Во-вторых же, рассмотреть эти теории через призму когнитивного поворота и, оттолкнувшись

¹ Притом что, как будет сказано ниже, первичный импульс для создания этой разметки был получен в ходе чтения работы «Объясняя этничность» Г. Хейла [Hale, 2004], похожий ход мысли последнее время встречается как в зарубежном [Torres, 2019], так и в российском [Паин, 2023; Тишков, 2023] поле исследований этничности.

от этих теорий, как если бы они в своей актуальной версии были бы верны, предложить «апгрейд» общего понимания этнических явлений на стыке эволюционной когнитивистики и конструктивистской социологии. Следует отметить, что материал, который описывается в статье, сложный, её автору очевидно, что каждая из теорий могла бы быть понята и изложена лучше, равно как и для работы с этим материалом требуется междисциплинарная команда. Таким образом, эта статья является своего рода «затравкой», с помощью которой эта команда может быть собрана, а её несовершенства — «триггером», который может стимулировать обсуждение для создания полноценного междисциплинарного объяснения этнических явлений.

Примордиализм «курильщика»

vs. примордиализм «здорового человека»²

Разметка области исследований этничности, в которой фигурируют такие слова как «примордиализм», «эссенциализм», «конструктивизм» и «инструментализм» [Омелаенко, 2015; Кудрин, 2000], как представляется, не оптимальна по трём причинам. Во-первых, фактически такой устоявшейся разметки нет, и, если спросить у действующих учёных, что они понимают под каждым из этих терминов, выяснится, что до консенсуса далеко. Во-вторых, есть тенденция к карикатуризации этих терминов, поскольку сначала «конструктивисты» в рамках собственного становления изобрели «примордиализм» и «эссенциализм», затем появившиеся в рамках этого процесса «примордиалисты» и «эссенциалисты», в некотором смысле «нанесли ответный удар» [Варшавер, 2022]; надо ли говорить, что, поскольку по сути речь идёт о вялотекущей войне в том числе и с политическим подтекстом и контекстом (примордиализм нередко ассоциируется с консервативными повестками дня в политике, конструктивизм же, наоборот, связывается с различного рода прогрессивными силами), аргументация противоположной стороны редуцируется до тезисов, под которыми кто-либо из её представителей вряд ли бы подписался. В-третьих, есть тенденция к уравниванию этих условных подходов в рамках очень наивной философии науки, в которой борются между собой научные школы и теории, притом что фактически (об этом

² В этом названии было решено обратиться к популярным в интернете мемам, отсылающим к социальной рекламе, в которой демонстрируются и противопоставляются «лёгкие курильщика» и «лёгкие здорового человека».

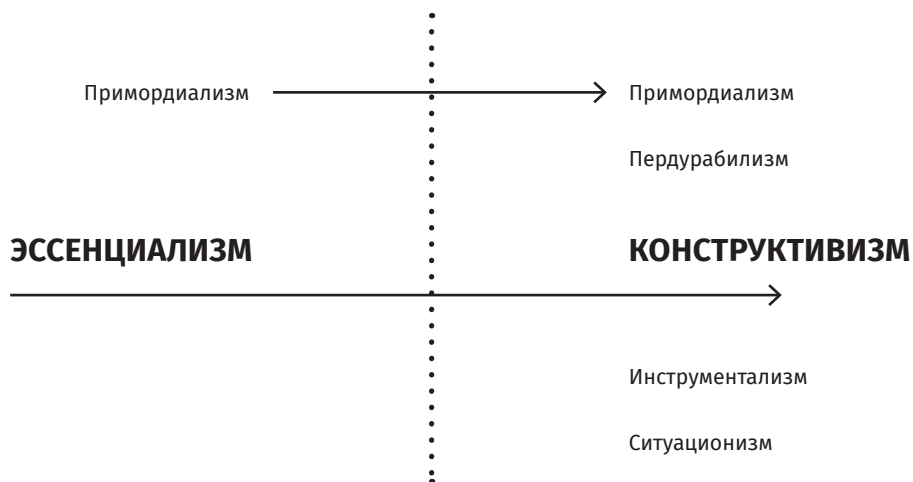

Рис. 1. Разметка поля исследований этничности

позже) речь идёт о парадигмальном сдвиге в общественных науках в целом, в контексте которого неизбежно оказываются и исследования этничности.

Отдельно можно говорить о происхождении терминов и том, как они использовались и используются разными авторами, однако задача, решаемая в рамках этого фрагмента статьи, носит более ограниченный характер: предложить более осмысленную разметку поля, чтобы локализовать в её рамках эволюционно-когнитивный подход, которому посвящена статья. Эта разметка, впрочем, неизбежно должна оказаться вторичной по отношению к процессам, идущим в осмыслении феномена этничности, в связи с чем конкретные слова важны менее, чем общее понимание этих процессов и вопросов, которые встают перед областью.

Вкратце эта разметка резюмирована в схеме³ (см. рис. 1). Идёт смена парадигмы. От наивных представлений об этничности, корнями уходящих в донаучные, вернакулярные концепции, бытовавшие в сообществах путешественников и ранних антропологов, исследования этничности вместе с общественными науками в целом переходят к конструктивизму как общей, всеобъемлющей парадигме. Нельзя говорить о полной её победе во всех исследовательских областях (и ис-

³ Различением между примордиализмом и инструментализмом как основными рамками современной науки об этничности автор обязан работе Хэйла, в этом же виде схема была разработана в ходе учебного курса «Этничность: современные подходы», который автор прочел в 2023 году на факультете социологии НИУ ВШЭ.

следования этничности — это хорошая иллюстрация того, насколько не в один момент происходит смена парадигмы), более того, существуют и другие влиятельные парадигмы (например, позитивизм), однако именно конструктивизм является пространством кристаллизации «точки Б», куда из «точки А» идут исследования этничности.

Если коротко, конструктивизм — это представление, согласно которому социальные явления — это своего рода коллективные верования и, в некотором смысле, фантомы, которые возникают и существуют в ходе и за счёт по-разному устроенной коммуникации между людьми. Их межпоколенная устойчивость — это функция от социализации в эти верования новых членов, которые интериоризируют социальную реальность «взрослых», из этих верований и состоящую⁴. Динамика этих верований связывается с разнообразием вещей: с тем, что верования различаются и в какой-то момент начинают конкурировать с тем, что они не проходят «принцип реальности», с тем, что некоторые из них могут оказаться неудобны их носителям. Именно это (даже без последнего тезиса про изменения, который скорее является «апокрифом») — основа конструктивистской парадигмы.

Конструктивизм стал контекстом и направлением движения исследований этничности. В его рамках, в соответствии с описанными выше основаниями, объектом изучения становятся различные общественные представления, связанные с делением людей на типы и группы, с характеристиками этих типов, с природой этнических различий как таковых, и со многим другим подобным. Это «точка Б», где-то и для кого-то уже самоочевидная, где-то — ещё практически непредставимая. Какие представления характеризуют условную «точку А»? В их описании важно не скатиться в карикатуризацию, однако это практически неизбежно, потому что неотрефлексированные, преднаучные представления описывать сложно. Тем не менее, можно выделить несколько основных таких представлений.

Во-первых, это «группизм»⁵. Группизм — это представление о том, что в основании и социальной жизни, и её этнологического анализа лежат по-разному называемые этнические группы (нации, расы, этносы, племена, собственно этнические группы). Пожалуй, именно «группизм», а также идущие в связке с ним когнитивные искажения (о том, с чем они связаны, нужно говорить отдельно), хронически вменяющие представителям «группы» большие сходства и координацию, чем есть на самом деле, является основой «эссенциализма».

⁴ Пожалуй, важнейшей работой, в которой проясняются механизмы такого конструирования, является книга П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» [Бергер, Лукман, 1995].

⁵ Этим термином мы обязаны Р. Брубейкеру и его классической работе «Этничность без групп» [Брубейкер, 2012].

Во-вторых, это представление о том, что этническая принадлежность «в крови» и наследуется биологически. В-третьих, это представление о том, что корни современных «этнических групп» уходят в древность. Каждое из этих представлений имеет свою судьбу и природу и не рядоположено другому, в частности, «группизм» — это и вернакулярная онтология (которая, согласно некоторым теориям, описанным ниже, свойственна человеку как виду), и научный язык, на котором могут говорить и конструктивисты за неимением другого и для краткости; биологический субстрат этничности — это теория, казалось бы умершая, с расистскими подходами первой половины XX века, но реанимированная современным «генетическим биологизмом»; идея же древних корней является основой как очень «группистской» и местами метафизической советской теории этноса [Бромлей, 1983], так и вполне осмысленного конструктивистского историзма в варианте Э. Смита [Smith, 1986]. Таким образом, говорить о конкретном, чётко определимом «эссенциализме» нельзя, тем не менее где-то в пространстве таких верований и находится «точка А».

Далее, в рамках уже конструктивистской парадигмы, ставится два больших вопроса. Первый является тем вопросом, который когда-то позволил парадигме устояться и оказаться убедительной. Он связан с по-разному понимаемой изменчивостью этнических явлений. Это и возможность изменения этнической идентификации, и изменчивость «культуры» «этнических групп», и контекстуальность и «множественность» этнической принадлежности (здесь намеренно используются разные языки описания для демонстрации пестроты и конструктивизма тоже). Второй вопрос возникает как бы «в противофазе» исследований конструктивизма, которые первое время ассоциируются почти исключительно с изучением разного типа изменений. Он, напротив, связан с устойчивостью. Есть две вариации этого вопроса. Первая касается устойчивости идентичностей и идей, которые составляют, говоря языком Смита, мифосимволические комплексы, связанные с теми или иными этническими категориями. Вторая касается воспроизводимости от контекста к контексту этнических явлений как таковых, притом что и используемые категории, и смыслы этих категорий различаются. Сюда же можно отнести и повторяемость смыслов, связанных с этническими категориями, в различных контекстах и в связи с разными этническими категориями⁶.

⁶ Так, в рамках экспедиции в Нижегородскую область, Марий-Эл и Татарстан вопрос ставился именно таким образом, и было показано, что существуют воспроизводящиеся дискурсы о том, что «на самом деле» представители категории, к которой принадлежат информанты, «являются голубоглазыми блондинами», а также о том, что в сообществах, помещённых в фокус исследования, «национальная культура утеряна», притом что есть места, где она сохраняется, например «леса [титульной национальной республики]».

И если первый блок вопросов исследуется теми, кого можно назвать инструменталистами или ситуационистами, второй оказывается в фокусе конструктивистских пердурабилитов (*durable* — длящийся) или, проще и в некотором смысле провокативнее говоря, примордиалистов. В результате, используя язык популярных мемов, можно выделить два типа примордиализма: примордиализм «здорового человека», то есть конструктивистский, и примордиализм «курильщика», то есть эссенциалистский. Примордиалист «здорового человека» — это Энтони Смит, который изучает то, как категория «еврей» используется на протяжении последних трёх тысяч лет, хотя фактические «евреи» и их «культура» меняются, или Пьер ван ден Берге, который задаётся вопросом об эволюционных корнях ин-группового фаворитизма (притом что сама его теория не выдерживает критики с точки зрения современного эволюционизма) [Van den Berghe, 1987]. А примордиалист «курильщика» — это Юлиан Бромлей, который обнаруживает корни «этносов» в неолите и считает, что современные нации как «межпоколенные общности» существуют с тех пор. В связи с этим «примордиализм» размещён на схеме как в эссенциалистской её части, так и в конструктивистской. При этом инструментализм и ситуационизм эссенциалистскими быть не могут, они плоть от плоти — конструктивистская парадигма. Однако это не значит, что не может быть инструментализма или ситуационизма «курильщика». Последний, если представить его в несколько карикатуризированной форме, исходит из того, что идентификация является результатом свободного волеизъявления людей. Вряд ли можно встретить учёных, которые в полной мере так считают, но такое представление имплицитно заложено в постановку вопроса многих исследований, например, тех, где речь идёт о «выборе идентичности» в сложных ситуациях и проч. [Goodenow, Espin, 1993; Намруева, 2022].

Фактически же этничность и устойчива (в обоих смыслах), и меняется, и оба типа вопросов, как примордиалистский, так и инструменталистский (но в конструктивистской парадигме и интерпретации) имеют право существовать, более того, ответ на них необходим для создания всеобъемлющего описания этого явления. И эволюционную когнитивистику, исследовательское направление, которому будет посвящена следующая часть статьи, по типу решаемой проблемы можно классифицировать как «примордиализм», однако в той мере, в какой она базируется на современных эволюционных подходах и постепенно инкорпорирует конструктивистские онтологии и языки, этот примордиализм является примордиализмом «здорового человека» и, как нередко утверждается, легко инкорпорируется в современную конструктивистскую парадигму. Далее традиция исследований в области эволюционной когнитивистики этничности будет реконструирована, а актуальные представления, базирующиеся на результатах этих исследований, будут эксплицированы.

Лоренс Хиршфелд и эссенциализация расовых стимулов

Исследователем, работы которого считаются пионерскими для области исследований эволюционной когнитивистики этничности, является психолог-девелопменталист и когнитивист Лоренс Хиршфелд. В нескольких статьях [Hirschfeld, 1995, 2003] и книге [Hirschfeld, 1996] он разрабатывает подход, согласно которому существует некоторое, небольшое количество общих схем, из которых затем производятся частные схемы для интерпретации конкретных элементов и сфер окружающего мира, и одной из важных схем такого рода является эссенциализм. Суть эссенциализма состоит в том, что человек делит объекты внешнего мира на категории, каждой из которых приписывается внутренняя сущность, не определяемая автоматически по внешним признакам, но с ними коррелирующая, и на основании этой сущности делаются каузальные выводы, они же прогнозы относительно поведения. Согласно Хиршфелду (вопреки тому, что ему иногда приписывают), именно такой механизм лежит в основании детского (а затем и взрослого) способа когнитивной интерпретации расовых категорий. Притом что расы не дискретны, а разные признаки распределены по людям континуально, не образуя кластеров, люди, на основании эссенциального механизма, относятся к расам как к дискретным группам, принадлежность к которым является объясняющей поведение.

Во многом этот процесс аналогичен тому, как мозг перерабатывает информацию о видах животных с той лишь разницей, что животные — это «естественные виды», действительно кластеризующиеся по признакам, не происходящим из классификаторных усилий человека. Хиршфелд, впрочем, спорит с версиями своих предшественников [Rothbart, Taylor, 1992], согласно которым происходит перенос (transfer) схем, которые используются для интерпретации животного мира, на мир людей. Согласно Хиршфелду, и мир животных и мир людей интерпретируется на основании общей эссенциалистской схемы. При этом фактическое её наполнение (какие признаки являются устойчивыми на протяжении жизни, а какие нет, какие признаки наследуются биологически, а какие культурно), по логике Хиршфелда (хотя напрямую он об этом не пишет) берутся из социальной среды. Более того, они имеют как вербальную основу (так «выучиваются» категории), так и визуальную (так с категориями связываются некоторые маркеры внешности). У Хиршфелда была обширная экспериментальная программа, на основании которой он создавал свою теорию. В рамках одного из элементов этой программы, он ставил вопрос о том, как устроены представления детей дошкольного возраста о расах, насколько эти представления являются набором поверхностных инференций относительно внешности или же они — полноценная теория, «народная социология». Для этого он использовал экс-

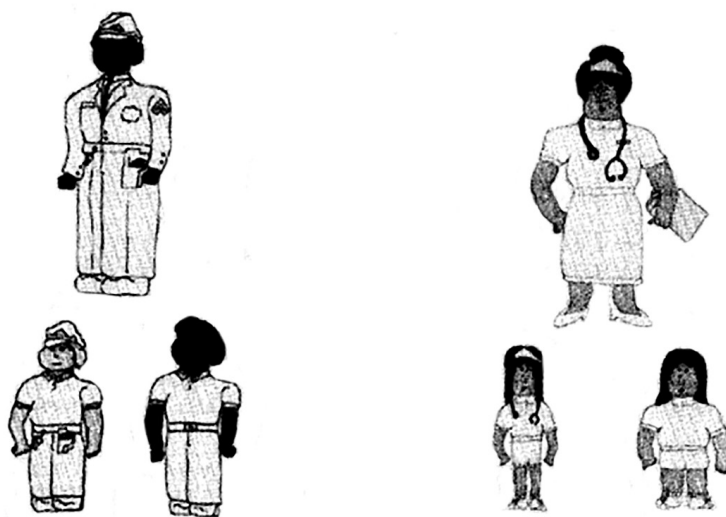

Рис. 2. Вариант стимулов, которые использовал Л. Хиршфельд в экспериментах [Hirschfeld, 1995]

периментальные дизайны следующего характера. Дошкольникам в возрасте 3, 4 и 5 лет демонстрировались картинки, на которых был изображен взрослый человек, а затем демонстрировалась картинка с двумя детьми и задавалось два вопроса: кто из детей ребенок взрослого и кто из детей — взрослый в своем детском прошлом (см. рис. 2).

Как взрослый, так и дети при прочих равных характеризовались различиями по трем признакам: расовые (здесь Хиршфельд объединил цвет кожи, форму губ и характеристики волос и подробно пояснил, почему именно эти характеристики он называет расовыми), связанные с телосложением (полный/худой) и профессиональные (которые выражались в одежде, указывающей на профессию, например, полицейский или врач). Результаты этого эксперимента показали, что именно раса (но наряду с профессией) является, во-первых, устойчивой на протяжении жизни характеристикой (ответы на вопрос о взрослом в детстве), во-вторых, характеристикой наследуемой (ответ на вопрос о ребенке взрослого). Но может быть дети декодируют не расу, а просто цвет (частным случаем которого является цвет кожи) так считывается? Чтобы исключить эту гипотезу, Хиршфельд провел ещё один эксперимент, где по похожему сценарию показывал детям того же возраста сначала людей с тем же набором характеристик, что и в первом эксперименте, а затем собак и автомобили, одни «похожие» на людей (например, машина того же цвета, что и цвет кожи человека), другие — отличающиеся (человек — худой, машина — уве-

личенная по ширине). В этом эксперименте цветовые стимулы не выделялись детьми чаще, из чего Хиршфелд сделал вывод о том, что именно раса, а не цвет как таковой, является представлением, на основании которого дети интерпретируют картинки.

В последних двух экспериментах, вошедших в цикл, он применил визуальный вариант задания «Подмена при рождении» (Switch at birth task, SaBT), где сначала показал родителей (или сказал, что они или белые, или чёрные, чётко этот момент не описан), а потом детей, сказав, что затем их перепутали в роддоме, — белый ребенок оказался в чёрной семье, а чёрный — в белой, а дальше показал изображения подростков (в разных вариантах, тоже в чёрном или белом) и спросил, кто из подростков является белым (а затем и чёрным) ребенком, подменённым в младенчестве⁷. Согласно результатам этого эксперимента, лишь меньшинство детей считает, что от того, что «приемные родители любили ребенка, обнимали и целовали его, когда ему было грустно, покупали ему еду» и проч., он мог сменить расу, которая связывалась с визуальными стимулами. Нужно, впрочем, отметить, что у трёхлеток, в отличие от пятилеток, гораздо больше испытуемых «выступало» за «конструктивистский», социализационный аргумент и выбирало вариант, в котором ребенок сменил расу⁸.

В сухом остатке на основании этих экспериментов, Хиршфелд пришёл к выводу, что дети обладают полноценной концепцией относительно рас, согласно которой расы — это определенные характеристики внешности, устойчивые на протяжении жизни и передающиеся посредством рождения. Этот эксперимент, наряду с другими, стал основанием для теории, описанной выше. Рецепции Хиршфелда, однако, существенным образом вульгаризировали его теорию, а критика (небезосновательно, впрочем) указывала на разрыв между его теорией и экспериментальными планами. Представляется, однако, что теория Хиршфелда в исходном её варианте достаточно осторожна, как минимум, явно осторожнее её интерпретаций. Она, кроме того, не является эксплицитно эволюционной, то есть он не обсуждает то, как и «в каком мире предков» и за счёт каких адаптаций к чему сложились соответствующие способы восприятия реальности. Этим занимаются его последователи.

⁷ До того он ещё проверил, насколько дети фактически связывают расу ребенка с рождением и спросил, кто из детей (чёрный/белый) родился у чёрной (а затем белой) пары. На этот вопрос ответ был положительным (да, дети связывают рождение и расу).

⁸ Это важный результат, «просмотренный» Хиршфелдом, однако «заигравший» в рамках последующих работ, в которых важность фактора среды увеличивается.

Франсиско Гил-Уайт и этнические группы как виды животных для человеческого мозга

Американец Франсиско Гил-Уайт, который делал исследования в рамках написания диссертации *Cognitive Science of Ethnicity* под руководством эволюционного антрополога Роберта Бойда в университете Калифорнии, в программной статье «Являются ли этнические группы естественными типами для человеческого мозга» [Gil-White, 2001]⁹ предложил оригинальную эволюционную теорию, призванную объяснить в широком смысле этничность, в узком смысле — специфику этнических групп или категорий среди прочих социальных групп и категорий.

Эта статья написана в достаточно нестандартном ключе, поэтому в чётком виде проследить аргументацию автора затруднительно, однако в целом аргумент Гил-Уайта следующий. Человеческая когнитивная конституция, сложившаяся эволюционно, заставляет мозг человека воспринимать этнические группы с помощью когнитивных модулей, также используемых для переработки информации, связанной с видами животных, и происходит это в связи с тем, что этнические группы обладают некоторыми свойствами видов животных — эндогамией и членством, основанном на наследовании. Этот аргумент раскрывается и доказывается с привлечением разнообразия ресурсов из философии, возрастной психологии и когнитивистики, а в части эмпирики автор полагается на свои антропологические исследования в западной Монголии, где, в небольшом райцентре и вокруг него он исследовал представления об этничности людей, классифицируемым как монголы и казахи (а также как представители более узких категорий).

В теоретической части основной упор автор сделал на идею эссенциализации, которую, равно как и идею про когнитивные модули, сложившиеся для определения животных и взаимодействия с ними, он заимствует у Хиршфелда и его предшественников. Смысл эссенциализации состоит в том, что некоторые явления мозг склонен рассматривать как типы, и даже если конкретные представители одного типа различаются внешне, они, с точки зрения мозга, имеют общую внутреннюю сущность (ту самую эссенцию).

Это связано с когнитивной экономией — на основании этого представления когнитивно «дешевле» делать выводы о свойствах, предсказывать поведение и проч. И в этом смысле различаются «аналитические типы» (*human kinds*), которые появились в результате

⁹ Некоторые другие его работы: *The Cognition of Ethnicity: Native Category Systems Under the Field Experimental Microscope* [Gil-White, 2002], *How Thick is blood? The Plot Thickens...: If Ethnic Actors are Primordialists, What Remains of the Circumstantialist/Primordialist Controversy?* [Gil-White, 1999].

классификаций, осуществленных людьми, и «естественные типы» (natural kinds), которые существуют помимо классификаторных усилий человека. Так, «рабочий класс» (аналитический тип) отличается от зверей или видов металлов (естественный тип). Особенность естественных типов в восприятии состоит в том, что представителям каждого из них вменяется общая природа, и исходя из этого (если говорить, скажем, о животных) предсказывается поведение.

Как так получилось, что люди стали воспринимать этнические группы таким образом? Здесь автор эксплицирует своё представление о «мире предков» (важный, однако, как представляется, плохо проработанный конструкт в эволюционных исследованиях), а также вводит новую переменную — нормативность. В «древности» люди жили небольшими группами, каждая из которых имела тенденцию к нормативной унификации. Это вновь было связано с когнитивной экономией: издержки коммуникации ниже, если люди разделяют «одну на всех» нормативную систему. К нарушителям применяются санкции и следствием этого является то, что группы начинают быть сходными нормативно внутри и различными между собой. Далее несознательная когнитивная экономия заставляет относиться к чужакам как к нарушителям среди своих и не любить их (так объясняется нелюбовь к чужакам). Параллельно в их отношении «включалось» категориальное мышление (группа = категория = сходство внутри и отличие от остальных), и, вкупе с тем, что эти группы были в основном эндогамны, а также воспроизводились за счёт включения в них новорожденных — для мозга они и стали напоминать виды животных, и через эту призму и воспринимались. И этнические категории отличаются от прочих социальных категорий, которые так не воспринимаются.

Но что именно Гил-Уайт делал в поле и как эмпирически обосновывал свои выводы? С информантами кочевниками и полукочевниками в Монголии он проводил эксперименты, в которых участникам нужно было ответить на вопросы о том, кем является ребенок от брака, в котором родители классифицируются как представители разных этнических категорий, а также где ребенок был усыновлен представителями иной категории, нежели та, к которой принадлежали его биологические родители (SaBT и его вариации). Если информант — в случае последнего вопроса — придерживался мнения, что этническая принадлежность наследуется биологически, он классифицировался как «эссенциалист», если он считал, что она приобретается в ходе социализации в семье, он классифицировался как «конструктивист» или «ситуационист».

Участники эксперимента Гил-Уайта были в основном «эссенциалистами», те же, кто был «ситуационистом» или «конструктивистом», на проверку тоже оказывались «эссенциалистами». Здесь Гил-Уайт разделил, условно говоря, спонтанный взгляд и риторiku, и, притом что риторика может быть разной, спонтанный, «естествен-

ный» взгляд будет «эссенциалистским». В качестве аргумента приводится разговор с его полевым помощником «из местных», в котором обсуждалось, может ли ребенок, которого усыновили представители категории, про которую известно, что они колдуны, колдовать. Нет, не может. А может ли ребенок, который родился у колдунов, но усыновленный неколдунами, колдовать? Может, но не будет, потому что не знает о таком своем свойстве. И здесь, пишет Гил-Уайт, колдовство оказывается следствием той внутренней сущности, которая характеризует представителей категории от рождения.

Затем те же вопросы он протестировал для клановых категорий, однако выяснилось, что в их отношении эссенциализации не происходит. Он это объяснил тем, что между представителями этих категорий нет нормативного зазора, а именно он, в том числе, и запускает такой тип мышления. Затем этот ход мысли и результаты были экстраполированы на современную реальность и, применительно к США, он говорит о том, что чем больше «этнии» удовлетворяют условиям различной нормативности, эндогамии и членства через рождение, тем с большей вероятностью они будут считываться мозгом на основании модуля, который сложился для считывания видов животных. И современные расы считываются, таким образом, не из-за различий во внешности *per se*, а прежде всего потому, что различия во внешности являются, среди прочего, маркером иного типа нормативности.

В целом, если редуцировать аргумент Гил-Уайта, человек использует когнитивные модули и схемы восприятия, которые сложились для взаимодействия с животными, применительно к представителям разных этнических категорий, потому что последние удовлетворяют критериям эндогамии и передачи членства через рождение, и нормативность является и индикатором, и скрытым свойством, которое важно понимать для предсказания поведения, отчего эта когниция и включается.

Аргументация его, впрочем, — довольно запутанная, и его соображения вызвали противоречивую реакцию у сообщества (от полного принятия до «карикутуры на эволюционную психологию»), однако до настоящего момента эта работа считается одной из ключевых в рамках эволюционной теории, примененной к этничности. Нужно также отметить, что Гил-Уайт свои когнитивные исследования не продолжил, — начав расследовать военные преступления США на Балканах, он оказался в эпицентре скандала, в результате которого его уволили из университета Пеннсилвании, где он тогда работал, после чего он оказался в университете Мехико, а сейчас он публикуется в качестве «независимого исследователя» и ведёт блог под названием «Управление реальностью», который посвящен «разрушению западных инстинктов и поиску путей возвращения к западному здравому смыслу»¹⁰.

¹⁰ Management of Reality. [Online] <https://franciscogilwhite.substack.com/> [Accessed] 09.01.2024.

Леда Космидес, Джон Туби и когниция альянсов

Примерно в тот же период, но также до и после, появляется серия публикаций [Cosmides, Tooby, Kurzban, 2003; Kurzban, Tooby, Cosmides, 2001; Pietraszewski, Cosmides, Tooby, 2014], в которой супружеская пара, являющаяся одновременно междисциплинарной командой, состоящей из психолога Леды Космидес и антрополога Джона Туби, а также их разнообразных и разнородных (что важно для разработки аргумента и доказательной базы в обсуждаемой области) соавторов, предлагает свою оригинальную концепцию, лежащую на стыке эволюционной теории и когнитивной психологии, в рамках которой «ответственным» за производство этнической реальности, является не эссенциализм естественных типов, как у Хиршфелда и Гил-Уайта, а эволюционно сложившееся свойство человека выискивать индикаторы принадлежности людей к подвижным и неочевидным группам, которые Космидес и Туби называют альянсами.

Отталкиваясь от литературы, посвященной распознаванию рас, они задались вопросом о когнитивных основах почти автоматического (как следует из большей части литературы) распознавания рас. Такое распознавание не может быть *domain specific*¹¹, то есть сложиться эволюционно под именно такой стимул, поскольку люди большую часть своей истории не встречались с людьми, существенно отличающимися от них внешне, а значит эта декодировка является следствием существования (byproduct) когнитивной машинерии, сложившейся эволюционно в ответ на другие вызовы и под другие потребности.

В качестве обоснования этого тезиса они делают обзор литературы, касающейся биологической природы рас. Согласно текстам, на которые они ссылаются [Marks, Relethford, 1997; Graves, 2003], во-первых, вариации внутри номинальных рас (как бы их ни выделяли) существенно выше, чем между расами, во-вторых, генетическое разнообразие человечества, взятого в общем, ниже, чем генетическое разнообразие локальных групп животных одного вида (например, шимпанзе), и, в целом, если использовать биологические таксономии, расы не могут считаться даже подвидами в рамках одного вида или, корректнее говоря, генетическое разнообразие человечества меньше, чем, в усредненном случае, у подвида животных. Более того, повышенная распространенность тех или иных генов кластеризуется иным образом, нежели предполагают народные классификации по расам и народам.

¹¹Различение *domain general* и *domain specific* широко используется в этой традиции, и речь в его рамках идет о разнице между общими способами восприятия, с одной стороны, и механизмами переработки конкретной информации в конкретных областях жизни, с другой.

Этот обзор нужен авторам для того, чтобы показать, что, вопреки расхожему «народному» мнению, люди объективно не различаются так, чтобы это бросалось в глаза так сильно, как это происходит. А значит, существуют дополнительные, когнитивные факторы, которые обеспечивают заметность различий. Отталкиваясь от этого, авторы формулируют три гипотезы когнитивного характера. Первая состоит в том, что человек автоматически и первоочередно считывает расовые стимулы в связи с тем, что в глаза бросаются цветовые различия. Человек в сравнении с другими животными — визуал, распознает цвет, поэтому такую гипотезу сформулировать можно. Но сразу же, основываясь на разных экспериментах (они используют тонкую доказательную базу и ориентируются на разные типы эмпирических работ), показано, что это не так, но важнее даже то, что неясно, почему разница в цвете между людьми настолько бросается в глаза в сравнении с другими цветовыми стимулами и различиями.

Затем они описывают предложенную Хиршфелдом и Гил-Уайтом гипотезу об «эссенциалистской системе инференции, которая развилась для осознания различий между «естественными „типами“». Эта гипотеза ими не отменяется, однако они предполагают, что за «расовым мышлением» может также стоять что-то другое, и они предлагают третью, основную для них гипотезу, которая состоит в том, что спонтанное внимание к «расовым стимулам» является производным от «комputационной машинерии», которая возникла в ответ на необходимость выявлять человеческие альянсы и коалиции. Согласно этой гипотезе, человек долгое время жил небольшими группами с непостоянным членством, и первоочередной задачей было — на основании многих, меняющихся, признаков, к которым может относиться цвет кожи, фасон одежды или акцент, быстро понимать, является ли человек членом дружественной или враждебной коалиции¹².

Распознавание же рас происходит спонтанно лишь в тех контекстах, в которых именно раса является прокси альянса, а также эффективным предиктором социального поведения (важно, что и вопрос ставился в контексте США и до того проведенные эксперименты по большей части проводились там). Для работы с этой гипотезой авторы обращаются к эксперименту, где в стимульном материале «пересекались» разные факторы и, если эти факторы указывали на то, что человек «другой расы» оказывается нетривиально «социально расположен» (класс, профессия и проч.), испытуемые довольно быстро перестают считывать его «расу».

В целом, авторы уверены в следующем: (1) существует когнитивная машинерия, «ответственная» за спонтанное распознавание рас;

¹² Нужно отметить, что «мир предков» Космидес и Туби отличается от «мира предков» Гил-Уайта значительно большим разнообразием и социальностью.

(2) эта когнитивная машинерия сложилась не для распознавания рас, а для распознавания частью видов животных, частью — человеческих альянсов. Как соотносятся между собой эти две машинерии, авторы только предполагают. Например, что «этнические группы» — это в большей степени альянсы, а «расовые группы» — это в большей степени «естественные типы». Для того, чтобы понять, как именно это устроено, нужно, как считают авторы, исследовать дальше.

Кристина Мойя и отсутствие единого «когнитивного модуля», ответственного за этничность

В своих последующих работах Хиршфелд, в целом, остается на тех же позициях и работает в той же логике, постепенно выходя на пенсию, Гил-Уайт уходит из Академии, Космидес и Туби отходят от темы и концентрируются на эволюционной психологии морали, а ключевым автором для эволюционных исследований когний, связанных с этничностью, становится молодая (Ph.D. защищена в 2012 году) исследовательница из Калифорнийского университета Кристина Мойя. Она пишет работы в соавторстве с ключевыми фигурами непосредственно из сферы эволюционной когнитивистики этничности (Роберт Бойд, бывший некогда научным руководителем Гил-Уайта), из более широких областей (эволюционный биолог Йозеф Хенрик), а также без соавторов. По всей видимости, именно её работы содержат наиболее актуальные представления о том, в чём состоят «когнитивные предзаданности», связанные с существованием этнических явлений, а также как соотносятся между собой биологические и средовые факторы. Важно также то, что она, с одной стороны, обобщает имеющиеся свидетельства, с другой — фундаментальным образом подходит к созданию собственных исследовательских дизайнов. Всё это заставляет разобрать её работы и ход мысли, в них содержащийся, детальнее всего.

Её работы находятся в контексте современной эволюционной теории, известной как теория коэволюции культуры и генов (culture-gene coevolution, CGC). В рамках этой теории показывается, как генетическая вариабельность человечества меняется в связи с культурными изменениями и, наоборот, культура «подстраивается» под человека в тех или иных его генетических «конструкциях» [Moysa, Henrich, 2016]. В этом теоретическом контексте Мойя создавала и реализовывала конкретные исследовательские дизайны и выходила на более широкие обобщения. В 2016 году в соавторстве с Бойдом она провела компаративное эмпирическое исследование восприятия этничности в США и Перу [Moysa, Boyd, 2016].

Его дизайн исходил из следующей постановки проблемы. Согласно современному эволюционному функционализму, стереотипы относительно социальных категорий (или машинерии, их производящей) должны быть, с одной стороны, достаточно грубыми для того, чтобы удовлетворять критерию «быстро понять, кто перед тобой и начать действовать», но одновременно достаточно точными, чтобы эта генерализация действительно помогла принять верные решения. В связи с этим, например, гипотеза об ин-групповом фаворитизме как функции поддержки высокой самооценки не проходит «фильтр» эволюционного функционализма, потому что вряд ли недооценка представителей окружающих категорий способствует выживанию. Верить в себя, конечно, полезно, но не в ущерб точности оценки расклада сил.

Однако, по всей видимости, с одной стороны, людям свойственно символизировать различия и обозначать их разными маркерами, с другой — человек эволюционно предрасположен эффективно распознавать такого рода маркеры, поскольку соответствующий навык был полезен для выживания. Но идёт ли речь о каких-то конкретных маркерах, или в дело включается «эвристика», в рамках чего мозг приоритезирует примерные типы маркеров, которые удовлетворяют определенным характеристикам? Каким? Какова роль среды в этой приоритезации, то есть, иными словами, в какой степени тенденцию фокусироваться на конкретных маркерах люди имеют с рождения, а в какой — выучивают в процессе социализации? Какой социализации: ранней или поздней? И можно ли говорить о том, что в конечном счёте эволюционно наиболее полезным навыком, «ответственным» за этничность, является умение определять ситуативно важное о других людях на основании ситуативных и очевидно изменчивых признаков?

Для проверки этой и сходных гипотез, авторы фокусируются на маркерах, связанных с одеждой, и создают экспериментальный дизайн, в котором одежда противопоставляется таким маркерам, как эмоции, форма тела и цвет кожи. В рамках эксперимента испытуемым показывают изображения людей, называют некоторую скрытую особенность этого человека (например, любит банановый чай), а затем, показывая одновременно ещё ряд изображений людей, предлагают ответить на вопрос, у кого ещё есть такая скрытая особенность. И если испытуемые в большем, нежели если бы речь шла о случайности, числе случаев выбирают изображение человека с такой же характеристикой, как и на первом изображении, делается вывод, что именно эта характеристика указывает на то, по какому принципу происходит группировка.

А если существуют различия между детьми и взрослыми, и, допустим, фактор одежды является группирующим в случае детей, а в старших возрастах его группирующая «мощь» снижается, можно предположить, что некоторые механизмы, приводимые в действие маркерами одежды, являются врожденными, а затем «тушатся» соци-

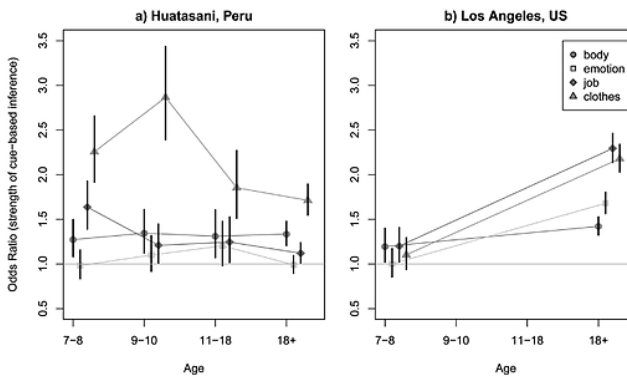

Рис. 3. Результаты эксперимента Кристины Мойя и Роберта Бойда [Moya, Boyd, 2016]

ализацией, которая, в данном контексте, для группировки предлагает иные признаки или типы признаков.

Авторы, кроме того, детально описывают контекст экспериментов и конструкцию этничности¹³ в Лос-Анджелесе (локация исследования в США) и в Альтиплано (локация исследования в Перу) и разбирают, какие признаки фактически являются группирующими, какие вообще существуют представления об этничности (народный эссенциализм или конструктивизм), а также какие существуют прочие социальные группировки, и как они пересекаются с этническими (здесь они используют определение этничности К. Чандры [Chandra, 2012]). Затем авторы переходят к описанию результатов экспериментов (см. рис. 3).

Результаты — не самые чёткие, однако видно, что, во-первых, эмоции (одна из четырёх переменных) для детей никогда не является группирующей, однако для взрослых в США это так, и это единственная подвыборка, для которой она является группирующей. А вот с одеждой, которой посвящена статья, всё сложнее. В Перу для детей она является главным маркером, для более старших детей важность одежды ещё увеличивается, но затем, по достижении совершеннолетия, снижается. В США же невысокая значимость одежды как маркера для детей «компенсируется» почти самой высокой значимостью его для взрослых.

¹³ Это делается в рамках критики современных психологических исследований, согласно которой психология является не психологией человека, а психологией второкурсника американского колледжа, ведь именно студенты в большинстве случаев и являются участниками экспериментов, результаты которых публикуются. Эта идея наиболее полно представлена в недавно вышедшей по-русски книге соавтора Мойи Хенрика «Самые странные в мире» [Хенрик, 2023].

Для интерпретации этих результатов авторы прибегают к аргументу «от среды»: в Перу одежда — это признак, связанный с образом жизни (сельский/городской), который может «включать» у детей когницию иерархий. Действие этой связки стимула и реакции усиливается в связи с тем, что учителя перуанских детей ходят в «городской» одежде (поэтому на более старших детях этот маркер работает сильнее). Но затем люди сталкиваются с разнообразными социальными контекстами и им становится понятно, что этот фактор не является определяющим.

Основной вывод состоит в том, что, с одной стороны, люди имеют когнитивное смещение, в рамках которого поверхностная информация, потенциально несущая символическую нагрузку, «с готовностью» становится основанием для группировки, то есть, в данном случае, представления о сходстве. И это смещение, по мнению авторов, является частью человеческого «когнитивного дизайна». С другой, то, что одежда (пример такого рода стимула) в разных контекстах оказывается группирующей в разной степени (хотя везде как минимум в некоторой степени) и при переходе от детского к взрослому возрасту, говорит о том, что люди умеют (и это тоже часть врожденных характеристик человека) эффективно выучивать, какие индикаторы являются определяющими для социальной группировки, беря эти индикаторы из среды. И эти выводы, по мнению авторов, соответствуют теоретическим основам функционалистской эволюционной когнитивистики, которая говорит о том, что без заложенной в человека адаптивности в том числе и в смысле связывания определенных внешних стимулов и определенных заложенных способов восприятия, человек бы не выжил.

Наиболее полный и актуальный теоретический синтез представлен в статье Мойя 2023 года за единственным авторством, которая называется «Что значит, что люди групписты»? [Мойя, 2023]. Проблема перевода ключевого термина из названия (groupish) на русский язык указывает в том числе и проблему, от которой отталкивалась автор. И действительно, когда — довольно размыто — говорят о том, что человек groupish, что имеется в виду?

Основной тезис Мойя состоит в том, что группирующие установки и поведение человека различаются по типам, что за разные типы «ответственны» разные когнитивные механизмы, развившиеся эволюционно под некоторые «задачи», а также что эти установки и поведение, по тем же эволюционным причинам, в разной степени экстраполируются на разные типы категорий (гендер, класс, профессии, возраст, этническая принадлежность и проч.). Её основной теоретико-методологический аргумент вновь состоит в том, что те или иные адаптации должны быть функциональны, однако параллельно с этим есть множество других функциональных адаптаций к другим явлениям (не связанным с этничностью), которые «смазывают» эффект одни других.

Более того, в этой статье она продолжает разработку аргумента, приведенного выше, согласно которому, говоря обобщенно, социально-культурный ландшафт, эффективно впитывающийся в процессе социализации, оказывается «ответствен» за то, в отношении каких именно категорий и каких стимулов эти адаптации будут «включаться». Иными словами, говорит Мойя, «когнитивная наука о человеческом свойстве группироваться должна стать социальной наукой, которая подходит серьезно к вопросу о культурной эволюции групповых границ, являющихся необходимым прекурсором интернализированных групповых идентичностей».

Её аргументацию, однако, стоит разобрать детально. Начинает она с проблематизации самого вопроса о склонности человека группироваться, говорит, что, если подходить к вопросу эволюционно-функционалистски, есть как минимум несколько задач, под которые групповое сознание могло развиваться — обучение (культуре), координация и кооперация. Обучение культуре необходимо, потому что таким образом передаются адаптации, которые способствуют выживанию, однако важно учиться у «правильных» людей — тех, кто адаптируется к тем же вызовам. К тем же вызовам с высокой вероятностью адаптироваться будут люди, непосредственно окружающие человека, в результате дифференцирование (или категоризация) плюс лучшее отношение к одной из категорий оказывается функциональным и эволюционно полезным.

Координация, в свою очередь, оказывается полезна для более оптимального распределения ресурсов и для снижения коммуникативных издержек разного типа. Известные примеры координации — это езда по правой или левой стороне, калым или приданное и проч. Но вновь возникает вопрос, с кем координироваться. И координация оказывается «группирующей» потому, что вновь осуществляется процедура дифференцирования и дискриминации, но уже для того, чтобы избежать издержек плохой скоординированности (здесь она ссылается на различную литературу про то, что общие нормы являются способом снижения издержек как при координации, так и при дифференциации).

Кооперация, третий тип группирующих установок и поведения, — это такая координация, которая предполагает общее дело и частный вклад в него. И, соответственно, санкции за отсутствие общего вклада. И вновь происходит дифференциация между теми, с кем кооперироваться и, соответственно, в отношении кого применять санкции при нарушении договоренностей¹⁴. Вслед за этим, однако, она задает вопрос о том, какие социальные множества и в каких

¹⁴ Здесь можно вспомнить мысль Гил-Уайта, согласно которой мозг «путает» плохих своих и чужих, потому что и те и другие «ломают» местную нормативность.

обстоятельствах оказываются «объектом» приложения группирующих адаптаций и приходит к выводу, что ответственным за это является «культурный ландшафт», характеризующийся определенным набором «этнических границ», которые оказываются более или менее оптимальны для «приложения» когнитивных адаптаций. Для того, чтобы ответить на вопрос, какие оказываются более оптимальны, нужно представить себе взаимодействия, сетевые процессы и проч., завязанные на эти категории, а также сделать предположение относительно эволюционной полезности тех или иных интеракций. Скажем, возрастные координаты работают не очень «группирующе», потому что адаптивнее учиться у старших, а вот гендерные уже более группирующие, потому что, в той мере, в какой общество структурируется на основе гендера, существует и гендерное обучение, которое, будучи пройденным, оказывается адаптивным.

Но наиболее группирующими являются границы или категории этнические или этнизированные. Что это такое в данном случае? Моя вновь исходит из определения Чандры, в рамках которого членство в категориях преимущественно наследуется, и «группы» оказываются «межпоколенными ячейками», связанные сходными нормами и целями. Она, однако, делает важную оговорку, что всё больше исследований указывает на то, что выраженность и содержание представления о наследуемости варьируется от контекста к контексту, и скорее это представление надо попробовать объяснить, а не помещать его в основание определения этничности. А в полной мере этнический феномен можно объяснить, «если мы аккуратно проанализируем, как разные культурные черты, социальные связи, кооперативные поведения и чувства принадлежности распределены по индивидам». Проще говоря, есть индивиды, которые находятся в разного рода отношениях друг с другом в самом широком смысле, у них есть некоторые когнитивные «предзаданности», а также представления, впитанные в ходе «многослойной» социализации, и в ходе такого рода интеракции и производятся представления и поведения, которые можно обобщающе назвать группирующими. И, в результате этого, контексты будут различаться в том, что касается характеристик и драйверов этнического разнообразия, а когнитивные механизмы, «ответственные» за его производство, с неизбежностью должны включать возможность освоения фактического социального ландшафта (социальных таксономий, их смыслов и правильного поведения исходя из этого) во всей его полноте (как бы исследователям ни хотелось из социальных категорий выделить специфически этнические). И в этом смысле, пишет Моя, что исследования в условной парадигме минимальных групп — это прежде всего про впитанное и отсылки к впитанному, а не про врожденное.

Но как складываются предзаданности и меняются ли они культурно? Да, более того, эволюция уже поработала над тем, чтобы опре-

деленные типы восприятия и поведения закреплялись в человеческих популяциях. И в результате такой интеракции и сложились те представления, которые — от контекста к контексту — воспроизводятся и предполагают группирующее поведение, идущее рука об руку с межпоколенным воспроизводством норм и представлений об общности, но также и механизмы инкорпорации новых членов. В целом, таким образом Мойя, используя эволюционный функционализм, показала, что эволюционный смысл группирующих установок и поведения может быть разным, что те или иные когнитивные механизмы складывались под влиянием среды, которая «усиливала» и «ослабляла» действие тех или иных адаптаций и когний, отчего последние менялись и, в конечном счёте, с одной стороны, характеристики «этнических» категорий, их смыслы и когнитивные механизмы, задействованные в их определении, могут быть разные от контекста к контексту, но дальше, в свете «соревнования контекстов» определенные когнитивные механизмы закрепляются в культуре (и «впитываются» в ходе ранней социализации), отчего распутать клубок «генетика-культура» оказывается чрезвычайно сложно.

В сухом остатке — в человеке заложены разные когнии, их заложила эволюция, то есть индивидуальная и коллективная адаптация к разнообразным вызовам среды, в результате чего люди в целом склонны дифференцировать и классифицировать, по результатам чего по-разному относиться к представителям разных — получившихся — категорий, но каким именно будет отношение, как сами люди будут воспринимать природу этих дифференциаций, на основании каких характеристик это будет происходить и что именно с ними надо делать, оказывается в большей степени функцией от распространенных в популяции представлений. И, скажем, цвет кожи, одежда или язык скорее являются типичными дифференцирующими индикаторами, однако ни один из них в чистом виде не заложен генетически. Однако как именно соотносятся между собой разные индикаторы, какие они (обще-эвристические или частные, типа цвета кожи или языка) и как они различаются, как пишет Мойя, — вопрос на данный момент неотвеченный и тема для дальнейших исследований.

Эдуар Машери и Люк Фоше: критика и синтез

Находясь в контексте и «перенимая эстафетную палочку» одна у другой, описанные выше работы по не до конца понятным причинам редко становятся объектом серьезной взаимной критики со стороны их авторов. В результате непроясненным остается соотношение этих теорий между собой. В этой связи важен обзор, который

сначала написали для сборника «Категоризации в когнитивной науке» в 2004 году философы Эдуар Машери (университет Питтсбурга) и Люк Фоше (Квебекский университет в Монреале) а затем актуализировали для второго издания сборника, вышедшего в 2017 году [Machery, Faucher, 2017]. Здесь будут приведены основные аналитические тезисы этого обзора.

Начинают они с утверждения¹⁵, что социальный конструктивизм (они называют его конструкционизм) и когнитивный/эволюционный подход, не противореча друг другу и имея возможность совместно объяснить феномен этничности, редко используются в рамках одной теории. В результате нужна ревизия как способов концептуализации, так и способов объяснения этнических явлений, но помимо этого когнитивно/эволюционная часть потенциальной универсальной теории требует существенной доработки: на их взгляд, существующие гипотезы слишком самонадеянны и универсальны, а хороших эмпирических свидетельств, говорящих в пользу этих гипотез или их опровергающих, наоборот, недостает. Затем следует обзор основных теорий, а в резюме авторы предлагают несколько рамочных соображений относительно того, что, на их взгляд, является фактом, а что напротив остается в разряде гипотез, в каком направлении нужно двигаться и с помощью каких исследований это движение возможно. Как и в этой работе, авторами выделяется четыре блока работ: Хиршфелда, Гил-Уайта, Космидес и Туби, а также Мойя.

Вклад Хиршфелда, согласно авторам, состоит в том, что он предположил наличие эволюционно сложившейся расиализации и заподозрил, что её источником является domain specific когнитивный механизм, ответственный за распознавание животных. Кроме того, его эксперименты указывают на то, что стимулы, которые активируют этот механизм, лингвистические, а не визуальные. Критикует авторы концепцию Хиршфелда за её надстроечную часть, согласно которой существует специальный «расовый» когнитивный модуль, за отсутствие кросс-культурной компоненты и принятия во внимание социального контекста, а также за слабость экспериментальной базы.

Вклад Космидес и Туби — это концептуализации когниции альянсов и коалиций в качестве «драйвера» распознавания рас, слабостью этой теории, с точки зрения авторов, вновь, является её недостаточная кросс-культурность, но также тот факт, что расы в большинстве не являются коалициями, в связи с чем неясно, почему именно расовые стимулы выделяются мозгом. Важность построений Гил-Уайта признаётся в связи с тем, что он интегрировал существовавшие на тот момент эволюционные объяснения и предложил пол-

¹⁵ Этот их тезис в общих чертах совпадает с тезисом, защищаемым в первой части этой статьи.

ноценную эволюционную теорию, в которой появляется идея нормативности как драйвера структуры коммуникации (люди общаются, снижая издержки, получающиеся кластеры оказываются нормативными и воспроизводящимися межпоколенно, в результате «включается» модуль распознавания животных). В то же время авторы вновь критикуют, во-первых, недостаточную кросс-культурность исследования (автор делает далеко идущие выводы на основании исследования, по сути, одного случая), во-вторых — и здесь критика такая же, как применительно к Хиршфелду — Гил-Уайт, по сути, откидывает не-эссенциализирующие ответы и утверждает, что респонденты, их давшие, на самом деле тоже эссенциалисты.

Все три блока работ, кроме того, критикуются за то, что их авторы фокусируются исключительно на врожденных когнициях, а не на взаимодействии между такими когнициями и факторами среды. Наиболее объясняющими авторы находят работы Мойя. Они соглашались с её критикой исследований «народного эссенциализма», согласно которой в них смешивается разнообразие проверяемых представлений, и, скажем, то, что люди мыслят группистски, не обязательно идёт рука об руку с представлениями о «скрытой эссенции», а последнее — не факт, что обязательно связывается с врожденностью (кроме того, упоминается генерализируемость черт, ин-групповая кооперация, аут-групповая враждебность и проч.). Другим важным тезисом Мойя в интерпретации авторов является то, что «предзаданности» существуют, но скорее речь идёт прежде всего о системах научения, которые позволяют ориентироваться на различные индикаторы «групповой» принадлежности (притом что типы «групп» могут быть разными). И основывается эта система на использующихся в общественных отношениях (и, видимо, в результате отобравшихся эволюционно) индикаторах. Важно, однако, что когнитивная система крайне адаптивна и фактические индикаторы членства не являются «предзаданностями», а берутся из среды. С этими построениями авторы согласны в наибольшей степени, хотя и критикуют Мойю за недостаточно высокие статистические коэффициенты значимости в её исследованиях.

В резюме авторы выделяют ряд тезисов, которые кажутся им важными для продолжения работы в ключе, которому посвящена статья. 1. Рас как естественных типов не существует, равно как не существует и специфического «расиализирующего» когнитивного модуля; 2. Расиализация различается от культуры к культуре, теория расиализации должна осознавать и объяснять эти различия; 3. Везде в мире классифицируют по тем или иным характеристикам внешности, и существует универсальная когнитивная система, эти классификации обеспечивающая; 4. Эта система развивалась эволюционно, и эволюционное объяснение её складывания является важным элементом теории; 5. Нужно уходить от теории психологического

эссенциализма, она отжила своё; 6. Крайне важны народные теории этничности, которые передаются культурно. Их роль в человеческих представлениях значительна; 7. На данном этапе теории амбициозны, а эмпирических свидетельств мало. Нужно чтобы было наоборот; 8. Для этого нужно уделять внимание кросс-культурным исследованиям, а также индивидуальным различиям и факторам, с ними связанным. Авторы, таким образом, не предлагая собственной теории, описывают положение дел на вторую половину 2020-х годов и, с одной стороны, указывают на продвижения, с другой — показывают, что, во-первых, многое ещё непонятно и полностью удовлетворительной теории расиализации нет, во-вторых, что эта теория должна быть объединена с конструкционистскими построениями, для того, чтобы объяснение этнического феномена было всеобъемлющим.

Дискуссия и выводы

Таково современное состояние области, которую можно обозначить как эволюционная когнитивистика. Важность этого направления для междисциплинарной теории этничности велика. Оно «отвечает» за выявление универсальных когнитивных механизмов, которые имеют отношение к производству этнических феноменов, а также за эволюционное объяснение складывания этих механизмов. В этой области, по всей видимости, действительно на данный момент не появилось «финальной версии» ответа на этот вопрос, однако можно говорить о тенденции, в рамках которой жесткие логики, утверждающие наличие «когнитивных модулей», которые «заставляют» человека «видеть этнические группы» уходят в прошлое, уступая место более дифференцированным объяснениям, в которых говорится о том, что существует много механизмов, которые «запускаются» в ответ на разные стимулы и производят различные реакции.

Проще говоря, иногда человек дифференцирует, чтобы учиться, иногда — чтобы обеспечить безопасность, что в обоих случаях связано с дифференциацией, однако и дифференциация эта разного характера, и спонтанные стимулы, которые вызывают эту дифференциацию относятся к разным типам, и поведенческие «выводы» из этой дифференциации разные. Более того, к чему человек универсально хорошо приспособлен, так это к тому, чтобы, в целом, дифференцировать, эффективно «впитывая» из среды признаки, которые с большей или меньшей вероятностью будут указывать на некоторый тип ожидаемого последствия. Социальные маркеры, на основании которых следует дифференцировать и «правильные» реакции на них, впитываются в достаточно раннем возрасте.

В результате значительная часть ранней литературы, которая фокусировалась на «врожденности» считывания «рас», поскольку исследования чаще всего происходили в контексте, где раса является важнейшим дифференцирующим социальным конструктом, принимала средовые характеристики за «предзаданности», притом что именно факторы среды, локальные конструкции этничности являются значительно более определяющим в том, что касается воспроизводящихся паттернов группировки и осмысления этнических категорий.

В этой ситуации встает вопрос о возможности выделения специфически этнических феноменов из всего разнообразия стимулов, схем и реакций. И, на первый взгляд, этничность за отсутствием четкой её когнитивной основы, снова «ускользает». Но, если говорить языком Мойя, некоторые типы стимулов стабильно вызывают более «группирующие» реакции, и, пусть эти стимулы и реакции в значительной степени определяются культурой, врожденная когнитивная база для таких реакций существует. Понять и описать её — важная задача для объяснения феномена этничности, притом что, как следует из описанного выше, этничность и в когнитивном смысле — разная, и ещё более разной её делает многослойная культурная составляющая, объясняющая её характеристики в каждой локации. Иными словами, этничность продолжает «ускользать», а исследователи продолжают пытаться её поймать, притом что и здесь это оказывается всё сложнее. Но нужно ли это делать? И не нужно ли переописывать задачу «понять феномен этничности» как «полностью объяснить это явление через другие явления»? Это вопрос на перспективу.

Если вернуться к когнитивному повороту, результаты, описанные выше, говорят о том, что «ответственность» социальных учёных в объяснении этничности оказывается ещё больше. Социологи-конструктивисты, которые работают с вернакулярным аспектом этничности, с тем, в каких неформальных категориях люди живут на самом деле, как они эти категории осмысляют, а также как они в принципе понимают природу этнических различий, оказываются «на передовой» современных исследований этничности. Однако для того, чтобы их работа была более эффективна, им нужно окончательно порвать со старыми онтологиями, в рамках которых объектом исследования являются этнические группы и перейти к изучению этничности как перманентно осуществляемых категоризаций. И эволюционная когнитивистика является важным ресурсом для того, чтобы усилить этот подход за счёт понимания того, какие задачи по дифференциации стояли перед человеком на протяжении существования вида и ещё раньше.

В поле ответа на вопрос, как и почему человек категоризирует других людей и с какими последствиями, и лежит объяснение этничности «после когнитивного поворота». Важно, что и социальным

наукам «есть, что предложить» когнитивным учёным. Авторы описанных работ, утверждая, что ни рас, ни специальной когнитивной машинерии, считывающей расы, не существует, продолжают заниматься расами, расиализацией и обработкой мозгом расовых стимулов. Конструктивистские же исследования последнего времени эксплицитно [Брубейкер, 2012; Wimmer, 2013; Варшавер, 2023] приходят к тому, что существуют этнические категоризации, в рамках которых в качестве «ключа», то есть наименования важнейшей совокупности категорий, используются такие слова как «раса», «народ», «национальность» и проч. Эти «ключи» различаются от контекста к контексту и имеют собственный смысл, который играет важную роль в формировании социальной реальности. Эти понимания могли бы обогатить поле когнитивных исследований этничности. Кроме того, в той мере, в какой когнитивисты всё больше убеждаются в том, что средовые характеристики являются ключевым фактором, определяющим характеристики этнической реальности и поведения людей в связи с ней, на первый план выходит изучение вернакулярных представлений об этничности, их детерминант и последствий, для чего социальные науки могут предложить более оптимальные инструменты [Варшавер, Орлова, Шульга, 2023]. Где-то в этом поле видится потенциал для междисциплинарного взаимодействия в рамках проекта по пониманию явления этничности в целом.

Литература

1. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
2. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
3. Брубейкер, Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
4. Варшавер, Е.А. «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 3. С. 31–58. DOI: 10.17323/1728-192X-2022-3-31-58.
5. Варшавер, Е.А. Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 377–396. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396.
6. Варшавер, Е.А., Орлова, А.А., Шульга, А.Е. Документарный конструктивизм как особая форма конструктивистской народной социологии: свидетельства из Дагестана // Этнографическое обозрение. 2023. № 6. С. 156–177. DOI: 10.31857/So869541523060106.
7. Кудрин, А.В. Об основных подходах к пониманию этничности как категории общественных наук // Россия: социально-экономические и правовые проблемы трансформации общества / общ. ред. и сост. А.В. Кудрина. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. С. 287–300.

8. Нампруева, Л.В. Межэтнические семьи калмыков и корейцев: выбор этнической идентичности // *Корееведение в России: направление и развитие*. 2022. Т. 3. № 3. С. 43–48. [Online] <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhetnicheskie-semi-kalmykov-i-koreytsev-vybor-etnicheskoy-identichnosti/viewer> [Дата обращения] 08.01.2024.
9. Омелаенко, Н.В. Теоретические парадигмы этничности // *Известия вузов. Социология. Экономика. Политика*. 2015. № 2. [Online] <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-paradigmy-etnichnosti/viewer> [Дата обращения] 08.01.2024.
10. Паун, Э.А. Конструктивизм и примордиализм: взаимодополняющие методологии в этнологии и социологии // *Общественные науки и современность*. 2023. № 4. С. 53–67. DOI: 10.31857/So869049923040032.
11. Тишков, В.А. О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву // *Этнография*. 2023. Т. 19. № 1. С. 6–25. DOI: 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25.
12. Хенрик, Дж. Самые странные в мире. Как люди Запада обрели психологическое своеобразие и чрезвычайно преуспели / пер. с англ. А. Свистуновой и В. Федюшина. М.: Альпина нон-фикшн, 2023.
13. Brubaker, R. The Return of Biology // Suzuki K., Von Vacano D.A. (eds.) *Reconsidering Race: Social Science Perspectives on Racial Categories in the Age of Genomics*. New York, NY: Oxford University Press, 2018. P. 62–100. DOI: 10.1093/oso/9780190465285.001.0001.
14. Brubaker, R., Loveman, M., Stamatov, P. Ethnicity as Cognition // *Theory and society*. 2004. Vol. 33. No. 1. P. 31–64. DOI: 10.1023/B:RYSO.0000021405.18890.63.
15. Chandra, K. (ed.) *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. New York, NY: Oxford University Press, 2012.
16. Cosmides, L., Tooby, J., Kurzban, R. Perceptions of Race // *Trends in Cognitive Sciences*. 2003. Vol. 7. No. 4. P. 173–179. DOI: 10.1016/S1364-6613(03)00057-3.
17. Derry, S.J., Gernsbacher, M.A., Schunn, C. D. (eds.) *Interdisciplinary Collaboration: An Emerging Cognitive Science*. New York, NY: Psychology Press, 2014. DOI: 10.4324/9781410613073.
18. Foley, W.A. Do Humans Have Innate Mental Structures? Some Arguments from Linguistics // McKinnon S., Silverman (eds.) *Complexities: Beyond Nature and Nurture*. Chicago; London: University of Chicago Press, 2005. P. 43–63.
19. Frith, U. Are There Innate Mechanisms That Make Us Social Beings // Battro, A. M., Dehaenem S., Sorondo, M. S., Singer, W. J. (eds.) *Neurosciences and the Human Person: New Perspectives on Human Activities*. Vatican City: The Pontifical Academy of Sciences, 2013. P. 215–237.
20. Gil-White F.J. How Thick Is Blood? The Plot Thickens...: If Ethnic Actors Are Primordialists, What Remains of the Circumstantialist/Primordialist Controversy? // *Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22. No. 5. P. 789–820. DOI: 10.1080/014198799329260.
21. Gil-White, F.J. Are Ethnic Groups Biological «Species» to the Human Brain? Essentialism in Our Cognition of Some Social Categories // *Current Anthropology*. 2001. Vol. 42. No. 4. P. 515–553. DOI: 10.1086/321802.
22. Gil-White, F.J. The Cognition of Ethnicity: Native Category Systems Under the Field Experimental Microscope // *Field Methods*. 2002. Vol. 14. No. 2. P. 161–189. DOI: 10.1177/1525822X02014002003.
23. Goodenow, C., Espin, O.M. Identity Choices in Immigrant Adolescent females // *Adolescence*. 1993. Vol. 28. No. 109. P. 173–184.
24. Graves, J. L. *The Emperor's New Clothes: Biological Theories of Race at the Millennium*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2003.
25. Hale, H.E. Explaining Ethnicity // *Comparative Political Studies*. 2004. Vol. 37. No. 4. P. 458–485. DOI: 10.1177/0010414003262906.

26. Harnad, S. To Cognize is to Categorize: Cognition is Categorization // Cohen H., Lefebvre C. (eds.) Handbook of Categorization in Cognitive Science. San Diego: Elsevier Science, 2017. P. 20–45. DOI: 10.1016/B978-0-08-101107-2.00002-6.
27. Hirschfeld, L.A. Do Children Have a Theory of Race? // Cognition. 1995. Vol. 54. No. 2. P. 209–252. DOI: 10.1016/0010-0277(95)91425-r.
28. Hirschfeld, L.A. Race in the Making: Cognition, Culture, and the Child's Construction of Human Kinds. Cambridge; London: MIT Press, 1996.
29. Hirschfeld, L.A. On a Folk Theory of Society: Children, Evolution, and Mental Representations of Social Groups // Personality and Social Psychology Review. 2003. Vol. 5. No. 2. P. 107–117. DOI: 10.1207/S15327957PSPRO502_2.
30. Kurzban, R., Tooby, J., Cosmides, L. Can Race Be Erased? Coalitional Computation and Social Categorization // Psychological and Cognitive Sciences. 2001. Vol. 98. No. 26. P. 15387–15392. DOI: 10.1073/pnas.251541498.
31. Marks, J., Relethford, J.H. Human Biodiversity: Genes, Races, and History // Human Biology. 1997. Vol. 69. No. 1. P. 131–133.
32. Machery, E., Faucher, L. Why Do We Think Racially? Culture, Evolution, and Cognition // Cohen H., Lefebvre C. (eds.) Handbook of Categorization in Cognitive Science. San Diego: Elsevier Science, 2017. P. 1135–1175. DOI: 10.1016/B978-0-08-101107-2.00046-4.
33. Miller, G.A. The Cognitive Revolution: a Historical Perspective // Trends in Cognitive Sciences. 2003. Vol. 7. No. 3. P. 141–144. DOI: 10.1016/S1364-6613(03)00029-9.
34. Moya, C. What Does It Mean for Humans to Be Groupish? // Philosophy Compass. 2023. Vol. 18. No. 2: e12893. DOI: 10.1111/phc3.12893.
35. Moya, C., Boyd, R. The Evolution and Development of Inferential Reasoning about Ethnic Markers: Comparisons Between Urban United States and Rural Highland Peru // Current Anthropology. 2016. Vol. 57. No. S13. P. 131–144. DOI: 10.1086/685939.
36. Moya, C., Henrich, J. Culture-Gene Coevolutionary Psychology: Cultural Learning, Language, and Ethnic Psychology // Current Opinion in Psychology. 2016. No. 8. P. 112–118. DOI: 10.1016/j.copsyc.2015.10.001.
37. Pietraszewski, D., Cosmides, L., Tooby, J. The Content of Our Cooperation, not the Color of Our Skin: an Alliance Detection System Regulates Categorization by Coalition and Race, but not Sex // PloS One. 2014. Vol. 9. No. 2: e88534. DOI: 10.1371/journal.pone.0088534.
38. Rothbart, M., Taylor, M. Category Labels and Social Reality: Do We View Social Categories as Natural Kinds? // Semin, G.R., Fiedler, K. Language, Interaction and Social Cognition. London; Newbury Park, Calif.: SAGE, 1992. P. 11–36.
39. Smith, A.D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell Publishing, 1986.
40. Sobel, C. P., Li P. The Cognitive Sciences: An Interdisciplinary Approach. Washington, DC: SAGE, 2013. DOI: 10.4135/9781544308562.
41. Torres, S. Ethnicity and Race: From Essentialism to Constructionism // Torres S. (ed.) Ethnicity and Old Age. Bristol: Policy Press, 2019. P. 51–78. DOI: 10.51952/9781447328148.ch003.
42. Van den Berghe, P. The Ethnic Phenomenon. New York, NY: Bloomsbury Publishing, 1987.
43. Wertz, A. E., Moya C. Pathways to Cognitive Design // Behavioural Processes. 2019. Vol. 161. P. 73–86. DOI: 10.1016/j.beproc.2018.05.013.
44. Wimmer, A. Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks. New York, NY: Oxford University Press, 2013.

Evgeni Varshaver

Evolutionary Cognitive Science as a Resource for Explaining Ethnic Phenomena 'After the Cognitive Turn'

Evgeni A. Varshaver — Cand. Sci. (Soc.), Head of the group for Ethnicity and Migration Research; Research Fellow, Center for Regional Research and Urban Studies in Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. **ORCID ID:** 0000-0002-5901-8470. **E-mail:** varshavere@gmail.com.

Abstract: The article provides an overview of the current state of research in a field that can be defined as «evolutionary cognitive science». Positioned at the intersection of cognitive science, contemporary evolutionary theory, and developmental psychology, researchers in this field have long endeavored to identify universal cognitive biases that underlie the production of ethnic phenomena. However, in the most recent iteration, such universality primarily lies in humans' capacity to navigate complex social relationships through indirect cues, with specific traits and responses being derivative of socialization. These findings are situated within the context of contemporary constructivist approaches to ethnic studies, wherein a «cognitive turn» is occurring, according to which ethnicity is a classificatory phenomenon, demonstrating how the incorporation of insights from the field of evolutionary cognitive science can contribute to a comprehensive understanding of the phenomenon of ethnicity as a whole.

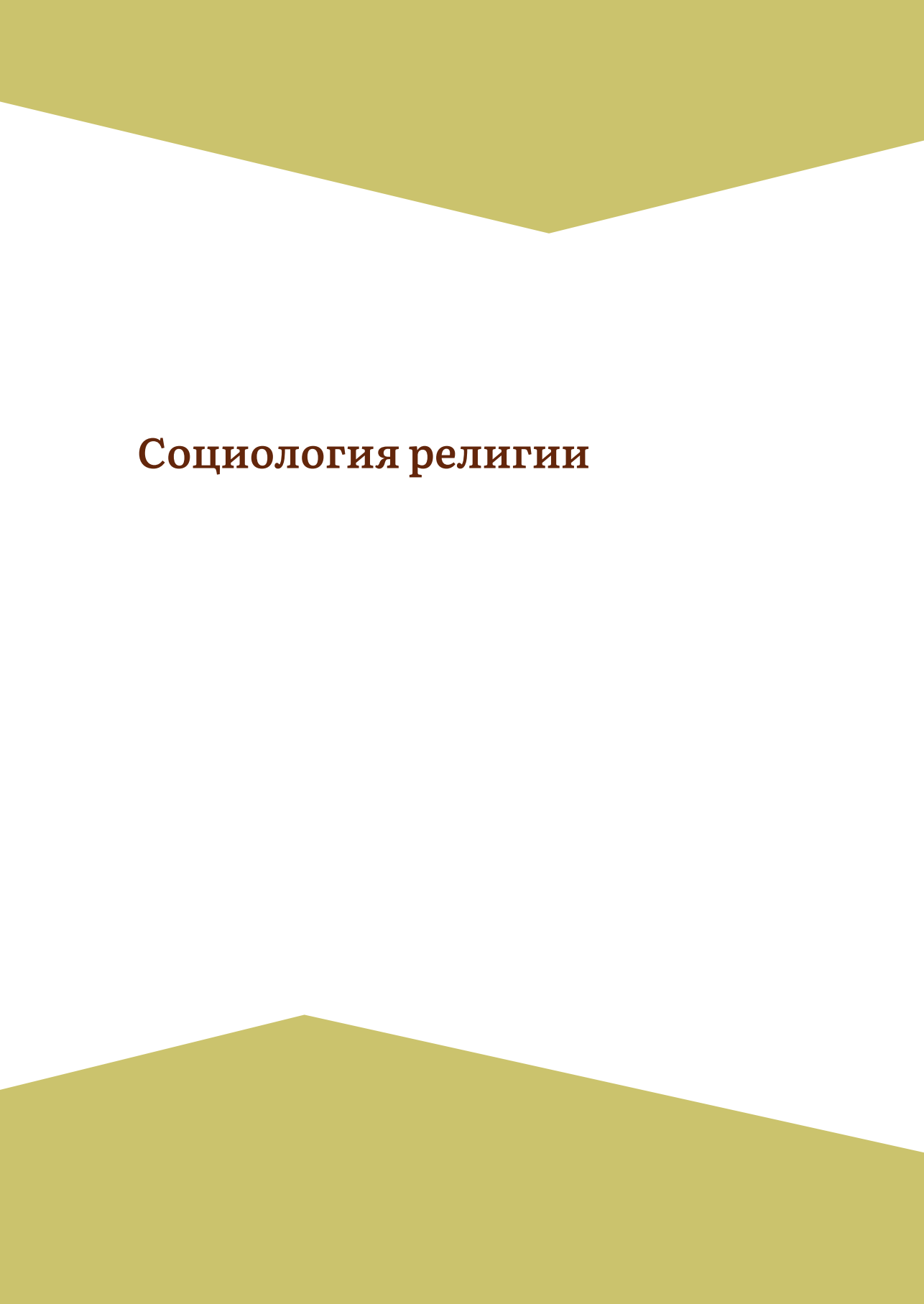
Keywords: ethnicity, cognitive science, evolutionary theory, primordialism, constructivism, cognitive turn

References

1. Berger, P., Luckmann, T. (1995) *The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.)
2. Bromley, Y.V. (1983) *Sketches on the Theory of Ethnos*. Moscow: Science.
3. Brubaker, R. (2012) *Ethnicity Without Groups*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russ.)
4. Brubaker, R. (2018) The Return of Biology. In: Suzuki K., Von Vacano D.A. (eds.) *Reconsidering Race: Social Science Perspectives on Racial Categories in the Age of Genomics*. New York, NY: Oxford University Press. P. 62–100. DOI: 10.1093/oso/9780190465285.001.0001.
5. Brubaker, R., Loveman, M., Stamatov, P. (2004) Ethnicity as Cognition. *Theory and society*. Vol. 33. No. 1. P. 31–64. DOI: 10.1023/B:RYSO.0000021405.18890.63.
6. Chandra, K. (ed.) (2012) *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. New York, NY: Oxford University Press.
7. Cosmides, L., Tooby, J., Kurzban, R. (2003) Perceptions of Race. *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 7. No. 4. P. 173–179. DOI: 10.1016/S1364-6613(03)00057-3.
8. Derry, S.J., Gernsbacher, M.A., Schunn, C.D. (eds.) (2014) *Interdisciplinary Collaboration: An Emerging Cognitive Science*. New York, NY: Psychology Press. DOI: 10.4324/9781410613073.

9. Foley, W.A. (2005) Do Humans Have Innate Mental Structures? Some Arguments from Linguistics. In: McKinnon S., Silverman (eds.) *Complexities: Beyond Nature and Nurture*. Chicago; London: University of Chicago Press. P. 43–63.
10. Frith, U. (2013) Are There Innate Mechanisms That Make Us Social Beings. In: Battro, A. M., Dehaenem S., Sorondo, M. S., Singer, W. J. (eds.) *Neurosciences and the Human Person: New Perspectives on Human Activities*. Vatican City: The Pontifical Academy of Sciences. P. 215–237.
11. Gil-White F. J. (1999) How Thick Is Blood? The Plot Thickens...: If Ethnic Actors Are Primordialists, What Remains of the Circumstantialist/Primordialist Controversy? *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 22. No. 5. P. 789–820. DOI: 10.1080/014198799329260.
12. Gil-White, F. J. (2001) Are Ethnic Groups Biological «Species» to the Human Brain? Essentialism in Our Cognition of Some Social Categories. *Current Anthropology*. Vol. 42. No. 4. P. 515–553. DOI: 10.1086/321802.
13. Gil-White, F. J. (2002) The Cognition of Ethnicity: Native Category Systems Under the Field Experimental Microscope. *Field Methods*. Vol. 14. No. 2. P. 161–189. DOI: 10.1177/1525822X02014002003.
14. Goodenow, C., Espin, O. M. (1993) Identity Choices in Immigrant Adolescent females. *Adolescence*. Vol. 28. No. 109. P. 173–184.
15. Graves, J. L. (2003) *The Emperor's New Clothes: Biological Theories of Race at the Millennium*. New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press.
16. Hale, H. E. (2004) Explaining Ethnicity. *Comparative Political Studies*. Vol. 37. No. 4. P. 458–485. DOI: 10.1177/0010414003262906.
17. Harnad, S. (2017) To Cognize is to Categorize: Cognition is Categorization. In: Cohen H., Lefebvre C. (eds.) *Handbook of Categorization in Cognitive Science*. San Diego: Elsevier Science. P. 20–45. DOI: 10.1016/B978-0-08-101107-2.00002-6.
18. Henrich, J. (2023) *The Weirdest People in the World. How the West Became Psychologically Peculiar and Particularly Prosperous*. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2023. (In Russ.)
19. Hirschfeld, L. A. (1995) Do Children Have a Theory of Race? *Cognition*. Vol. 54. No. 2. P. 209–252. DOI: 10.1016/0010-0277(95)91425-r.
20. Hirschfeld, L. A. (1996) *Race in the Making: Cognition, Culture, and the Child's Construction of Human Kinds*. Cambridge; London: MIT Press.
21. Hirschfeld, L. A. (2003) On a Folk Theory of Society: Children, Evolution, and Mental Representations of Social Groups. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 5. No. 2. P. 107–117. DOI: 10.1207/S15327957PSPR0502_2.
22. Kudrin, A. V. (2000) On the Main Approaches to Understanding Ethnicity as a Category of Social Sciences. In: Kudrin A. V. (ed.) *Russia: Socio-Economic and Legal Problems of Transformation of Society*. Perm: Izdatel'stvo Permskogo universiteta. P. 287–300. (In Russ.)
23. Kurzban, R., Tooby, J., Cosmides, L. (2001) Can Race Be Erased? Coalitional Computation and Social Categorization. *Psychological and Cognitive Sciences*. Vol. 98. No. 26. P. 15387–15392. DOI: 10.1073/pnas.251541498.
24. Marks, J., Relethford, J. H. (1997) Human Biodiversity: Genes, Races, and History. *Human Biology*. Vol. 69. No. 1. P. 131–133.
25. Machery, E., Faucher, L. (2017) Why Do We Think Racially? Culture, Evolution, and Cognition. In: Cohen H., Lefebvre C. (eds.) *Handbook of Categorization in Cognitive Science*. San Diego: Elsevier Science. P. 1135–1175. DOI: 10.1016/B978-0-08-101107-2.00046-4.
26. Miller, G. A. (2003) The Cognitive Revolution: a Historical Perspective. *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 7. No. 3. P. 141–144. DOI: 10.1016/S1364-6613(03)00029-9.
27. Moya, C. (2023) What Does It Mean for Humans to Be Groupish? *Philosophy Compass*. Vol. 18. No. 2: e12893. DOI: 10.1111/phc3.12893.

28. Moya, C., Boyd, R. (2016) The Evolution and Development of Inferential Reasoning about Ethnic Markers: Comparisons Between Urban United States and Rural Highland Peru. *Current Anthropology*. Vol. 57. No. S13. P. 131–144. DOI: 10.1086/685939.
29. Moya, C., Henrich, J. (2016) Culture-Gene Coevolutionary Psychology: Cultural Learning, Language, and Ethnic Psychology. *Current Opinion in Psychology*. No. 8. P. 112–118. DOI: 10.1016/j.copsyc.2015.10.001.
30. Namrueva, L.V. (2022) Interethnic Families of Kalmyks and Koreans: The Choice of Ethnic Identity. *The Journal of Direction and Development of Korean Studies in Russia*. Vol. 3. No. 3. P. 43–48. С. 43–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhetnicheskie-semi-kalmykov-i-koreytsev-vybor-etnicheskoy-identichnosti/viewer> (accessed: 08.01.2024). (In Russ.)
31. Pain, E. (2023) Constructivism and Primordialism: Complementary Methodologies in Ethnology and Sociology. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 4. P. 53–67. <https://doi.org/10.31857/So869049923040032>. (In Russ.)
32. Pietraszewski, D., Cosmides, L., Tooby, J. (2014) The Content of Our Cooperation, not the Color of Our Skin: an Alliance Detection System Regulates Categorization by Coalition and Race, but not Sex. *PLoS One*. Vol. 9. No. 2: e88534. DOI: 10.1371/journal.pone.0088534.
33. Rothbart, M., Taylor, M. (1992) Category Labels and Social Reality: Do We View Social Categories as Natural Kinds? In: Semin, G.R., Fiedler, K. *Language, Interaction and Social Cognition*. London; Newbury Park, Calif.: SAGE. P. 11–36.
34. Smith, A.D. (1986) *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Blackwell Publishing.
35. Sobel, C.P., Li P. (2013) *The Cognitive Sciences: An Interdisciplinary Approach*. Washington, DC: SAGE. DOI: 10.4135/9781544308562.
36. Tishkov, V. (2023) On Reconciling Constructivism and Primordialism: Tribute to Andrei Vladimirovich Golovnev. *Etnografika*. Vol. 19. No. 1. P. 6–25. DOI: 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25. (In Russ.)
37. Torres, S. (2019) Ethnicity and Race: From Essentialism to Constructionism. In: Torres S. (ed.) *Ethnicity and Old Age*. Bristol: Policy Press. P. 51–78. DOI: 10.51952/9781447328148.ch003.
38. Van den Berghe, P. (1987) *The Ethnic Phenomenon*. New York, NY: Bloomsbury Publishing.
39. Varshaver, E. (2022) «Stop Beating the Dead Primordial Horse»: Actual Agendas in Constructivist Research of Ethnicity. *Russian Sociological Review*. Vol. 21. No. 3. P. 31–58. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-3-31-58. (In Russ.)
40. Varshaver, E.A. (2023) Integration of Migrants Through the Lens of a Constructivist Approach to Ethnicity. *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 25. No. 2. P. 377–396. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396. (In Russ.)
41. Varshaver, E.A., Orlova, A.A., Shulga, A.E. (2023) Documentary Constructivism as a Special Form of Constructivist Folk Sociology: Evidence from Dagestan. *Etnograficheskoe Obozrenie*. No. 6. P. 156–177. DOI: 10.31857/So869541523060106. (In Russ.)
42. Wertz, A.E., Moya C. (2019) Pathways to Cognitive Design. *Behavioural Processes*. Vol. 161. P. 73–86. DOI: 10.1016/j.beproc.2018.05.013.
43. Wimmer, A. (2013) *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. New York, NY: Oxford University Press.

Социология религии

П. В. Врублевская

Православный приход в социологической перспективе: эхо теории в стенах эмпирики

Полина Викторовна Врублевская — магистр социологии, научная сотрудница лаборатории «Социология религии» при Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. **Электронная почта:** pvrublevskaya@gmail.com.

Аннотация: Приход — это самый базовый уровень социальной организации Русской православной церкви и самый значительный, поскольку именно на этом уровне происходит личная встреча человека с религией и, зачастую, именно на этом уровне у человека складывается ощущение собственной причастности к Церкви в целом. При этом в приближении эмпирического исследования из раза в раз приходится сталкиваться с существенными особенностями в том, как устроен и как функционирует каждый конкретный православный приход. В этом смысле весьма остро стоит вопрос социологического описания вариаций в практических наблюдениях.

В этом тексте на основе многолетней исследовательской работы группы «Социология религии», предлагается концептуализация прихода как сообщества, в которой учитывается как принципиально общее, так и вариативно-частное, что делает её применимой для изучения конкретных приходских сообществ и обобщения собранных наблюдений на аналитическом уровне.

Ключевые слова: Русская православная церковь, приход, сообщество, православные общины, community studies

Для цитирования: Врублевская, П. В. Православный приход в социологической перспективе: эхо теории в стенах эмпирики // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 43–57.

Введение

В социологии нет иного образа представления и, что ещё важнее, интерпретации феномена религии, кроме как через её социальную обусловленность. В этом смысле, говорить, например, о «социальном измерении» [Дивисенко и Дивисенко, 2017] религии — избыточно, поскольку исследовательские методы социологии никакого другого измерения не распознают. Социологически, все возможные составляющие религии и религиозности, которые используют исследователи, уже изначально опрокинуты в плоскость социального, а не рядоположны ей. Помимо прочего, это значит, что в социологической оптике индивидуальный религиозный опыт оказывается видимым только через наблюдение процессов социального порядка. Таким образом, ведущая компетенция социолога-исследователя состоит в том, чтобы в предложенных обстоятельствах распознать, в чём именно заключается социальная природа религии и описать её социологически постижимую суть. Успешность подобного исследовательского мероприятия, в свою очередь, всегда обусловлена тем, какие выбраны «оптические приборы» для распознавания тех самых искомых фигур в социальном ландшафте.

Любая исследовательская оптика подразумевает некий язык описания. В данном тексте предлагается один из возможных языков социологического описания религии в современном мире, рассмотренной через призму **сообщества** в дюркгеймианской традиции.

Этот текст подготовлен по результатам научно-практического проекта «Живые сообщества»¹ при поддержке Фонда президентских грантов, в рамках которого на протяжении трёх лет с 2021-го по 2024-й год силами социальных исследователей из лаборатории «Социология религии» при ПСТГУ продолжалось изучение жизни православных приходов в современной России.

Концептуализация в контексте: православный приход в современной России

Ввиду своего исторического положения в России, Русская православная церковь — это многомерный агломерат социально значимых функций, простирающихся от отправления духовных потребностей до социальной заботы о нуждающихся. В силу своего масштаба и тер-

¹ [Электронный ресурс] <https://traditioviva.ru/live-communities.html> [Дата обращения] 01.11.2024.

риториального проникновения — религиозные объекты и священнослужители находятся даже в самых отдалённых уголках страны и на закрытых территориях (тюрьмы, военные части, медицинские и социальные учреждения) — влияние РПЦ на общественные процессы сложно переоценить, но как же распознать и разглядеть это влияние на таком сложном ландшафте?

Следуя за интуицией Эмиля Дюркгейма об «элементарных формах», мы выбираем обратить внимание на базовый уровень социальной организации Русской православной церкви, то есть на приход. Как объект исследования, приход позволяет настроить исследовательскую фокусировку и предметно рассмотреть масштабные социальные процессы в эмпирически-доступном разрешении.

Приход является подходящим объектом эмпирического исследования, поскольку именно в приходской церкви происходит личная встреча человека с религией и, зачастую, именно на этом уровне организации РПЦ у человека складывается ощущение собственной причастности к православию в целом. И более того, даже если человек не приходит к религии сам, Церковь приходит к нему — через другого человека, который уже «внутри» [Забаев и др., 2014].

В этом смысле важно понимать социологически, кто эти «люди в Церкви»: в чём состоит их особый социальный опыт и как он проявляется в том числе вне церковной жизни как таковой? Задаваясь таким вопросом, мы предлагаем исследовать не отдельных людей, складывая их затем в некую условно-консистентную категорию «воцерковленных», но погрузиться в саму церковную среду, то есть исследовать приход в перспективе сообщества.

К живому сообществу

Перспектива сообщества напрашивается для рассмотрения прихода сама собой уже ввиду конвенциональных коллективных представлений: в церковной среде принято говорить о «приходской общине»². К тому же, в социальных науках сложилась плодотворная традиция коммьюнити-центричного подхода к религиозным объединениям [Lovell, 1978; Ammerman, 1997; Miller-McLemore, 2011; VanderWeele, 2017]. Применительно к реалиям Русской православной церкви, приходскую общину исследовали чаще в антропологической традиции [Приход и община..., 2011; Куропаткина, 2013; Кормина, Панченко, Штырков, 2017].

² [Электронный ресурс] <https://azbyka.ru/prihod> [Дата обращения] 01.11.2024.

При этом исследовательские вопросы наших предшественников чаще касаются индивидуального опыта вхождения и нахождения в общине, нежели направлены на раскрытие социальных процессов воспроизводства самого сообщества как такового. На наш взгляд, именно такая перспектива позволяет увидеть нечто новое в специфике социального опыта, который люди приобретают внутри Церкви, и также несут «вовне».

Таким образом, новизна нашего исследовательского подхода состоит в том, что мы рассматриваем не признаки индивида по отношению к приходу, но признаки самого прихода как сообщества, воспроизводящегося посредством социальных процессов, доступных для наблюдения.

Концептуально мы опираемся на дюркгеймианскую теорию общества [Дюркгейм, 2018], переосмысленную изнутри эмпирической реальности в течение многолетней этнографической работы вкупе с социологической аналитикой [Врублевская, 2013; 2015; 2016а; 2016б; Орешина и др., 2018; Юдин* и др 2020].

В поздней работе Эмиля Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни» (1912) центральное место отведено рассмотрению фундаментальной социальной функции солидаризации членов сообщества вокруг коллективных представлений о себе самих и окружающей действительности. Отталкиваясь от антропологических и философских источников, Дюркгейм предполагает, что механизм и ключ коллективной солидарности скрывается в оболочке религиозного культа. Механика религиозного культа состоит в повторяющихся коллективных практиках (ритуалах), а ключом к запуску этого механизма являются коллективные представления (верования) о фундаментальном разделении феноменов мышления на две категории сакральное/профанное.

Согласно социологическому взгляду, некоторые феномены становятся сакральными (сакрализируются), потому что оказываются принципиально важными для установления и поддержания социального порядка коллективной жизни. Например, через категорию сакрального можно рассматривать и описывать наблюдаемые общественные тренды. Таким образом, сакральное носит не абсолютный и не универсальный характер, а всегда зависит от социально-исторических обстоятельств, кристаллизуется в потоке общественной жизни и бытует в коллективном (надиндивидуальном, интерсубъективном) сознании. Это означает, что сакральное, а именно его репрезентации, проявления, природа и суть, определяется и регулируется (в качестве табу, правил и санкций) самим коллективом (в самом широком смысле — обществом, которое объединяет поколения ныне живущие

* Признан Минюстом РФ иностранным агентом.

и предшествующие). В этом смысле всё, что начинает функционировать в сообществе аналогичным образом, имеет потенциал стать (религиозным) культом и обрести ключевое социальное значение. Верно и обратное: как только культ теряет свою функциональность, он превращается в «пустую форму» и отмирает.

Исходя из этой логики, сам факт, что православные приходы продолжают своё существование и наполняются людьми, свидетельствует о том, что внутри них происходят значимые социальные процессы, способствующие поддержанию коллективной солидарности. Вместе с тем невозможно отрицать, что не все православные приходы в сопоставимой степени солидарны. Дело в том, что приходская церковь сама по себе — как формальная организация — является скорее средой, в которой не обязательно, но с высокой степенью вероятности зарождается и развивается особая форма общественной жизни. Отсюда возникает следующий вопрос: Почему в одном случае среди прихожан проявляется общность, а в другом она незаметна?

Мы предполагаем, что механизмы коллективной солидарности внутри приходских сообществ превосходят исключительно ритуальную составляющую православия и могут быть весьма вариативными. Следовательно, социальные процессы, на которые стоит обращать внимание с точки зрения их значения для жизнедеятельности сообщества единоверцев, совершенно не обязательно носят выраженный церковный характер или являются специфическими для православной религии³. Это предположение вытекает из предыдущих эмпирических исследований, позволяющих заключить следующее: во-первых, люди внутри приходских сообществ по целому ряду социальных параметров отличаются от тех, кто идентифицирует себя с православием, но не является постоянным прихожанином — следовательно, в приходской среде люди приобретают нечто большее, помимо принадлежности к православной религии [Забаев и др., 2013]. И во-вторых, согласно результатам массового опроса россиян в 2020 году, порядка 23% из тех, кто ходит в церковь, мотивируют это не строго религиозными, а скорее социальными причинами, например: «церковь даёт мне возможность участвовать в добрых делах», «мои родители ходят или ходили в церковь», «это помогает воспитывать детей» и др. [Забаев и др., 2022].

Исходя из этого, наша исследовательская оптика настроена не на религиозно-маркированные феномены как таковые, но на всевозможные взаимодействия и отношения, пронизывающие приходскую

³ Дальнейшее развитие проекта наоборот перешло к рассмотрению сугубо богослужебных практик, а именно, таинства исповеди, как конституирующего элемента приходской общины. Подробнее см.: [Электронный ресурс] <http://socrel.pstgu.ru/RU/grants/confession> [Дата обращения] 01.11.2024.

жизнь, а также на социальные структуры, ими воспроизводящиеся. Смена ракурса с индивида на сообщество и смещение перспективы с религиозно-маркированных признаков на социально-значимые подразумевает рассмотрение следующих категорий:

- Границы сообщества (человеческий состав и объем), а также проницаемость для новых и внешних **людей**
- **Практики**, поддерживающие коллективную солидарность («ритуалы»)
- Процессы, опосредованные **идеями** и материальными объектами (**вещами**), через которые сообщество воспроизводит себя

Переводя эти категории на язык эмпирической реальности, мы получаем несколько аспектов сообщества, подлежащих пристальному рассмотрению: люди, практики, идеи, (выражаемые словесно) и вещи (как материальные объекты).

В попытках ухватить различия в том, как именно все эти аспекты проявляются в конкретных случаях искомым образом, наша исследовательская команда коллегиально пришла к метафоре «живого» прихода. «Живой» приход звучит интуитивно понятно в социально-культурном контексте и уместно по предполагаемому исследовательскому замыслу. Эта метафора стала ведущей для выделения и называния признаков, с которыми мы выбрали соотноситься в анализе социальных процессов, наблюдаемых в приходах. Так, в нашей логике, «живое» характеризуется следующими признаками: постоянно меняется (рост), существует как нечто целостное с высокой степенью автономии в окружающем мире (слаженность), испытывает на себе негативные воздействия и реагирует на них (болезнь), оказывает влияние на окружающий мир, что-то создает и производит (избыточность), стремится продолжить своё существование и транслирует свой особый «код» (преемственность).

Пересечение аспектов сообщества из дюркгеймианской традиции, с одной стороны, и эмпирически-инициированных признаков «живого» прихода, с другой — сложилось в концептуальную матрицу (Табл. 1).

Содержательное наполнение этой матрицы — лишь одна из возможных версий по итогам анализа большого объема эмпирических данных о православных приходах.

Здесь представлен довольно широкий спектр социальных процессов воспроизводства православного прихода как живого сообщества, при этом не исчерпывающий и не окончательный. Само собой, вовсе не обязательно в каждом приходском сообществе возможно наблюдать одновременно всё из перечисленного. При этом мы убеждены, что эта матрица успешно схватывает ту самую бурлящую жизнь, которую зачастую бывает сложно описать концептуально в её пол-

ноте. Таким образом, предложенная концептуализация позволяет рассматривать приходские реалии в многомерном континууме «живости» и оценивать жизнь отдельного сообщества в многообразии возможных проявлений.

Выводы исследования

Эмпирическое исследование в рамках проекта «Живые сообщества» осуществлялось в два этапа: с августа 2021 до июля 2022 и с февраля 2023 по март 2024. Каждый этап включал в себя серию этнографических экспедиций в различные населённые пункты Российской Федерации, где исследователи посещали православные приходы, проводили этнографические наблюдения и интервью. Всего удалось посетить 57 приходов из 13 епархий РПЦ на территории 10 регионов страны (Калининградская, Свердловская, Самарская, Тверская, Ростовская, Омская, Томская, Ярославская, Воронежская области и Хабаровский край). Среди наших 200 информантов — священники, социальные работники, добровольцы прихода и приходские активисты.

В исследовательских экспедициях мы стремились собрать обширную информацию об устройстве и функционировании конкретных приходов как сообществ — в первую очередь, методом включенного наблюдения, выборочного интервьюирования и формализованного опроса, а также частично из доступных источников (в том числе СМИ и социальных сетей).

Групповая интерпретация эмпирического материала — в основном документальным методом и посредством текстового анализа — следовала в двух направлениях: 1) описание приходов с точки зрения аспектов сообщества (люди-практики-идеи-вещи) и обнаружение повторяющихся, типичных проявлений и взаимосвязей; 2) описание сложных социальных процессов, встречающихся в приходах, во всей их уникальности и в отношении к признакам «живого». При этом мы оставляли место удивлению и старались не закрывать глаза на то многое, что оказывалось за рамками наших предположений и концептуальной матрицы.

В данном тексте я представляю первичные результаты совместной работы в рамках проекта «Живые сообщества», при этом все допускаемые неточности — исключительно моя личная ответственность.

Таблица 1

Аспекты сообщества	Люди	Практики	Идеи	Вещи
Признаки «живого» прихода				
Рост	увеличение размера общины открытие ставок для разных сотрудников	полный график богослужений наращивание оборотов материальных ресурсов (церковная лавка, организация паломниче- ских поездок, проч.)	развитие добровольных инициатив, создание проектов преумножение и преобразование того, что уже есть	строительство и благоустройство (инфраструктура, придворовая территория)
Слаженность	личные знакомства	совместная трапеза неформальное общение дарообмен	взаимные представления о жизни друг друга	списки контактов, общие чаты
Болезнь	конфликтные и критические ситуации	информирование открытые обсуждения совместный поиск решений	авторитет настоятеля принципы милосердия и человеколюбия	материальная и физическая помощь, сборы средств формальные договорённости

Избыточность	образование семей и рождение детей внутри общины	венчания, крещения, крестное родство	сводничество и сватовство культивирование родительства совместная забота о младших	домашние детские сады, досуговые центры, семейные лагеря
	расширенная сеть контактов	сотрудничество с другими общинами и организациями	открытость к внешним контрагентам включённость в локальное сообщество	освещение в светской (локальной) хронике приглашения в нецерковные учреждения, организации и на мероприятия
Преемственность	дети и подростки в храме воспитание новых священников	праздники, традиционные события и встречи	общая история, свои «легенды» и «герои»	воскресная школа фотографии, памятные подарки, торжественные бумаги (благодарности, грамоты)

Крепкое ядро и проницаемая оболочка

Как выяснилось в ходе нашего исследования, наиболее выпуклым признаком живого прихода, доступным для внешнего наблюдателя, является **слаженность**. Уделим внимание рассмотрению проявлений именно этого признака.

В самом первом приближении православные приходы принципиально различаются по проявлениям признака **слаженности** как достаточной **автономности** во внешнем мире при взаимосвязанности элементов внутри, то есть **целостности**. На одном плесе в континууме проявлений слаженности находится так называемый «замкнутый» приход, чья жизнедеятельность направлена преимущественно на самоё себя. Для замкнутого прихода характерна ярко выраженная семейственность и высокий порог входа для новых людей, что обеспечивается своими особыми правилами и традициями. Такое приходское сообщество в высшей степени целостно и автономно, настолько, что для людей, которые оказались внутри, теряет значение всё, что осталось снаружи. В нашей логике «живого» прихода такие проявления значительно осложняют проявление других признаков и, значит, не обеспечивают жизнеспособность сообщества.

На другом полюсе располагается «размытый» приход, в котором практически отсутствуют стабильные контакты между людьми и не наблюдаются взаимозависимости между различными видами приходской деятельности. Взаимодействия в целом носят случайный характер и в высокой степени индивидуалистичны (то есть строятся вокруг услуг по принципу рыночного обмена). Можно сказать, что приходское сообщество такого типа лишено слаженности, что сразу ставит под вопрос возможности для проявления прочих признаков «живого». Фактически, «размытый» приход живет исключительно в логике формальной организации, а не коллективной солидарности.

Безусловно, каждый из этих типов достоин дальнейшего изучения, но в соответствии с актуальными исследовательскими вопросами мы ограничимся рассмотрением того типа приходов, в которых слаженность проявлена умеренным образом: с одной стороны, прихожане испытывают чувство принадлежности и активно вовлекаются в приходскую жизнь, а с другой стороны, приходское сообщество остаётся гостеприимным для внешних людей и во многих своих действиях ориентировано вовне. Проще говоря, нас интересует приходское сообщество с крепким ядром и проницаемой оболочкой. Именно такое сочетание проявлений слаженности выглядит наиболее жизнеспособным, поскольку включает в себе потенциал раскрытия других признаков живого: роста, избыточности и преемственности.

Как оказалось, приходские сообщества такого типа являются скорее исключительными на фоне довольно большого числа приходских церквей, в которых признаки «живого» проявляются слабо или вовсе

отсутствуют. На данный момент мы воздерживаемся от рассмотрения тех сложностей, которые теоретически или практически препятствуют поддержанию здорового баланса в проявлениях слаженности, но отметим, что они совершенно точно имеют место и вот почему. Дело в том, что всё живое одновременно стремится к сохранению себя и к некому развитию/расширению. Для сообщества это складывается в следующий парадокс: оно должно быть сплоченным внутри и в то же время оставлять возможность постоянного прибавления и обновления своего состава, то есть, по сути, постоянно пересобираться, но при этом сохранять континуальность. Сложности поддержания баланса слаженности связаны именно с этим парадоксом, поскольку его необходимо — неочевидным образом — преодолевать. И хотя мы обнаружили реальные социальные процессы, которые успешным образом воспроизводят эту слаженность вкупе с другими признаками живого, всё же вполне объяснимо и то, что в большинстве случаев приходская община оказывается или неспособной к расширению (замкнутый приход) или, оказываясь чрезмерно подверженной влиянию окружающего мира, теряет самоё себя (размытый приход).

Кроме того, мы признаем, что среда обитания изучаемых приходов оказывает влияние на протекающие в них социальные процессы и формирует совершенно разные условия для жизнедеятельности сообществ. И всё же, несмотря на различия по типу населённого пункта и численности жителей, месторасположению и транспортной доступности конкретной приходской церкви, а также невзирая на человеческий фактор (характеристики священноначалия и социально-демографический состав прихожан), нам удалось выявить несколько устойчивых социальных процессов, которые воспроизводят живое сообщество в контексте православного прихода:

- **Цепочки дарообмена.** Выход за пределы рыночной логики обмена, круг равных в помощи (движение услуг обоюдостороннее и добровольное).
- **Укоренение на местности.** Связи с местными властями (сотрудничество), освоение территории (локальная идентичность), социальная работа за церковной оградой (участие в судьбе местного населения).
- **Удержание разнообразия.** Творческая самореализация, принятие других и предоставление возможности каждому заниматься своим делом (принцип «разным занятиям есть место»).

По сути, эти социальные процессы выполняют две взаимосвязанные функции, принципиальные для становления и поддержания живого сообщества: переход от индивидуального сознания (Я) к коллективной солидарности (МЫ). Однако примечательной особенностью таких социальных процессов является то, что они позволяют поддерживать баланс слаженности (целостность — автономия) сообщества, поскольку так же преодолевают значимость

оппозиции «свой»/«чужой», то есть преобразуют отношение приходского сообщества к внешним людям (ОНИ) как к тем, с кем возможно иметь что-то общее (ВЫ), то есть расширяться, — оставаясь на безопасной дистанции — и сохранять собственную целостность.

Представленные выводы, само собой, требуют углублённого анализа и описания. На данный момент мы продемонстрировали применение оригинальной концептуализации к рассмотрению православных приходов под новым углом зрения, отметили некоторое количество тем и более точечных вопросов для дальнейшей исследовательской работы, в чём и состояла цель данного текста.

Дискуссия: при чём тут православие?

По-хорошему, мы смотрим на людей в полноте их существования, а не только с интересом к той части их жизни, которую можно только очень условно маркировать как религиозную. В силу рациональных ограничений методологического толка, мы всегда вынуждены оставлять за рамками множество параметров, обстоятельств и факторов, но и конвенциональный, банально-обывательский взгляд на прихожанина как человека с тремя-пятью характеристиками вроде частоты посещения церкви и знания Символа веры нам не подходит.

По заветам социального конструктивизма, для настройки собственно исследовательской оптики нам необходимо развить религиозность в том понимании, которое принадлежит здравому смыслу. Именно этому принципу мы старались следовать, изучая православные приходы как социальную среду, в которой с высокой степенью вероятности зарождается некая общинная жизнь. Мы убедились, что с точки зрения социальных процессов, воспроизводящих эту жизнь, приходские сообщества действительно похожи друг на друга. И теперь самое время задаться вопросом о том, что же такое специфическое лежит в фундаменте тех практик и идей, за счет которых поддерживается жизнеспособность сообщества православных прихожан? Можно ли распространить эти практики и идеи за пределы непосредственно приходской среды? Могут ли «люди из Церкви» как носители особого социального опыта, транслировать его вовне?

На следующем шаге нам предстоит понять, в чём заключается моральное (или духовное) измерение приходских сообществ, которые мы идентифицировали и описали как «живые». Это означает новый виток обращения к теории для концептуализации выделенных нами признаков живого прихода в категориях сакральное/профанное с тем, чтобы затем снова вернуться в стены эмпирики и услышать знакомое эхо.

Литература

1. Врублевская, П. Исследуя церковную общину в малом городе: роль священника и другие аспекты православной общинности // *Laboratorium*. 2015. Т. 7. № 3. С. 129–144. DOI: 10.25285/2078-1938-2015-7-3-129-144.
2. Врублевская, П. Круговорот детских вещей в приходской церкви: к вопросу о значении дарообмена // *Религиоведческие исследования*. 2016. № 1(13). С. 103–127. DOI: 10.22250/2072-8662.2016.1.103-127.
3. Врублевская, П. О грядущих основаниях солидарности: религия и мораль в социологической теории Эмиля Дюркгейма // *Вестник ПСТГУ*. I. 2016а. Т. 4(66). С. 67–83. М.: Изд-во ПСТГУ. DOI: 10.15382/sturl201666.67-83.
4. Врублевская, П. Порядок смысловой системы православия через изучение ритуала венчания // *Социология власти*. 2013. № 1–2. С. 99–110. М.: РАНХиГС. DOI: 10.22394/2074-0492-2013-1-2-99-110.
5. Дивисенко, К. С., Дивисенко, О. В. Социальное измерение религиозности: опыт эмпирического исследования // *Петербургская социология сегодня*. 2017. № 8. [Online] <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-izmerenie-religioznosti-opyt-empiricheskogo-issledovaniya> [Дата обращения] 02.08.2024.
6. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с франц. В. В. Земсковой; под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018.
7. Забаев, И., Пруцкова, Е., Орешина, Д. Социальный капитал русского православия в начале XXI в.: исследование с помощью методов социально-сетевого анализа // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2014. Т. 1(32). С. 40–66. DOI: 10.22394/2073-7203-2014-1-40-66.
8. Забаев, И., Мелкумян, Е., Павлюткин, И., Пруцкова, Е., Орешина, Д. Влияние религиозной социализации и принадлежности к общине на рождаемость. Постановка проблемы // *Демоскоп Weekly*. 2013. Вып. 553.
9. Забаев, И. В., Пруцкова, Е. В., Маркин, К. В. Церковная социальная работа глазами россиян и социальных работников Русской Православной Церкви // *Христианское чтение*. 2022. С. 139–153.
10. Кормина, Ж. В., Панченко, А. А., Штырков, С. А. Социальные исследования религии: теория, методы и опыт // *Антропологический форум*. 2017. № 35. С. 129–166. DOI: 10.31250/1815-8870-2017-13-35-129-166.
11. Куропаткина, О. В. Религиозные общности в современной России и их консолидирующий потенциал: предварительные выводы. Доклады Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Вып. 3. М.: Научный эксперт, 2013. 48 с.
12. Орешина, Д., Врублевская, П., Забаев, И., Павлюткин, Е. «Партнерский приход»: сотрудничество священников и мирян в развитии социальной деятельности в приходах РПЦ в начале XXI века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2018.
13. Приход и община в современном православии: корневая система Российской религиозности / Под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. М.: Весь мир, 2011.
14. Пруцкова, Е. В. Куличи и/или причастие: типология православных верующих, участвующих в освящении пасхальной пищи // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018. № 2. С. 243–260. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.14.
15. Пруцкова, Е. В., Маркин, К. В. Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя религиозности // *Социологические исследования*. 2017. № 8. С. 95–105. DOI: 10.7868/S0132162517080090.
16. Юдин*, Г., Врублевская, П., Емельянов, Н., Забаев, И., Колошенко, Ю., Орешина, Д., Зуева, А. Жизнь в долг: моральная экономика долговых практик в жизни сообществ в России. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020.
17. *Amterman, N. Congregation and Community*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1997.

18. Lovell, G., Widdecombe, C. Churches and Communities: An Approach to Development in the Local Church. London: Search Press, 1978.
19. Miller-McLemore, B.J. (ed.). The Wiley Blackwell Companion to Practical Theology. John Wiley & Sons, 2011.
20. Sider, R.J., Unruh, H. R. Saving Souls, Serving Society: Understanding the Faith Factor in Church-Based Social Ministry. New York: Oxford University Press, 2005.
21. VanderWeele, T.J. Religious Communities and Human Flourishing // Current Directions in Psychological Science. 2017. Vol. 26. No. 5. P. 476–481. DOI: 10.1177/0963721417721526.
22. Woodhead, L., Guest, M., Tusting, K. Congregational Studies: Taking Stock // Congregational Studies in the UK. Routledge, 2017. P. 21–44.

Polina Vrublevskaya

Orthodox Parish in Sociological Perspective: Echo of Theory within the Walls of Empirics

Polina Vrublevskaya — MA in Sociology (University of Manchester), research fellow at “Sociology of Religion” group (St. Tikhon’s Orthodox University). **E-mail:** pvrublevskaya@gmail.com.

Abstract: The parish is the basic yet the most significant level of social organization of the Russian Orthodox Church, since an individual personally encounters religion there and, further, develops a sense of belonging to the Church as a whole. However, empirical research shows that each parish is special in how it functions and how it is operated. In this vein, there is a need for a solid sociological conceptualization of empirical variations.

This paper follows a decade of research work by the Sociology of Religion group and suggests a conceptualization of parish as a community. This conceptual model takes into account both the fundamentally general and the variable-specific elements, which makes it applicable for case-study of parishes and also allows comparison of the collected observations at the analytical level.

Keywords: Russian Orthodox Church, parish, community studies

References

1. Vrublevskaya, P. (2015) Exploring a Church Community in a Small Town: The Role of the Priest and Other Aspects of Orthodox Communitality. *Laboratorium*. Vol. 7. No. 3. P. 129–144.
2. Vrublevskaya, P. (2016b) Circulation of Children’s Items in a Parish Church: On the Question of the Significance of Gift Exchange. *Religious Studies*. No. 1(13). P. 103–127.
3. Vrublevskaya, P. (2016a.) On the Future Foundations of Solidarity: Religion and Morality in Émile Durkheim’s Sociological Theory. *Bulletin of PSTGU*. I. Vol. 4(66). P. 67–83.

4. Vrublevskaya, P. (2013) The Order of the Meaning System of Orthodoxy Through the Study of the Wedding Ritual. *Sociology of Power*. No. 1–2. P. 99–110. Moscow: RANEPa.
5. Divisenko, K.S., Divisenko, O.V. (2017) Social Dimension of Religiosity: An Empirical Research Experience. *St. Petersburg Sociology Today*. No. 8.
6. Durkheim, É. (2018) *The Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia*. Translated from French by V.V. Zemskova; edited by D. Yu. Kurakin. Moscow: Elementary Forms.
7. Zabaev, I., Prutskova, E., Oreshina, D. (2014) The Social Capital of Russian Orthodoxy in the Early 21st Century: A Study Using Social Network Analysis Methods. *State, Religion, and Church in Russia and Abroad*. Vol. 1(32). P. 40–66.
8. Zabaev, I.V., Melkumyan, E., Pavlyutkin, I., Prutskova, E., Oreshina, D. (2013) The Impact of Religious Socialization and Community Membership on Birth Rates: Problem Statement. *Demoskop Weekly*. Issue 553.
9. Zabaev, I.V., Prutskova, E.V., Markin, K.V. (2022) Church Social Work Through the Eyes of Russians and Social Workers of the Russian Orthodox Church. *Christian Reading*. Pp. 139–153.
10. Kormina, Z.V., Panchenko, A.A., Shtyrkov, S.A. (2017) Social Research of Religion: Theory, Methods, and Experience. *Anthropological Forum*. No. 35. P. 129–166.
11. Kuropatkina, O.V. (2013) *Religious Communities in Modern Russia and Their Consolidation Potential: Preliminary Findings*. Reports of the Center for Problem Analysis and State-Administrative Projecting. Issue 3. Moscow: Nauchny Expert.
12. Oreshina, D., Vrublevskaya, P., Zabaev, I., Pavlyutkina, E. (2018) “Partner Parish”: Collaboration Between Priests and Laypeople in the Development of Social Activities in ROC Parishes in the Early 21st Century. Moscow: PSTGU Publishing.
13. *Parish and Community in Contemporary Orthodoxy: The Root System of Russian Religiosity* (2011) Edited by A. Agadzhanian, C. Rousselet. Moscow: Ves Mir.
14. Prutskova, E.V. (2018) Easter Cakes and/or Communion: Typology of Orthodox Believers Participating in the Blessing of Easter Food. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 243–260.
15. Prutskova, E.V., Markin, K.V. (2017) Typology of Orthodox Russians: The Problem of Constructing a Generalized Index of Religiosity. *Sociological Studies*. No. 8. P. 95–105.
16. Yudin, G., Vrublevskaya, P., Emelyanov, N., Zabaev, I., Koloshenko, Y., Oreshina, D., Zueva, A. (2020) *Life on Credit: The Moral Economy of Debt Practices in Communities in Russia*. Moscow: PSTGU Publishing.
17. Ammerman, N. (1997) *Congregation and Community*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
18. Lovell, G., Widdecombe, C. (1978) *Churches and Communities: An Approach to Development in the Local Church*. London: Search Press.
19. Miller-McLemore, B.J. (ed.) (2011) *The Wiley Blackwell Companion to Practical Theology*. John Wiley & Sons.
20. Sider, R.J., Unruh, H.R. (2005) *Saving Souls, Serving Society: Understanding the Faith Factor in Church-Based Social Ministry*. New York: Oxford University Press.
21. VanderWeele, T.J. (2017) Religious Communities and Human Flourishing. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 26. No. 5. P. 476–481. DOI: 10.1177/0963721417721526.
22. Woodhead, L., Guest, M., Tusting, K. (2017) Congregational Studies: Taking Stock. In: *Congregational Studies in the UK*. Routledge. C. 21–44.

А. М. Тропаревский

Католическая церковь как источник институциональных инноваций и социальных технологий: новый взгляд на становление европейской цивилизации

Арсентий Максимович Тропаревский — магистр международной политики и политологии, Университет Манчестера, преподаватель Межфакультетской кафедры английского языка в Московской высшей школе социальных и экономических наук. **Адрес:** Москва, Газетный переулок, 3, стр. 1. **Электронная почта:** troparewsky.arsenty@yandex.ru.

Аннотация: В статье дается обзор основных работ, посвященных вкладу Католической церкви в политическое, экономическое и социальное развитие Европы. Большинство макросоциологических, экономических и политологических теорий игнорируют влияние церкви на становление государств, государственных институтов, хозяйственных практик и поведенческих механизмов жителей европейского региона. Однако новейшие исследования устраняют этот пробел и объясняют, почему Ватикан и его методы социально-политического влияния и контроля оказали решающее воздействие на формирование первых европейских государств, демократических институтов и социальной структуры европейского общества с точки зрения политических наук, социологии, экономики и эволюционной биологии. Обзор ключевых трудов и научных статей, указанных в данной работе, позволяет дополнить уже существующую палитру исследований и учесть вклад Католической церкви в развитие Европы.

Ключевые слова: католическая церковь, монашеские ордена, социология, институты, демократия, самоуправление

Для цитирования: Тропаревский, А. М. Католическая церковь как источник институциональных инноваций и социальных технологий: новый взгляд на становление европейской цивилизации // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 58–69.

За последние сто лет вышел огромный пласт работ, посвящённых уникальной исторической траектории Европы, которая позволила этому региону вырваться вперед и задать основные ориентиры развития для всего мира. Ученые делают акцент на разных факторах. Например, социолог Чарльз Тилли убеждён, что становление национальных государств в эпоху Раннего Нового времени под воздействием войны и военных технологий стало решающим фактором, определившим развитие Европы и ставшим залогом её триумфа на мировом уровне [Tilly, 2017, p. 121–139]. Историк Уильям Мак-Нилл также подчёркивает решающее значение войны и развития военных технологий, предопределивших становление Запада как мирового лидера [Мак-Нилл, 2008]. Социолог Кристиан Вельцель в своей книге *Freedom rising* и эволюционный биолог Джаред Даймонд в книге «Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ» уделяют большое внимание географическим и климатическим факторам, выступая с позиций географического детерминизма. Социолог Иммануил Валлерстайн в своем фундаментальном исследовании «Мир-система Модерна» считает, что залогом становления Европы как центра мировой системы стал капитализм, который вырвался в её недрах благодаря уникальным социальным, политическим и экономическим условиям [Валлерстайн, 2015].

Однако большинство этих теорий совершенно обходят стороной Католическую церковь и её вклад в развитие европейского региона. Ей обычно отводится роль хранителя знаний в деле поддержания преемственности между канувшей в лету Античностью и Новым временем. Согласно этой точке зрения, Церковь помогла пережить период «тёмных веков», чтобы передать прогрессивным силам импульс дальнейшего развития, на который она была неспособна, будучи сама глубоко консервативной и реакционной.

Однако сейчас появляются исследования, где роль Католической церкви в развитии Европы оценивается гораздо выше. Более того, они не являются абсолютно новаторскими, а скорее продолжают традицию, начало которой положили историки Средневековья. В их число входят Брайан Тирни, Гарольд Берман и Вальтер Ульманн [Møller, 2019, p. 213–226]. Поэтому текущий стремительный рост работ и исследований, посвященных изучению вклада Католической церкви и Папства в европейскую историю, будет корректнее объяснить возобновлением интереса к проблеме, которую макросоциологи и политологи раньше обходили стороной.

Это направление в социологической, политологической и антропологической науке стоит разделить на три типа:

- 1) Институциональное;
- 2) Международно-политическое;
- 3) Социальное.

Исследователи в первой группе делают акцент на формирование и распространение политических и административных институцио-

нальных практик, выработанных внутри Католической церкви. Во второй — на то, как Церковь влияла на баланс сил в региональной системе отношений в Западной Европе до наступления Нового времени. В третьей — на формирование совершенно нового паттерна социальных и индивидуальных связей под влиянием католического духовенства.

Городское самоуправление и представительство

После того, как империя Карла Великого прекратила свое существование в IX веке, Западная Европа перестала представлять из себя единое политическое пространство. На обломках империи возникло несколько государственных образований, которые продолжали дробиться на более маленькие политии. Однако последний правитель Восточно-Франкского королевства, а затем император Оттон I сумел консолидировать власть над большой территорией и сделать новое государство новым политическим центром в Европе. В 961 году он завоевал Итальянское королевство, а в 962 папа Римский Иоанн XII провозгласил его императором Священной Римской империи. В следующем году Оттон I сместил Иоанна XII со Святого престола. Начался длительный период нестабильности в истории Церкви. Германские императоры довольно продолжительное время могли определять, кто будет занимать престол главы Церкви, и снимать тех, кто не соответствовал их интересам.

Однако ближе к середине XI века неурядица среди политического руководства Католической церкви начала подходить к концу, а в её лоне возникло реформаторское движение. Именно с этим событием ряд исследователей, таких как Юрген Мюллер в своей книге *The Catholic Church and European State Formation, AD 1000–1500*, связывают поворотный момент в истории Европы [Møller, Doucette, 2022]. Это движение возглавил папа Григорий VII. Он активно перехватил инициативу у императоров Священной Римской империи и через политический триумф в споре за инвеституру в 1076 году сумел добиться чрезвычайно высокого влияния Церкви на политическое развитие Западной Европы. Победа Григория VI в этом споре привела к активным институциональным изменениям почти на всем пространстве Западной Европы и падению авторитета светских властей.

Примерно с 1076 года, после отлучения Генриха IV, в некоторых регионах Западной Европы начался бурный рост институтов городского самоуправления. Под этими институтами авторы новаторского исследования подразумевают наличие так называемых «городских советов» (*citizen council*), обладавших судебной властью, правами на налогообложение и правом на организацию самообороны.

Распространение институтов городского самоуправления связывают с успешным примером борьбы церковных властей со светскими в лице Священной Римской империи.

Юрген Мюллер приводит данные 680 городов, из которых 199 находились под властью духовного лица, а 481 — светского. С 1076 по 1150 год из 62 транзитов власти и появления институтов городского самоуправления 50 произошли в городах под властью епископа. И только в 1200 году эта волна в равной мере затронула города под контролем светских лордов. Учитывая, что доля епископских городов в общем количестве всего 29 %, то их доля в общем числе транзитов сильно выделяется [Møller, Doucette, 2022, p. 110].

Далее авторы отмечают, что после 1076 года в городах под контролем епископов вероятность конфликтов за власть выросла на 27.6 %, а большинство этих конфликтов произошло в Северной Италии, в Северной и Южной Франции [Møller, Doucette, 2022, p. 111].

Таким образом, конфликт между императором и папой спровоцировал бурный рост городского самоуправления, который в основном пришёлся на города, подконтрольные епископам. Именно этот момент в истории европейского Средневековья положил начало длительному процессу демократизации и стал примером успешной репликации опыта Католической церкви светскими властями.

Но влияние Католической церкви не ограничивается только кризисом инвеституры. Большой вклад в распространение и внедрение новых институциональных и административных практик внесли монашеские ордены Клюни и святого Доминика.

Монашеский орден Клюни появился на свет благодаря стремлению части клириков и мирян к духовному обновлению: они выступали против тех настроений и практик (симония и женатые священники), которые получили распространение в Католической церкви. Но больше всего они противились зависимости Церкви от сеньоров и лордов. Они выступали за расширенную независимость монашеских общин и церквей от влияния светской власти.

Юрген Мюллер совместно с другими учёными провёл следующее исследование: учитывая роль монастырей в качестве научных и культурных центров в Средневековье, они решили проверить в какой мере эти монастыри могли повлиять на борьбу горожан за самоуправление. Они выдвинули следующую гипотезу: чем ближе город к клюнийскому монастырю, тем выше вероятность, что горожане смогли добиться самоуправления.

В качестве эмпирического материала они использовали географическое расположение 270 монастырей, которые были построены до 1109 года. Что касается городов, то были проведено два теста с двумя подборками (680 и 643), среди которых 383 добились самоуправления. Города, которые расположены ближе клюнийским монастырям, с большей вероятностью переходили к самоуправлению, чем города,

расположенные в удалении от этих монастырей. Увеличение расстояния до ближайшего монастыря на 100 километров снижает вероятность возникновения городского самоуправления на 4.4 % [Møller, Doucette, 2022, p. 111]

Как утверждают исследователи, клунийцы сыграли значительную роль в становлении независимых городов, а их идеи во многом нашли воплощение в реформах Папы Григория VII.

Орден Доминиканцев знаменит тем, что он принимал активное участие в Альбигойском крестовом походе, а Папа передал им в руки функции карательного правосудия Церкви, поставив во главе инквизиции. Однако в начале своего существования в XIII веке орден отличался демократической и представительной системой управления и служил примером для светских правителей и горожан. Главной инновацией доминиканцев была особая система управления орденом, основанная на самом передовом кодифицированном праве под названием *Constituciones*. Она подразумевала демократическую систему управления через генеральные капитулы (собрания), состоящие из двух частей: капитулов провинциалов (прелатов, возглавлявших провинции ордена) и диффиниторов (обычных монахов, которые избирались на провинциальных капитулах). Каждый участник капитулов обладал полноправной юридической властью (*plena potestas*). А орден возглавлял генеральный магистр, избиравшийся пожизненно (до XIX века).

Доминиканские монастыри в основном располагались в городах, а образование и воспитание, получаемые в стенах монастырей, превращали послушников и монахов в интеллектуальную элиту средневековой Европы. Доминиканцев часто привлекали к юридической и административной работе. Например, в Кёльне с 1252 по 1258 доминиканский приор Альбертус выступал в качестве посредника в конфликте между архиепископом города и горожанами, требовавшими расширить их права и наделить их правом представительства в городском органе управления.

Таким образом, Юрген Мюллер и его коллеги решили проверить степень влияния доминиканских монастырей на распространение практик самоуправления. Они выдвинули гипотезу, что орден своим примером и частым взаимодействием с горожанами мог подать им пример демократического самоуправления, что могло привести к росту представительных органов городского управления до 1300 года. После этого рубежа орден стал отказываться от демократических принципов функционирования. Они пришли к выводу, что города, где были представлены доминиканские монастыри, с вероятностью в 33.8% переходили к демократической системе управления, в то время как города без них — с вероятностью в 8.8% [Møller, Doucette, 2022, p. 111]. Таким образом, Мюллер и его коллеги установили чёткую связь между влиянием доминиканских монастырей как источника

институциональных инноваций и реципиентами в виде горожан и городов средневековой Европы.

Не обошли вниманием и другой влиятельный орден эпохи Средневековья — цистерцианцев. Одним из первых на особенности хозяйственной этики цистерцианцев обратил внимание социолог Макс Вебер в труде «Протестантская этика и дух капитализма», когда исследовал вклад протестантизма в становление нового мировоззрения, характерного для жизни в условиях капитализма.

Учёные из Университета Южной Дании в своей статье *Pre-reformation roots of the protestant ethic* выдвинули гипотезу о том, что католический монашеский орден цистерцианцев заложил основы капиталистических ценностей. Они не ставят под сомнение вывод, что протестантизм сыграл важную роль в формировании капиталистической этики; они просто указывают на то, что этот процесс запустили монахи-цистерцианцы, а не протестанты.

Чтобы проверить свою гипотезу, они провели ряд микроисследований на примере средневековой Англии и современной Европы. Они хотели измерить культурно-экономическое влияние цистерцианцев на окружающую территорию и население. Им удалось выяснить, что регионы, где располагались монастыри цистерцианцев, отличались высокими темпами роста населения с 1387 по 1801 гг. Согласно опросу *European Values Survey* за 2007 год, население регионов, где в прошлом располагались цистерцианские монастыри, отличалось более высоким уровнем трудолюбия и желанием передать эти ценности своим детям. В отношении бережливости показатели были немного ниже, чем у трудолюбия. Территории с цистерцианскими монастырями демонстрировали более высокий уровень занятости: на 2.5 % выше, чем остальные [Andersen, Bentzen, Dalgaard, Sharp, 2017].

Международные отношения и баланс сил в Европы

Принято считать, что основы межгосударственной системы отношений в виде баланса сил на европейском континенте сложились после установления Вестфальской системы международных отношений в результате Тридцатилетней войны. Однако она была бы невозможна без целого ряда факторов, которые способствовали становлению государств и межгосударственной системы. Автор нового исследования об истоках политической конфигурации на европейском континенте утверждает, что основы подобной системы заложил Ватикан, умело манипулируя и играя на противоречиях между правителями европейских стран.

В центре исследования Анны Гржимала-Буссе *Tilly Goes to Church: The Religious and Medieval Roots of European State Fragmentation* стоит

Папство. Папская власть на протяжении около 3 веков (XI–XIV) была тем, что сейчас называют региональным гегемоном: обладала доминирующим влиянием в политике, культуре и экономике. Её главным соперником была Священная Римская империя. Залогом доминирования Ватикана была слабость и фрагментация враждебной империи, чего она благополучно добилась в XIII веке. С тех пор господство Католической церкви на европейском континенте вплоть до XV–XVI веков оставалось безраздельным.

Для того, чтобы добиться этой цели, Ватикан пытался заручиться поддержкой других королевств: Англии, Франции, Сицилии и других. Своих союзников Папство активно поддерживало, укрепляя власть монархов посредством легитимации и создания административных аппаратов управления. В отношении главного врага, Священной Римской империи, Церковь действовала иначе, стараясь не допустить его усиления и доминирования на европейском пространстве.

Здесь автор выводит следующую предпосылку: Ватикан путем культурного и институционального трансфера укреплял власть дружественных монархий, а враждебных подрывал. По мнению автора, государственные институты сформировались задолго до наступления Нового Времени, ещё в эпоху Средневековья. Они укрепились там, где Церковь целенаправленно этому способствовала, а там, где она не хотела, она этому активно препятствовала. Войны в эпоху Нового Времени оказали негативное влияние на укрепление государственной власти и оказывали скорее негативное влияние на формирование государств.

Чтобы проверить свой тезис, она сформулировала гипотезу: уровень участия Папства в конфликтах будет сильно коррелировать с государственной дезинтеграцией и ослаблением государственных институтов. По итогу исследования её гипотеза подтвердилась: подрывная деятельность Ватикана была тесно связана с фрагментацией государственного суверенитета и ослаблением власти государей. Конфликты между светскими правителями такого влияния не оказывали [Grzymala-Busse, 2023].

Таким образом, автор статьи выводит новую теорию, которая противоречит взгляду Тилли: фундамент государств Нового Времени заложила Католическая Церковь благодаря распространению административных инноваций и культурному трансферу, а войны этого времени имели к этому мало отношения. Благодаря действиям Ватикана Европа пребывала в состоянии политической фрагментации, препятствуя становлению могущественной империи, которая могла бы объединить всю Европу под единой властью. Этот факт отмечают и другие исследователи [см.: Møller, 2014, p. 660–670].

Католическая церковь и социальные инновации

Среди всех теорий и подходов, исследующих историческую траекторию становления Европы, отдельно стоит выделить работы тех исследователей, которые делают акцент на социально-биологические причины. Центральную роль в ней играет Римско-католическая церковь, как, с одной стороны инициатор, а с другой проводник фундаментальных реформ. В рамках этого направления работают несколько учёных: эволюционный биолог и антрополог Джозеф Хенрик и экономист Хилтон Рут.

В центре концепции Хенрика, которую он подробно изложил в своей книге «Самые странные в мире. Как люди Запада обрели психологическое своеобразие и чрезвычайно преуспели», стоит, как он называет, аббревиатура W.E.I.R.D (western, educated, industrialized, rich, democratic) [Schulz, Bahrami-Rad, Beauchamp & Henrich, 2019]. Это как раз и есть та совокупность психологических, институциональных, политических и экономических характеристик, которые отличают Запад от остального мира. Преимущество концепции Хенрика в том, что он выделяет конкретную причину, благодаря которой все вышеупомянутые характеристики смогли появиться на свет. Эта причина — брачно-семейная программа Церкви. В рамках этой программы на всем европейском пространстве, где действовала Церковь, последовательно внедрялась и утверждалась моногамная модель брака, исключающая браки с близкими родственниками и многоженство.

Как объясняет Хенрик и его коллеги в научной статье *The Church, intensive kinship, and global psychological variation*, переход к аграрному земледелию сподвиг людей перейти к оседлому образу жизни. В таких условиях у племен и клановых сообществ развились институты, основанные на родстве (kinship-based institutions). Там же широкое распространение получили браки между близкими родственниками (дяди, тёти, двоюродные, троюродные братья и сёстры).

Подобная модель брачных отношений способствовала выработке коллективистской психологии и социальной организации, где на передний план выдвигались интересы рода или клана. Индивида как отдельного члена племени просто не существовало: любой человек мыслился, в первую очередь, как часть сообщества. При такой организации у людей вырабатывались особые черты: враждебность к чужакам и низкая способность к кооперации с людьми за пределами своего племени.

Подобная психология до сих пор определяет жизнь большинства сообществ и стран. Рут в своей статье *The Diffusion of Innovation as a Property of Network Connectivity in the Economic Organization of China and the West* приводит пример гуаньси в Китае: это принцип кооперации между людьми, в основе которого лежат родственные связи или кумовство [Root, 2022].

Хенрик считает, что именно христианство — точнее Католическая церковь — сумела разрушить институты, основанные на родстве, в пределах зоны своего влияния: в Западной Европе. Внедрив институт моногамии или, как называет Хенрик, брачно-семейной программы Церкви, она разорвала родственные связи кланов и привела к их вырождению [Schulz, Bahrami-Rad, Beauchamp, Henrich, 2019].

Но это не главное. Отсутствие родственных связей вынудило людей создавать семьи и объединения на основе совершенно иных принципов: добровольных, не продиктованных интересами племени или общины. Жители тех европейских территорий, где влияние Церкви было сильным, были вольны жениться и вступать в отношения с огромным числом людей, что привело к появлению гильдий, монастырей, средневековых городов и пр.

Рут здесь упоминает феномен *caritas* или христианской любви. Она предписывала кодекс поведения, совершенно противоположный клановому: любовь к ближнему [Root, 2022]. То есть человек, хотя бы на формальном уровне, больше не мыслился как чужак, а как член христианского универсума, в отношении которого предписаны стандартные правила поведения. Подобный набор правил коммуникации в обществе и взгляда на мир сформировался на основе новой социально-экономической модели, сформированной Католической церковью.

Заключение

В заключении подчеркнём ключевую роль Католической церкви в формировании уникальной исторической траектории Европы. Вопреки традиционным представлениям, рассматривающим церковь исключительно как консервативную силу, современные исследования демонстрируют её значительное влияние на развитие политических, административных и социальных институтов. Такие процессы, как становление городского самоуправления, деятельность монашеских орденов и реализация брачно-семейных программ способствовали не только демократизации, но и экономическому росту европейских обществ. Эти факторы стали основополагающими в процессе становления европейских государств и формировании западных ценностей.

Таким образом, данный обзор свидетельствует о возобновлении интереса к изучению вклада Католической церкви в европейскую историю со стороны макросоциологов, экономистов и политологов. Этот интерес подтверждается наличием значительного и постоянно растущего массива исследований, которые подчеркива-

ют, что Католическая церковь сыграла решающую роль в создании институциональных и культурных основ современных европейских государств.

Литература

1. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. М. Левиной. М.: Изд-во АСТ, 2020.
2. Валлерстайн, И. Мир-система Модерна. Т. 2: Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750 / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.
3. Даймонд, Д. Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ / Пер. с англ. М. Колопятина. М.: Изд-во АСТ, 2016.
4. Мак-Нил, У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках / Пер. с англ. Т. Ованнисяна. М.: ИД «Территория будущего», 2008.
5. Хенрик, Д. Самые странные в мире. Как люди Запада обрели психологическое своеобразие и чрезвычайно преуспели / Пер. с англ. В. Федюшина, А. Свистунова. М.: Альпина Нонфикшн. 2024.
6. Andersen, T.B., Bentzen, J.S., Dalgaard, C.-J.L., & Sharp, P.R. Pre-reformation roots of the protestant ethic // *The Economic Journal*. 2017. Vol. 127. No. 604. P. 1756–1793.
7. Grzymala-Busse, A. Tilly Goes to Church: The Religious and Medieval Roots of European State Fragmentation // *American Political Science Review*. 2023. Vol. 1. No. 20.
8. Møller, J. Why Europe avoided hegemony: A historical perspective on the balance of power // *International Studies Quarterly*. Vol 58. No. 4. P. 660–670
9. Møller, J., & Doucette, J.S. *The Catholic Church and European State Formation, AD 1000–1500*. Oxford: Oxford University Press, 2022.
10. Møller, J. Bringing the Church Back In: Ecclesiastical Influences on the Rise of Europe // *Politics and Religion*. 2019. Vol. 12. No. 2. P. 213–226. DOI:10.1017/S1755048318000822.
11. Root, H.L. The Diffusion of Innovation as a Property of Network Connectivity in the Economic Organization of China and the West. 2022.
12. Schulz, J.F., Bahrami-Rad, D., Beauchamp, J. P., & Henrich, J. The Church, intensive kinship, and global psychological variation // *Science*. 2019. Vol. 366. No. 6466. DOI: 10.1126/science.aau514.
13. Tilly, C. War making and state making as organized crime // *Collective violence, contentious politics, and social change*. 2017. London: Routledge.
14. Welzel, C. *Freedom rising*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013.

Arsenty Troparevsky

The Catholic Church as a source of institutional innovation and social technologies. A new perspective at the formation of European civilization

Arsenty Troparevsky holds — MA in International Politics and Political Science, University of Manchester, Interfaculty Department of English at the Moscow School of Social and Economic Sciences. **Address:** 3, bld. 1, Gazetny pereulok, Moscow, **E-mail:** troparevsky.arsenty@yandex.ru.

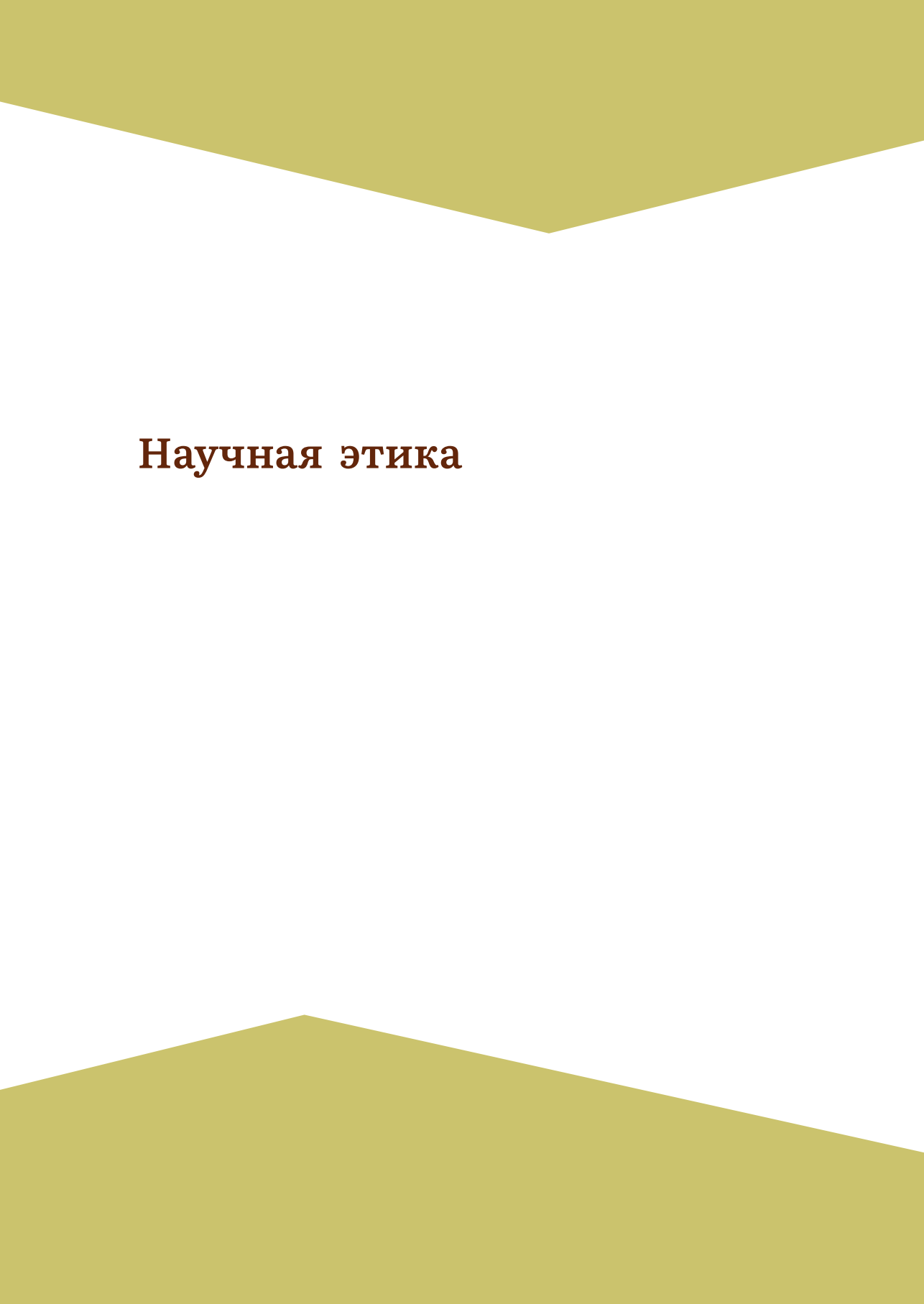
Abstract: The article provides an overview of the key papers devoted to the contribution of the Catholic Church to the political, economic and social development of Europe. Most macro-sociological, economic and political theories ignore the influence of the church on the formation of states, state institutions, economic practices and behavioral mechanisms of the inhabitants of the European region. However, the latest research fills this gap and explains why the Vatican and its methods of socio-political influence and control had a decisive impact on the making of the first European states, their democratic institutions and the social structure of European society from the perspective of political science, sociology, economics and anthropology. review of the key works and scientific articles indicated in this work allows us to supplement the existing palette of studies and consider the contribution of the Catholic Church to the development of Europe.

Key words: Catholic Church, monastic orders, sociology, institutions, democracy, self-government

References

1. Andersen, T.B., Bentzen, J.S., Dalgaard, C.-J.L., & Sharp, P.R. (2017). Pre-reformation roots of the protestant ethic. *The Economic Journal*. Vol. 127. No. 604. P. 1756–1793.
2. Daymond, D. (2016). *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. M.: AST (In Russ.)
3. Grzymala-Busse, A. (2023). Tilly Goes to Church: The Religious and Medieval Roots of European State Fragmentation. *American Political Science Review*. Vol. 1. No. 20.
4. Henrik, D. (2024). *The Weirdest People in the World: How the West Became Psychologically Peculiar and Particularly Prosperous*. M.: Alpina Non-Fiction. (In Russ.)
5. Mak-Nil, U. (2008). *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society in the 11th–20th Centuries*. Translated by T. Ovannisyan. M.: ID Territoriya budushchego (In Russ.)
6. Møller, J. (2014). Why Europe avoided hegemony: A historical perspective on the balance of power. *International Studies Quarterly*. Vol. 12. No. 2. P. 660–670.
7. Møller, J., & Doucette, J.S. (2022). *The Catholic Church and European State Formation, AD 1000–1500*. Oxford University Press.
8. Møller, J. (2019). Bringing the Church Back In: Ecclesiastical Influences on the Rise of Europe. *Politics and Religion*. Vol. 12. No. 2. P. 213–226. DOI:10.1017/S1755048318000822.
9. Root, H.L. (2022). *The Diffusion of Innovation as a Property of Network Connectivity in the Economic Organization of China and the West*.

10. Schulz, J. F., Bahrami-Rad, D., Beauchamp, J. P., & Henrich, J. (2019). The Church, intensive kinship, and global psychological variation. *Science*, Vol. 366. No. 6466. DOI: 10.1126/science.aau514.
11. Tilly, C. (2017). War making and state making as organized crime. In *Collective violence, contentious politics, and social change*. Routledge.
12. Vallerstain, I. (2015). *The Modern World-System*. Vol. 2: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. M.: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke. (In Russ.)
13. Veber, M. (2020). *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. M.: AST. (In Russ.)
14. Welzel, C. (2013). *Freedom rising*. Cambridge University Press.

The page features a minimalist design with two large, solid yellow geometric shapes. One shape is at the top, pointing downwards, and the other is at the bottom, pointing upwards. They meet at a central white area where the text is located.

Научная этика

Диалог или господство? Размышление об этике полевых исследований

Евгения Львовна Панова — кандидат философских наук, выпускница программы профессиональной переподготовки «Политическая философия» 2023/2024 Московской высшей школы социальных и экономических наук. **Адрес:** Москва, Газетный пер., 3. стр. 1. **Электронная почта:** everanova@gmail.com.

Аннотация: В статье предпринята попытка определения и проблематизации этических моделей, применяемых в полевых исследованиях. Модель надлежащей исследовательской культуры является наиболее распространенной из них. К её особенностям относятся основополагающие представления об автономном рациональном субъекте и универсализме морали, которые ведут к следованию строгим абстрактным правилам и предписаниям, имеющим консеквенциональный характер; связанная с этим установка на нейтральность, объективацию и отстраненность исследователя по отношению к респонденту; жесткий институциональный контроль, влияющий на финансирование исследований; тенденция к сужению поля свободы для исследователя.

Этическая модель диалога выстраивается на противопоставлении доминирующей модели. Наиболее характерные черты диалоговой модели включают в себя взаимовлияние этических и методологических аспектов исследования; необходимость их открытого обсуждения профессиональным сообществом для контроля и адаптации к постоянно изменяющимся условиям социальной реальности; отсутствие предварительно сформулированных этических нормативов и стандартов, применимых к конкретным ситуациям; принцип доминирования гетерономии над автономией; установка на коммуникативную подчиненность интервьюера респонденту.

В работе делается вывод о том, что обе модели выражают принципиально разные познавательные стратегии. Модель исследовательской культуры монологична и одномерна, она относится к человеку в модусе господства; диалоговая модель стремится утвердить разнообразие способов мышления, что способствует социальному признанию уникальности индивидов и групп. Для сохранения и приумножения эвристического потенциала полевых исследований необходима рефлексия профессионального сообщества над этическими и методологическими основаниями исследовательской деятельности.

Ключевые слова: этика, полевые исследования, информированное согласие, модель, диалог, надлежащая исследовательская культура, исследователь, респондент, Э. Левинас

Для цитирования: Панова, Е. Л. Диалог или господство? Размышление об этике полевых исследований // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 71–99.

В качестве предыстории и введения

В прошлом учебном году на программе по политической философии не было обязательных курсов, и слушатели имели возможность свободно выбирать те предметы, которые они хотели бы изучать. Для меня, как, думаю, и для всех остальных моих одноклассников, этот выбор не был простым, однако с предметом «Методология полевых исследований» я определились практически сразу. Рассказ Дмитрия Михайловича Рогозина во время презентации своей учебной программы сводился к двум тезисам: курс направлен на развитие навыков работы в поле, поэтому политическим философам, склонным к теоретизации, а не к работе в живой и непредсказуемой коммуникации, записываться на этот предмет не стоит. Другое дело социологи — для них этот курс был бы профессионально полезен и, как мне показалось, Дмитрий Михайлович был нацелен работать именно с ними. Такая антиреклама заинтересовала меня, и я стала единственной из моих одноклассников, кто записался на курс по методологии полевых исследований.

Изучать совершенно неизвестный предмет в окружении социологов, представителей иной профессиональной среды, было очень интересно. Кроме того, Дмитрий Михайлович оказался прекрасным преподавателем: логичная и точная по времени структура занятия удивительно сочеталась с живой и вовлеченной манерой преподавания, полностью погружающей слушателя в занятие и не дающей ему отвлекаться ни на минуту. Как я буду использовать знания и возможные навыки в области полевой социологии, мне представлялось весьма смутно, но необыкновенная методика преподавания Дмитрия Михайловича — это было то, чему мне хотелось у него научиться, учитывая, что к тому моменту у меня за спиной было почти десять лет преподавания истории медицины и биоэтики в медицинском вузе, а также активной работы со студентами над научными проектами.

Дмитрий Михайлович стремился максимально вовлечь нас в работу на занятиях, как организовывая небольшие групповые взаимодействия, так и предлагая нам выступать с докладами. На свой страх и риск я решила подготовить выступление, однако, наводку на возможную тему Дмитрий Михайлович дать отказался. Оставался единственный выход — найти в рекомендованной к курсу литературе какой-то интересный вопрос и представить его на занятии. Но что я, не будучи социологом, могла рассказать социологам на социологической дисциплине? Ответ был найден довольно быстро: в американском учебнике Кэрл Бэйли «Руководство по качественным полевым исследованиям» автор значительное внимание уделяет вопросу этического регулирования полевых исследований. Эта тема замечательно подходила для доклада. С вопросами исследовательской и медицинской этики я была знакома не только из-за опыта преподавания

биоэтики. Несколько лет назад мы с группой студентов-медиков и коллегами с психологического факультета МГУ проводили совместное исследование, для которого потребовалось получить одобрение этического комитета Сеченовского университета. Тогда для подготовки проекта исследования мне пришлось погрузиться в правовые и этические тонкости организации исследований с участием людей в нашей стране.

Первым методологическим требованием к полевому исследованию, по мнению Бэйли, является его этичность. Этическая проблематика пронизывает каждый аспект проведения полевых исследований, от выбора темы до публикации результатов. Мне показалось новым и очень полезным то, как она классифицирует типы возможного вреда, который может быть нанесен исследователем. Оказалось, что его действия могут способствовать причинению вреда не только информанту, но и обстановке, в котором оно проводится, самому исследователю, представляемой им дисциплине, а также отношениям, сложившимся в изучаемом сообществе [Bailey, 2017].

В связи с этим встает вопрос информированного согласия. Согласно Бэйли, участники должны быть проинформированы об исследовании, включая риски, связанные с участием в нём, и в обязательном порядке должны дать своё согласие прежде, чем они будут включены в исследование. Форма информированного согласия регулируется руководящими принципами того или иного сообщества, страны, региона. Бэйли пишет: «Информированное согласие требует, чтобы вы обсудили исследование с потенциальными участниками, и чтобы они подписали подробный документ об информированном согласии, прежде чем участников можно будет включить в исследование» [Ibid]. Это значит, что Бэйли требует от исследователя проведения письменной формы информированного согласия.

Однако осталось непонятным, каким образом западные полевые исследователи, о которых пишет автор, берут такое информированное согласие. Например, исследовательница Рассел в течение нескольких лет изучала бездомных женщин, в том числе проводя с ними четыре месяца в специализированном приюте. Или для того, чтобы изучать жизнь наркозависимых, один исследователь вынужден был оказаться в наркопритоне. Бэйли перечисляет также ряд полевых исследований, которые проводились в преступных группировках. Сложно представить себе, каким образом бездомные женщины, наркоманы и члены бандитских группировок проходили полную процедуру информированного согласия.

Самая интересная часть подготовки доклада началась, когда я приступила к поиску информации о том, как вопрос информированного согласия в полевых исследованиях решается в России. В интернете быстро обнаружилась статья Дмитрия Михайловича под названием «Этнографическое интервью». Статья показалась мне необычной,

если не странной. Автор почему-то представил этнографическое интервью как научную пьесу, которая, с одной стороны, заявлялась как театрализованная «обработка» реальной коммуникации, с другой — как пространство для научной дискуссии и образовательной практики [Рогозин, 2018, 27]. Моё внимание сконцентрировалось на том, что Дмитрий Михайлович предложил отличный от Бэйли подход к информированному согласию: информант (тётя Веля) замечает, что интервьюером Надей ведётся аудиозапись уже во время самого разговора. Предполагается, что их знакомство и было «информированным согласием». Согласно автору, этнографическое интервью не должно включать в себя формальные процедуры получения информированного согласия, поскольку они нарушают непосредственный мир обыденной коммуникации, переводя её в официально-деловой стиль, и могут спровоцировать недоверие со стороны респондента. Официальное информированное согласие приравнивалось им к юридической норме, распространившейся в исследовательской практике благодаря «академическим бюрократам», слепо копирующим формализованные практики западных университетов [Там же, 42–43].

Прочитанное ставило в тупик и вызывало резкое чувство несогласия. Я испытывала внутренний протест против, как мне казалось, полного предпочтения этнографического компонента исследования этическому. Мне показалось, что этические стороны взаимодействия интервьюера и респондента в тексте не раскрыты. Автор серьёзно задумывался о сохранении необходимой для доверительного и непосредственного общения атмосферы, но при этом не предлагал альтернативные формализованным стандартам нормы этого общения. Возникло множество вопросов. Можно ли вообще говорить о том, что согласие случилось? Насколько оно было информированным? Каким образом можно препятствовать использованию недобросовестным интервьюером в личных целях информации, полученной в результате такого неформального согласия? Как исследователь и стоящая над ним организация смогут защитить себя, если респондент не будет согласен с опубликованными данными и решит обратиться в суд? Каким образом можно опубликовать результаты исследований, в которых отсутствует официальная форма информированного согласия, в высокорейтинговых журналах, прежде всего, западных? Это означает, что российская качественная социология закрыта для западного академического сообщества? Ну и, наконец, как обучать будущих социологов проведению неформализованное согласия таким образом, чтобы никому в процессе исследования и после него не был нанесен вред?

В конце своего доклада я озвучила все эти вопросы. Сначала ответом было недоуменное молчание аудитории. Лица присутствующих выражали смятение и недовольство. Пытаясь поймать взгляд Дмитрия Михайловича, я сказала:

— Дмитрий Михайлович, у меня же нет ни диплома социолога, ни исследовательского опыта в социологии. Сейчас я просто сяду на место, и Вы нам всё объясните (к слову, надежда на то, что всё это легко объясняется, не покидает меня до сих пор).

Молчание.

Помню ещё обмен несколькими репликами с участниками семинара:

— Американцы просто формалисты, у них такой менталитет. Им обязательно нужна официальная бумага, подтверждение, этим они отличаются от нас.

— Люди везде одинаковые. Американцы такие же, как и мы: среди них есть и те, кто вполне искренен в профессии, а есть те, кто просто подстраивается под систему. В книге Бэйли рассказывается про полевого исследователя, который семь лет провел в преступной группировке, чтобы собрать материалы для PhD, и отказался от выхода на защиту, так как в этом случае ему пришлось бы деанонимизировать некоторых членов банды.

И ещё:

— Я знаю про себя, что я этичный исследователь. Для меня соблюдение норм общения с респондентом очень важно, я не нанесу ему вред, по крайней мере, сознательно. Зачем таким, как я, нужно слепое следование этим избыточным правилам?

— Вас лично знают, возможно, несколько десятков других исследователей. Почему полученным Вами данным должны доверять люди, которые не знают Вас? Например, читатели журнала, в котором Вы опубликуете результаты своего исследования.

В конце семинара Дмитрий Михайлович сказал, что сдерживал себя во время моего доклада, что ему было что мне возразить. Но что именно он хотел сказать, я не знаю до сих пор.

Вскоре Дмитрий Михайлович предложил мне стать редактором новой рубрики, посвященной этике, в его журнале «Пути России». Вступительную статью я решила посвятить вопросу о том, какие подходы к информированному согласию существуют в полевых исследованиях. После непродолжительного изучения литературы оказалось, что этот вопрос является частью гораздо более широкой проблемы выбора этических, методологических и философских подходов к научным исследованиям с участием людей, которая на протяжении длительного времени является предметом ожесточенных дискуссий, особенно на Западе. Таким образом, целью моей работы стало выявление теоретических подходов к регулированию и проведению исследований с участием людей, применяемых в практике полевых исследований.

Один из наиболее распространенных и обсуждаемых способов этического регулирования, который теоретики обозначают как «надлежащую исследовательскую культуру» (good research culture) или «исследовательскую добросовестность» (research integrity), подразумевает

следование универсальным моральным нормам и строгий внешний контроль над исследованиями и публикацией их результатов в специализированных изданиях. Жесткая этическая регламентация и другие присущие доминирующей модели особенности встречают серьезное сопротивление со стороны социологов, антропологов и особенно этнографов. Столкновение этических требований надлежащей исследовательской культуры с действительностью качественных исследований способствует возникновению точек напряжения, критика которых позволяет этим специалистам предлагать иные подходы к регулированию и проведению исследований. Я подробно остановлюсь на одном из подходов, который я обозначила как диалоговую модель коммуникации между исследователем и респондентом и которая принципиально отличается от главенствующей этической и институциональной парадигмы. В заключении я попытаюсь охарактеризовать обе модели с точки зрения того, как используется производимое ими знание, сопоставив их с идеями немецкого философа и социолога Герберта Маркузе. Надеюсь, эта статья будет началом обсуждения на страницах журнала методологических и этических аспектов исследований в качественной социологии.

Модель надлежащей исследовательской культуры

Центральной категорией в этой этической модели является понятие добросовестности, определяемое как обязательство жить в соответствии с определённым набором правил или принципов, регулирующих чье-либо поведение [Kolstoe, Pugh, 2023, p. 4]. С этой точки зрения добросовестность исследователя понимается как выстраивание им действий и поведения в соответствии с правилами и предписаниями, регулирующими его сферу науки [Muthanna, Chaaban, Qadhi, 2024, p. 1], а исследовательская этика — как набор этих правил и предписаний. Притом, что исследовательская добросовестность — это эпистемологическая добродетель [Scherkoske, 2012], необходимым качеством добродетельного исследователя является стремление к тому, чтобы результаты его исследований приводили к получению социально ценных знаний, которые можно было бы применить в социальной практике [Kolstoe, Pugh, 2023, p. 5]. К числу других желательных качеств такого исследователя относятся подотчетность, надежность, честность, открытость, точность, последовательность [Kolstoe, Pugh 2023, p. 5; ALLEA 2017¹].

¹ Европейский кодекс поведения в области добросовестности научных исследований (The European Code of Conduct for Research Integrity) ALLEA 2017 [Электронный ресурс] <https://doi.org/10.1037/e648332011-002>. [Дата обращения] 28.10.2024.

Согласно теоретикам, модель надлежащей исследовательской культуры включает в себя три основных составляющих: (1) исследовательская добросовестность, (2) этика исследований, (3) управление научными исследованиями. Каждый из элементов выполняет строго определённые функции: учёные ответственны за добросовестное проведение исследований в соответствии с этической регламентацией, которая осуществляется специальными общественными органами — локальными комитетами по этике. Управление научными исследованиями входит в круг обязанностей экспертов по их поддержке, «обладающих навыками и опытом для обеспечения технического соответствия» [Kolstoe, Pugh, 2023]. Управленческие решения в значительной мере зависят от государства, которое, во-первых, определяет правовые нормы и политику в сфере науки², во-вторых, наряду с влиятельными финансовыми группами выделяет финансирование на научные исследования. Этические комитеты при университетах и исследовательских центрах, включающие в себя не только учёных, но и представителей широких общественных кругов — университетских чиновников, специалистов по этике, юристов, священников и т.д., которые «тщательно проверяют все исследования с участием людей от имени государства и общественности» [Hoecht, 2011, p. 254]. Причём, эта проверка касается не только соответствия этических аспектов исследований установленным предписаниям, но и всего дизайна исследования. Разработаны базовые категории форм нарушений со стороны учёных, включающие нарушения в исследованиях на людях или животных, обман, нарушения конфиденциальности, неэтичную экспертную оценку, плохое ведение документации, ненадлежащее управление конфликтом интересов и т.д. В двадцати двух из сорока крупнейших стран, финансирующих научные разработки, таких как США, Великобритания, Япония, Германия, Южная Корея, Нидерланды, Канада, Австралия и др., действует национальная политика в области ненадлежащего поведения учёных [Resnik, Rasmussen, Kissling 2015, p. 249, 253]. Такая организация науки, предполагающая взаимодействие между государством, учёными, спонсорами, бизнесом, академическим сообществом, когда каждая из сторон несёт определённую юридическую и моральную ответственность, формирует, согласно теоретикам, институциональную основу надлежащей исследовательской культуры, способствующей росту эффективности научных исследований и препятствующей растрате научных ресурсов [Kolstoe, Pugh, 2023, p. 15].

При всей, на первый взгляд, несхожести организационных особенностей западной и российской науки, с некоторыми оговорками

² Примером российской государственной политики в сфере науки могут служить утвержденные президентом приоритетные направления развития науки и технологий: [Электронный ресурс] <https://strategy.hse.ru/news/34858398.html> [Дата обращения] 28.10.2024.

эта модель может быть применена и к российским реалиям в первую очередь из-за появления в последнее десятилетие в наиболее влиятельных университетах локальных комитетов по этике, регламентирующих исследования с участием людей. Хотя значительная часть российских социологов и антропологов не связаны с этими университетами и, следовательно, не обязаны подчиняться их этической регламентации, возможность публикации результатов исследования в престижных журналах без одобрения проекта исследования этическим комитетом чрезвычайно ограничена.

Модель надлежащего исследования распространялась в западных странах на протяжении последних пяти десятилетий. До последней четверти XX в. идеалам науки соответствовали четыре описанных Робертом Мертонем принципа: универсализм, общность (communalism), бескорыстие, организованный скептицизм³. Предполагалось, что в виде профессиональной этики эти ценности усваивались учёными в процессе социализации, поэтому не нуждались в институциональном надзоре. Хотя Мертон отмечал амбивалентность ценностей науки, которая иногда приводит к нарушению норм научного поведения учёных [Merton 1976, p. 437], истории о сомнительных исследовательских практиках тогда редко привлекали внимание общественности и государства [Montgomery, Oliver, 2009, p. 141].

Это положение начало меняться, когда в начале 1970-х широкую известность получили проблематичные с этической точки зрения исследования, такие как исследование сифилиса в Таскиги, эксперименты Милграма о групповом конформизме и другие, участникам которых был нанесен весомый вред. Вскоре после этого вскрылись факты о мошенничестве в исследованиях, финансируемых американским правительством [Ibid]. Ответом на постоянно увеличивавшееся общественное беспокойство, вызванное сообщениями о неправомерных действиях учёных, стало принятие Сенатом США в 1974 году закона о национальных исследованиях (National Research Act) и создание Комиссии по защите людей, участвующих в биомедицинских и

³ По Мертону, универсализм находит непосредственное выражение в каноне, согласно которому утверждения об истинности, независимо от их источника, должны соответствовать наблюдениям и ранее подтвержденным знаниям. Общность подразумевает, что научные открытия являются результатом социального сотрудничества, не принадлежат ни одному учёному и закрепляются за сообществом, а бескорыстие — что учёный стремится к истине независимо от своих личных интересов. Поиск истины осуществляется не за счёт выдающихся моральных качеств учёных, а за счёт особого коллективного характера производства научных знаний: проверка результатов научных исследований подвергается тщательному контролю со стороны коллег-экспертов. С этим связан организованный скептицизм, предполагающий, что результаты научных исследований подлежат независимой объективной проверке сообществом учёных [Merton, 1973].

поведенческих исследованиях. Через пять лет комиссия выпустила Бельмонтский доклад, в котором был представлен обновлённый набор руководящих принципов для защиты людей в качестве субъектов исследований⁴.

Ориентация на регулирование биомедицинских исследований — важная особенность Бельмонтского доклада, проявляющаяся в каждом из его разделов. Доклад стал главным источником этических норм для официальных руководств множества различных национальных исследовательских советов и институтов. В его основу положены принципы уважения к личности (автономии), благодеяния и справедливости. Правило уважения к личности включает в себя два этических убеждения: что к индивидам нужно относиться как к автономным субъектам и что лица с ограниченной автономностью имеют право на защиту. Автономная личность определяется как индивид, способный обдумывать личные цели и действовать под руководством такого обдумывания. Принцип благодеяния подразумевает, что отношение к участникам исследований должно включать в себя их защиту от причинения вреда и обеспечение их благополучия. Обязательство делать благо касается как конкретных научных исследований, так и науки в целом. Принцип справедливости затрагивает вопрос того, как приобретенное наукой благо распределяется в обществе⁵.

Правило информированного согласия требует, чтобы испытуемым в той мере, в какой они способны, была предоставлена возможность выбора того, что с ними произойдёт во время исследования. Участнику должна быть предоставлена достаточная информация об исследовании, что, как правило, включает в себя описание его процедуры, целей, рисков и ожидаемой пользы и пр. При этом исследователь должен убедиться, что участник адекватно воспринял и полностью понял эту информацию⁶.

Доклад содержал предписание университетам, получавшим федеральные средства на исследования, создавать местные институци-

⁴ В комиссию из 11 человек вошли пять профессоров и крупных управленцев в области медицины, психологии и биологии и шесть специалистов в области права, христианской этики и биоэтики. Состав комиссии см.: [Электронный ресурс] <https://www.hhs.gov/ohrp/regulations-and-policy/belmont-report/read-the-belmont-report/index.html> [Дата обращения] 29.10.2024.

⁵ Бельмонтский доклад, часть В. Базовые этические принципы. [Электронный ресурс] <https://www.hhs.gov/ohrp/regulations-and-policy/belmont-report/read-the-belmont-report/index.html> [Дата обращения] 29.10.2024.

⁶ Бельмонтский доклад, часть С. Приложения. [Электронный ресурс] <https://www.hhs.gov/ohrp/regulations-and-policy/belmont-report/read-the-belmont-report/index.html> [Дата обращения] 29.10.2024.

ональные наблюдательные советы по этике для надзора над организацией и проведением исследований с участием людей при условии, что отчёты этических комитетов будут подвергаться проверке выделявшими финансирование федеральными агентствами. Учёным и университетам, желавшим сохранить свои источники финансирования, пришлось подчиниться новым требованиям.

Начиная с 1990-х гг. модель надлежащей исследовательской культуры окончательно оформилась и начала имплементироваться в исследовательскую практику. Принудительное финансовое давление на организации и институты, проводившие научные исследования, стало сочетаться с нормативным. Набор предписываемых исследователям требований расширился по сравнению с четырьмя негласными принципами Мертон и правилами, распространенными в предыдущие десятилетия, запрещавшими фабрикацию, фальсификацию или плагиат [FFP]⁷: он стал включать в себя интеллектуальную честность в проведении и представлении исследований, честность в рецензировании, коллегиальность в научных взаимодействиях, включающую общение и обмен ресурсами, прозрачность в конфликте интересов и т.д.⁸ Университеты, получающие федеральные гранты, стали обязаны включать обучающие программы по подготовке «добросовестных исследователей» в качестве необходимого условия расходования средств этих грантов [Montgomery, Oliver, 2009, p. 147–149].

Таким образом, модель надлежащей исследовательской культуры представляет собой институализированный способ управления наукой через этику путем применения универсальных этических принципов ко всем сферам науки, где проводятся исследования с участием людей. Внешние по отношению к академическому сообществу институциональные агенты, осуществляя надзор за соблюдением научной этики, значительно снизили автономию университетов и исследовательских групп: этический контроль может производиться на всех этапах исследования, начиная с разработки проекта и заканчивая публикацией результатов исследования⁹. Все эти изменения в системе

⁷ Политика служб общественного здравоохранения в отношении неправомерных действий при проведении исследований. Предложенные изменения. [Электронный ресурс] <https://www.federalregister.gov/documents/2004/04/16/04-8647/public-health-service-policies-on-research-misconduct> [Дата обращения] 30.10.2024.

⁸ Добросовестность в научных исследованиях: создание среды, способствующей ответственному поведению (2002). Глава 2. Добросовестность в научных исследованиях. С. 33–34. [Электронный ресурс] <https://nap.nationalacademies.org/read/10430/chapter/4> [Дата обращения] 30.10.2024.

⁹ Например, в Великобритании Совет по исследованиям в области экономических и социальных наук (Economic and Social Research Council) требует, чтобы большинство, если

управления научными исследованиями были вызваны ощущением кризиса общественного доверия по отношению к науке и к способности государства гарантировать, что она оправдывает выделяемые на неё средства [Montgomery, Oliver, 2009, p. 145, 152].

Такое положение дел встретило активную критику со стороны социологов, антропологов и этнографов. Их аргументы против официально признанной системы регламентации научных исследований выражают иные представления об основаниях и целях научных исследований.

Критика модели надлежащей исследовательской культуры

В первую очередь критики отмечают постоянный рост этического регулирования, «расползание этики», выходящее за пределы кодексов профессиональных организаций, связывая это, прежде всего, с распространением этических требований и способов регламентации из сферы здравоохранения на всю область научных исследований [Hammersley, Traianoub, 2011; Pollock, 2012; Vermeulen, Clark, 2016; Reed, 2007; Atkinson, 2009]. Отмечается, что это оказывает негативное влияние на качественные исследования, так как биомедицинская модель часто противоречит их характеру [Librett, Perrone, 2010, p. 729]. Критики задаются вопросом, зачем навязывать строгую этическую регуляцию в области социальных и гуманитарных наук, где возможности причинения вреда гораздо более ограничены по сравнению с клиническими исследованиями [Hoecht, 2011, p. 254]. Более того, разрастание спектра методологических парадигм в качественных исследованиях приводит к ещё более жесткому регулированию. Британская исследовательница Кейт Рид констатирует, что строгие требования национальных руководств по этике исследований не оставили социологам возможностей спрятаться от натиска обширных процедур этического управления, включающих в себя требование не только представить проект исследования в комитет по этике до его начала, но и условие постоянного контроля комитета над всем

не все исследовательские проекты прошли процедуру проверки перед тем, как получить финансирование [Hammersley, Traianoub, 2011, p. 379]. См.: [Электронный ресурс] <https://www.ukri.org/councils/esrc/guidance-for-applicants/research-ethics-guidance/framework-for-research-ethics/relevant-ethics-terms-and-conditions/#contents-list> [Дата обращения] 30.10.2024.

процессом исследования¹⁰ [Reed, 2010]. В этом же ключе распространено мнение о том, что ещё большее усиление этических ограничений в американских университетах способно привести к прекращению проведения полевых исследований «в том виде, в каком мы их знаем» [Becker, 2004, p. 415].

Учёные в России и за рубежом спорят с необходимостью соответствия полевых исследований строгому процедурному подходу, который отражен в опирающихся на Бельмонтский доклад современных регламентирующих документах. Проблема заключается в том, что сложная и изменчивая природа условий реального, не лабораторного мира выходит за пределы простых решений и шаблонных фраз и приводит иногда к непредвиденным этическим коллизиям [Pollock, 2012]. Наибольшие возражения у полевых исследователей вызывает необходимость следования правилу информированного согласия. Отраженная в нём контрактная модель отношений препятствует включенности в жизненный мир собеседника, налаживанию с ним эмпатического диалога, что способно разрушить этнографичность [Рогозин, 2018, p. 42–43]. Характер взаимодействия между исследователем и респондентами в полевых исследованиях требует не только информирования, но и поддержания высокого уровня доверия [Рогозин, 2018, с. 43; Atkinson, 2009, p. 18; Metro, 2014, p. 173], поэтому устанавливаемое исследователем согласие хоть и отличается по форме от официального, но является гораздо более информированным, чем указано в документе, описывающем рутинное рандомизированное клиническое исследование, и достигается естественным образом. «Формула проста: нет доверия — нет доступа; нет доверия — нет согласия; нет доверия — нет данных» [Bosk, 2004, p. 418].

Процедурная логика информированного согласия в качественных исследованиях иногда делает невыполнимым соблюдение его базовых предписаний, таких как правило анонимности и конфиденциальности, а также возможности отказа от участия в исследова-

¹⁰С другой стороны, контроль этических комитетов за проведением исследований проблематичен и зачастую не реализуем. Невозможность проверить соответствие предоставляемых исследователями в этический комитет данных реальности, приводит к тому, что ответственность комитетов и стоящих над ними организаций (университетов и научно-исследовательских институтов) ограничивается уровнем работы с документацией. Защитившись бюрократическими процедурами от возможных претензий со стороны испытуемых, заказчиков, государства, средств массовой информации и т.д., этические комитеты перекладывают всю действительную ответственность за проведение исследований на учёных. При этом фактически такая этическая регуляция не является препятствием для недобросовестных исследователей, особенно учитывая анонимный характер проверяемых комитетами данных.

нии. Одним из примеров этого может служить ситуация, описанная Анной Стрельниковой. Исследовательский коллектив заказал региональному подрядчику проведение серии интервью, включив при этом бланк информированного согласия в перечень необходимых для заполнения документов. Однако, как пишет Стрельникова, у некоторых интервьюеров возникло непонимание требования анонимности, прописанного в согласии, ведь, зачитывая его информанту, они уже имели перед собой лист с его именем, фамилией и контактными данными. В результате эти интервьюеры формально зачитывали текст согласия, не восприняв при этом лежащую в ее основе норму, а заказчики были вынуждены отказаться от использования данных, полученных от информантов, которые, подписав согласие, не до конца понимали, каким образом будут использоваться исследовательские материалы [Стрельникова, 2018, с. 24]. Эта ситуация показывает не только затруднения в сохранении полной анонимности в качественных исследованиях, но особенность восприятия российскими социологами профессиональной этики, которое ограничивается набором предписаний и обязательств со стороны внешних агентов, прежде всего, заказчиков, во многом определяющих представления исследователей о «правильном», «возвышенном» и «научном» [Рогозин, 2016, с. 139].

Аргументы, обосновывающие проблематичность сохранения анонимности и конфиденциальности, подчеркивают специфику исследовательской деятельности этнографа, которая заключается в наблюдении за людьми в естественных условиях и взаимодействии с ними. При этом отмечается, что достижение истинной анонимности практически невозможно, а конфиденциальность может быть сохранена только благодаря добросовестности исследователя, выработанной им самим как система внутренних регуляторов, а не установленной извне [Librett, Perrone, 2010, p. 730].

Аткинсон указывает на то, что в отличие от закрепленной в большинстве кодексов локальных этических комитетов, идея участия в исследовании и отказа от него в полевых исследованиях имеет совсем иное преломление. Право отказаться от участия в стандартном биомедицинском исследовании основывается на предположении, что человек на индивидуальной основе принимает решение включиться в исследование или выйти из него, а также что состав участников однороден и каждый из них, в принципе, эквивалентен любому другому. Реальность полевых исследований предполагает совершенно иную форму лежащего в их основе общественного договора. Обычно этнографы и антропологи имеют дело не с индивидуальными, а с социальными субъектами, сообществами или представителями уникальной социокультурной среды. Если человек, воспринимаемый как часть изучаемого коллектива, откажется от участия в этнографическом проекте, это может поставить под

угрозу участие остальных желающих и даже самих исследователей [Atkinson, 2009, p. 18–19].

Зачастую культурные и языковые различия делают невозможным выполнение требования об адекватном понимании участником содержания информированного согласия. Антрополог Розали Метро столкнулась с затруднениями этого рода, проводя полевое исследование среди бирманских беженцев в Таиланде. Первой и очевидной проблемой стал перевод текста информированного согласия на бирманский язык. Трудность заключалась не только в технической сложности перевода, но в существенных расхождениях эпистемологического характера в значениях ключевых терминов бирманского и английских языков. Например, присущее англосаксонской правовой системе понятие «право на конфиденциальность», которое придает позитивное значение индивидуальности и неприкосновенности частной жизни, в бирманской культуре имеет негативный оттенок коварства. Или некоторые выражения не учитывали возможности появления у респондентов новых коннотаций и смыслов при интерпретации стандартных выражений информированного согласия. Например, фраза «Я не ожидаю для вас никаких рисков от участия в этом исследовании, кроме тех, с которыми вы сталкиваетесь в повседневной жизни» значила для бирманского беженца совсем не то, что для среднего американца или европейца. Для многих из участников исследования ежедневные риски включали хроническое недоедание, вымогательство или злоупотребления со стороны коррумпированной тайской полиции или работодателей, а для тех, у кого не было паспортов или виз, депортацию обратно в Бирму. Кроме того, значительные трудности для респондентов, воспитанных в страхе перед государственным преследованием, вызвала необходимость поставить свою подпись на бланке согласия [Metro, 2014, p. 176].

Обычно опасения полевых исследователей сводятся к активно обсуждаемой проблеме культурного империализма, когда западные этические нормы и процедуры представляются как «золотой стандарт» для широкого спектра научных дисциплин и навязываются исследователям и испытуемым, которые не разделяют ценностную и мировоззренческую рамку философской традиции Просвещения. Свойственная этой традиции универсализация морали необходимо связана представлением о рациональном автономном субъекте. Согласно Канту, в природе морали принципы универсальности и автономии взаимно определяют друг друга: «принцип действия может быть признан универсальным только в том случае, если он дан через разумную волю морального субъекта» [Артемьева, 2018, с. 86]. Модель надлежащей исследовательской культуры строится на соответствующих этому представлению этических теориях консеквенциализма и деонтологии. Консеквенци-

ализм выражается содержательно через принципы, содержащиеся в Бельмонтском докладе¹¹ в требовании обеспечить наименьший вред и наибольшее благо для наибольшего числа людей; с другой стороны, это требование реализуется деонтологически самими исследователями и комитетами по этике научных исследований [Vermeylen, Clark, 2016, p. 5].

Хаммерсли и Траяноуб пишут о том, что консеквенциалистская логика приводит к морализации науки и трансформирует её в совершенно иной вид деятельности: вместо того, чтобы познавать мир, наука начинает его изменять. Познание как цель науки начинает заменяться политическими или практическими целями: стимулирование ли социальных реформ или приближение политической революции — любая внеположенная самой науке задача рассматривается как изначально присущая ей [Hammersley, Traianoub, 2011, p. 380]. Такое представление противоположно традиционному взгляду, согласно которому единственной целью науки должно быть получение знаний, полезность которых может быть оценена только впоследствии, а отношение исследователя к ценностям практического характера является нейтральным. Наука становится инструментом целенаправленных социальных трансформаций: одним из способов подчинения науки бюрократической, технической или коммерческой деятельности выступает требование полной прозрачности исследований, когда все их этапы официально подотчётны внешним органам, а учёные вынуждены постоянно демонстрировать высокую эффективность своей работы. Учёные вынуждены теперь решать задачу снижения риска причинения вреда участникам при проведении исследований, которая действительно важна, но она, по сути, является экстранаучной для исследователя [Ibid, p. 381–383].

Основываясь на этих аргументах, Хаммерсли и Траяноуб предлагают противопоставить морализму научного знания макиавеллизм как альтернативный нормативный подход. Они обращают внимание на два утверждения Макиавелли: мир несовершенен, поэтому в поли-

¹¹ Мне кажется важным заметить, что идеи о непричинении вреда, благодеяния и справедливости впервые возникли в гиппократовской медицине в результате критической рефлексии над процессом лечения и обеспечения равного доступа к нему. Эти идеи выражали уникальную особенность медицинской деятельности, заключающуюся в помощи заболевшему человеку. Следование этим принципам не выходило за пределы медицинского сообщества и не касалось никаких других видов деятельности, в том числе познавательной, в отличие от современной научной парадигмы. Разделение врачом ценностей, отраженных в гиппократовской этике, были знаком его принадлежности к врачебному сообществу, способом выражения его профессиональной идентичности.

тике для достижения благих целей иногда приходится использовать средства, которые считаются плохими, например, прибегать к войне; политика должна быть направлена на достижение узкоспециализированных целей, а не на создание наилучшего из возможных миров. Применительно к полевым исследованиям это означает, что социолог может нарушить некоторые моральные предписания, если они препятствуют выполнению профессиональной задачи. Для получения данных может возникнуть необходимость активного и пассивного обмана; проявления терпимости к девиантному, вплоть до незаконного, поведению респондентов; задавания вопросов, которые могут быть оценены как сексистские или расистские и т.д. Вопрос о том, следовать или нет универсальным моральным предписаниям, является важным аспектом автономии исследователя и должен решаться им в каждом отдельном случае. Только сам учёный или исследовательский коллектив, а не финансирующие органы, комитеты по этике, государство или кто-то иной, должны определять, что допустимо, а что нет в исследовании [Ibid, p. 384–385].

Таким образом, возражения против этики надлежащего исследования можно свести к двум основным тезисам: свойственная этой модели универсальная мораль, в основе которой лежит западнцентричное представление о человеке, носит тотализирующий и редукционистский характер, исключая широкое культурное разнообразие норм и традиций общения, что делает весьма затруднительным применение конвенциональных норм и правил в практике полевых исследований. Нацеленность науки на производство социально полезного знания трансформирует её назначение: поиск истины перестаёт быть её единственной целью, и наука открыто используется в качестве средства создания общественных благ. Экспансия этики в науку провоцирует попытки исследователей отстоять независимость своей области науки путем разработки этических подходов, адаптированных для качественных исследований. В качестве теоретической основы одного из таких решений предлагается концепция Макиавелли, оставляющая за исследователем право выбора способа действия в каждом конкретном случае, включая сознательное нарушение этики, если это будет считаться необходимым для проведения исследования.

Однако опора на макиавеллизм — не единственная предлагаемая социологами альтернативная этическая рамка. Гораздо чаще на страницах профессиональных изданий можно встретить диалоговый подход, противопоставляющий себя монологизму надлежащей исследовательской культуры.

Этическая модель диалога

Диалоговая модель возникла одновременно с усиливавшейся в течение последних сорока лет фрагментацией качественных исследований на множество разнообразных парадигм и во многом стала реакцией на вызванное этой фрагментацией усиление этического контроля. К одной из наиболее важных её характерных черт можно отнести особое внимание к взаимосвязи этики и методологии. С этой точки зрения «исследовательская этика — это прежде всего открытость всех методологических предпосылок и методических деталей проведенного исследования; готовность подвергать критическому анализу и разбору особенности исследовательской практики; исправлять и корректировать полученные результаты исходя из вновь открывшихся обстоятельств и дополнительных аргументов; предоставлять заинтересованным лицам возможность ответственного формирования решений, основанных на результатах исследований» [Рогозин, 2016, с. 139]. Трансляция универсальных моральных предписаний на все области научных исследований с участием людей замещается на непрерывное совершенствование методологии с учётом постоянно изменяющихся условий полевой исследовательской практики. Этика не надстраивается над методологией, выступая как отдельный этаж исследовательской деятельности, напротив, они не разделены, слиты друг другом, и при этом не определены окончательно, а всегда находятся в процессе становления. Этика, как и методология, — это не свод окончательно определённых правил, стандартов, предписаний и инструкций, а открытый, незавершённый процесс обмена опытом, анализа и обсуждения предпосылок и результатов исследовательской деятельности на основе договорённости о базовых этических принципах, совершаемый внутри академического сообщества.

В качестве примера внутрипрофессионального этического руководства для социологов Д. М. Рогозин приводит Кодекс профессиональной этики и практики Американской ассоциации исследователей общественного мнения (AAPOR)¹². Вместо апелляции к абстрактным категориям справедливости, честности, добра и правдивости в нём выражено правило методологической транспарентности всех аспектов и этапов исследования и принцип открытости данных [Там же, с. 139–140]. В российской социологической практике примером сбалансированного подхода к разработке гайдлайна с точки зрения объёма стандартизации этической экспертизы, её сочетаемости с методологической открытостью могут служить

¹² Кодекс профессиональной этики и практики (дополнен 30.11.2015), Американская ассоциация исследователей общественного мнения. Социологический журнал. 2016. Том 22. № 2. С. 143–153.

«Рекомендации к подготовке заявки на представление в Этический комитет Санкт-Петербургской ассоциации социологов» [Здравомыслова и др., 2022, с. 14]. Примечательно, что документ не требует обязательного проведения информированного согласия, однако, его отсутствие необходимо обосновать¹³.

Недавние публикации Ольги Бредниковой и Сергея Старцева демонстрируют, каким образом этическая позиция исследователя при работе с чувствительными респондентами и острыми социальными и политическими темами может являться необходимым элементом методологической стратегии исследования, совершенствующейся в его процессе. Анализируя свой опыт применения гуманистической оптики при интервьюировании украинских беженцев, Бредникова подмечает её инструментальные преимущества и недостатки. Слабая сторона гуманистической методологии заключается в том, что она формирует отношения между респондентом и исследователем как отношения жертвы и спасателя, однако, сопереживание информантам помогает установить личностные и персонализированные отношения, что дает возможность нащупать нетривиальные исследовательские подходы в работе со сложными темами [Бредникова, 2023, с. 47]. Старцев утверждает, что правило следования научной беспристрастности редко реализуется в практике качественных исследований. Выполнение требования непредвзятости исследователя и нейтральности отношений между интервьюером и информантом нереализуемо. Их взгляды на острые социополитические вопросы могут различаться, и точка зрения интервьюера может быть выражена открыто. Используя стратегию честности и не жертвуя собственными мировоззрением и ценностями в разговоре с респондентом, исследователь способен добиться благоприятного течения разговора, более выгодного с коммуникативной точки зрения [Старцев, 2024, с. 66–67, 70].

Основной метод сбора данных для полевого исследователя заключается в умении устанавливать прочные отношения с группой других людей [Bosk 2004, p. 418], где «другие» — ключевое слово, обозначающее принципиальное несовпадение разделяемых исследователем и изучаемым сообществом культурных норм. Поэтому задача социолога заключается в том, чтобы обрести доверие информантов, разделив с ними принятые в сообществе нормы, иногда даже образ жизни. Разработанный Д.М. Рогозиным подход к этнографическому интервью как научной пьесе — это методологическое решение,

¹³ Рекомендации к подготовке заявки на представление в Этический комитет СПАС, с. 2. [Электронный ресурс] <http://sociologists.spb.ru/news/1325-rekomendaczii-k-podgotovke-zayavki-na-predstavlenie-v-eticheskij-komitet-spas?ysclid=m2yn452x09172741142> [Дата обращения] 01.11.2024.

которое, с одной стороны, позволяет показать приемы, с помощью которых интервьюер погружается в незнакомую для него среду, с другой — способ рационализации работы исследователя в полевых условиях через выявление и определение ключевых понятий («этнографическое интервью», «локализация информантов», «коммуникативные навыки») и анализа взаимодействий между социологом и респондентами. Несводимость полевой исследовательской работы к единому жёсткому алгоритму заставляет прибегнуть к специфической на первый взгляд форме научной пьесы, подразумевающей постоянное, как в театре, изменение декораций и ролей интервьюера. Условия деревенской жизни — изба, русская печь и привычные для респондентов культурные ожидания предопределяют и внешний вид интервьюера Нади («светловолосая, в потертых джинсах и вязаном свитере. Ходит в валенках, которые нашла за печкой в доме Василия» [Рогозин, 2018, с. 28]), и особый характер её коммуникации с респондентами (часто реплики Нади сводятся к подтверждающим междометиям «угу, ага»). Исследователь выступает как актёр, цель которого — максимально правдоподобно «вжиться» и в окружающий его антураж, и в отношения людей в новых, незнакомых для него условиях. От участия в обычной театральной постановке работу полевого интервьюера отличает его погруженность в живую коммуникацию, непредсказуемость её течения и развития.

Подобные нестандартные подходы полевые исследователи используют и для взятия информированного согласия. При подготовке докторской диссертации Розали Метро в работе с бирманскими беженцами-учителями пришла к выводу, что по-настоящему информированное, осознанное согласие может случиться лишь в доверительном разговоре, ход которого никогда заранее не предопределён. Это значит, что согласие не может быть предварительно сформулировано, процедурно оформлено и многократно воспроизведено [Metro, pp. 214, 167]. Отказавшись от стандартной формы согласия, она описала два использованных ей способа взятия информированного согласия — коллективный и индивидуальный. В первом случае Розалин попросила хорошо знакомого ей бирманского коллегу, который, с одной стороны, обладал высоким уровнем авторитета перед местным сообществом, а с другой — имел степень доктора наук, защищенную в западном университете, собрать участников, чтобы рассказать им об исследовании. Те из них, кто после этого решил принять участие в исследовании, подтвердили своё согласие не подписанием документа, а своим присутствием на интервью с Розали, которое теперь становилось «информированным». Это также давало возможность сохранения психологического комфорта для тех, кто не захотел участвовать в исследовании — открытый отказ подписывать форму согласия мог бы выглядеть как грубость. В другом случае индивидуальное согласие было получено спонтанно в виде шутки респондента о том, что после

их разговора Розалин придётся провести весь вечер за расшифровыванием интервью [Ibid, pp. 167, 179–180].

Нестандартность методологических приёмов, используемых полевыми исследователями, возникает из-за осознаваемой ими необходимости налаживания живого, непредопределённого общения с респондентом. При этом предполагается, что смысл в коммуникацию не заложен изначально, что он не транслируется от одного автономного субъекта другому, а возникает в процессе диалога с помощью речевых высказываний и определяется ситуацией говорения. «Организирующий центр всякого высказывания, всякого выражения — не внутри, а вовне: в социальной среде», — это «не индивидуальный факт» сознания картезианского субъекта и не результат работы индивидуальной психики, а продукт социального взаимодействия [Волошинов, 1993, р. 102–103]. В этом плане диалог всегда ситуативен и интересубъективен. То, что объединяет людей в коммуникации, не предзадано в их способности самосознания, а возникает в процессе со-общения с помощью языка. Иллюзии единичной самости и чётко определённой групповой принадлежности создаются путём использования текстов и форм речи, с помощью которых мы обращаемся друг к другу; «я» существует только по отношению к конкретному «ты» в определённых контекстах [Metro, 2014, р. 177].

В поисках подходящего для полевых исследований философского и теоретического основания специалисты связывают идею диалога Михаила Бахтина с этикой французского философа Эммануэля Левинаса. В отличие от кантианской концепции морали, основанной на правилах, Левинас утверждает, что этика касается межличностных отношений, а не абстрактных принципов, она изучает вопрос о том, кто мы есть на самом деле, а не кем должны быть [Manderson, 2006, р. 8]. Левинас критикует западную философию за то, что она сосредоточена на автономии и тотализации, то есть отрицании различий, избегает сложности реальности, поэтому, опираясь на неё, невозможно объяснить отношения между людьми. Левинас противопоставляет эту «автономную философию» и её постоянное возвращение к самому себе, свою «гетерономную философию», основанную на отношении к Другому [Vermeulen, Clark, 2016, р. 6].

С точки зрения Левинаса, только в отношении к Другому человек обретает свою индивидуальность и субъективность [Сокулер, 2012, с. 203]. Это отношение построено не на взаимности или реципрокности, оно, напротив, асимметрично: «... мне с самого начала неважно, как Другой относится ко мне, это его дело; для меня же он прежде всего тот, за кого я ответствен» [Левинас, 2001, 321]. Другой самим фактом своего существования вызывает к бесконечной ответственности, потому что полная, окончательная близость с Другим невозможна. Инаковость Другого, его дистанцированность от нас указывают на то, что невозможно закрепить ответственность по от-

ношению к людям с помощью правил, логики или знаний. Близость, по Левинасу, спонтанна, она всегда связана с эмоциями, телом и конкретным переживанием, поэтому исследовательские отношения могут быть этичными только в том случае, если их характеристики не predetermined заранее. С этой точки зрения принцип предварительного информированного согласия не гарантирует свободу воли или автономию участника, скорее наоборот: соглашаясь на исследование, участник теряет свою автономию, так как исследователь руководит его действиями [Vermeylen, Clark, 2016, p. 7].

Следование озвученной Левинасом позиции доминирования гетерономии над автономией требует от полевых исследователей необходимости соответствия сложной этической роли, в которой субъект (исследователь) должен быть подчинён Другому (участнику) [Ibid]. Этнография всегда подразумевает неравноправные отношения, в которых личность исследователя «отмечена» встречами с другими людьми, их разнообразным опытом, формами познания, ценностными ориентациями, политическими позициями и т.д. Опыт общения с респондентами меняет исследователя, влияет на его образ жизни и ценности. В этом случае исследователи меняются не только ради себя и своих интересов, но и для поддержания и развития новых видов коллективной деятельности, раздвигающих межличностные и межкультурные границы. Необходимость пребывания в состоянии открытости Другому может существовать только при условии специально поддерживаемой исследователем уязвимости, она всегда сопряжена с риском потерять ощущение безопасности и комфортного баланса его внутреннего мира [Benson, O'Neill, 2007, p. 31].

Важнейший момент философии Левинаса заключается в том, что отношение к Другому возникает у него до любой возможности познания. «Лицо... является началом интеллигибельности» [Левинас, 2001, 320]. Этика — это не образ действия, это «оптика», способ видеть других и взаимодействовать с ними. Более того, она первична, потому что без неё не было бы объективного знания о чём-либо. Левинас говорит о том, что мы не можем адекватно объяснить наш собственный опыт и существование, не изменив нашего отношения к другим, которое является отношением к тому, что находится вне нас, не сводится к нам [Manderson, 2006, p. 52]. Наша способность познания возникает в ответ на удивление перед невыразимой инаковостью Другого одновременно с пониманием нашего неравенства ему. Прежде чем другие люди могут стать объектами нашего восприятия, мы должны стать им подвержены. Однако теоретическое и научное познание возникает только когда возникает необходимость «ответствовать не только перед лицом другого человека, но и находящимся рядом с ним лицом третьего человека» [Левинас, 2001, с. 320]. В основе теоретического суждения, по Левинасу, возникает забота о справедливости, требующее представления о беспристрастности и объективности [Там же, с. 321], которое

позволит взвешивать точки зрения, чтобы сделать правильный, каждый раз уникальный выбор. Необходимость отстраненности существенно отличается от нейтральности и объективации автономного рационального субъекта, так как эти качества являются конституирующими для его самодостаточности и безучастности, отделённости от других людей. Для Левинаса беспристрастность возникает уже после сформированной доминанты на Другого как условие справедливой договорённости между больше, чем двумя людьми. Также из преустановленности этического отношения к Другому перед познавательным недопустима сознательная установка на возможность неэтичного общения с респондентом, в том числе его обман.

Подытоживая, можно сказать, что модель диалога обладает несколькими особенностями, которые отличает её от доминирующего способа управления наукой с помощью этики. В исследовательских практиках, построенных на диалоге, этика неразрывно связана с методологией и определяется исследовательской целью — раскрыть особенности жизни и отношений изучаемых людей в привычной, естественной для них культурной среде. В связи с этим этические нормы минимизации вреда, информирования респондента, честности исследователя и т. д. не даны отдельно, а встроены в методику исследования, которая реализуется через прозрачность всех этапов исследования, что позволяет самому исследователю и профессиональному сообществу постоянно совершенствовать методические и этические основания исследовательской деятельности. В связи с этим диалоговая этика не представляет собой набор заранее заданных универсальных этических предписаний и стандартов, на основании которых можно было бы осуществлять внешний контроль за деятельностью исследователя.

Диалоговая модель представляет собой познавательную стратегию, отличную от модели субъект-объектных отношений. Диалог как способ коммуникации означает, что исследователь не доминирует над респондентом и не отстраняется от него, доводя до предела своё стремление к объективации и нейтральности, напротив, он в некоторой степени оказывается подчинён информанту, поскольку только таким образом можно приблизиться к пониманию уникальности мировоззрения и образа жизни изучаемых людей, уловить особые интонации их отношений друг с другом.

Заключение

Если сопоставить представленные в статье способы этического регулирования полевых исследований — модель надлежащей исследовательской культуры, макиавеллизм, модель диалога, с идеями Герберта Маркузе в его работе «Одномерный человек», то можно попытаться

определить логику и направленность их генезиса. Маркузе пишет о том, что в основе индустриальной цивилизации лежит западноевропейский проект технологической рациональности, содержащий в себе стремление к господству над природой, её изменению и приспособлению к удовлетворению нужд человека. Однако по мере развития этого проекта и усиления репрессивного отношения к природе, его рациональность меняет свой знак на противоположный, разрушая альтернативы, поработавшая самого человека, делая его всё более зависимым от благ современной цивилизации. Ключевая роль при этом отведена науке, которая, оставшись единственной инстанцией, устанавливающей истину, способствует установлению «универсума, где господство над природой надёжно связано с господством над человеком» [Маркузе, 1994, с. 220]. Я предполагаю, что модель надлежащей исследовательской культуры и макиавеллизм являются вариантами того, что Маркузе называет «одномерным мышлением», ведущим к «торжеству одномерной действительности над всеми противоречиями» [Там же, с. 163] и выступающим по отношению к человеку в модусе господства. Диалоговой модели, напротив, присуще разнообразие способов мышления, поэтому познание в ней понимается не как власть или доминирование, а как возможность социального признания уникальности человека или сообщества.

Доминирующая научная рациональность с её объективацией, нейтральностью, исчисляемостью, операционализмом, формализацией и абстрагированием, превращает теоретический разум в технологию самовоспроизводства общества. Мышление приобретает способность не только познания, но и управления социальной действительностью за счёт универсализации, подведения частных случаев под всеобщее. При этом, согласно Маркузе, такое превращение теоретического разума исключает возможность свободы и автономии [Там же, с. 192, 209]. Разница между макиавеллизмом в науке и этикой надлежащей исследовательской культуры заключается в уровне свободы самого исследователя, который в этой поработавшей по своей сути системе не может долго сохраняться высоким. Этически сомнительные исследования и мошенничества учёных, приведшие к резкому сокращению их автономии, во многом были предопределены ценностно нейтральным характером научной рациональности. Зачем исследователям следовать «возвышенным» правилам и нормам, которые зачастую препятствуют, а не способствуют получению научного результата, если они отсутствуют в научном методе? Проявления свободы разрушительны для системы: соответствие только научному методу в какой-то момент становится сдерживающим фактором её развития, и проведение исследований начинает регулироваться принятым в либеральных обществах нормативным предписанием в духе консеквенциализма.

Этика надлежащей исследовательской культуры возникает тогда, когда к научной рациональности, свободной от идей Добра

и Красоты, Мира и Справедливости, надстраивается отдельный ценностный этаж. Другими словами, эта модель представляет собой второй уровень овладения человеком через науку, когда одномерность научного метода подчиняется принудительной силе этических предписаний, фактически приравненных к законам. Таким образом происходит двойная универсализация, обеспечивающая ещё более масштабное господство. В модели исследовательской добросовестности полностью реализуется утверждение Маркузе о том, что «процесс технологической рациональности — это политический процесс» [Там же, с. 221], поскольку поиск истины перестаёт быть декларируемой целью науки, а на первый план эксплицитно выдвигаются практические задачи переустройства социальной действительности.

Что тогда представляет собой этическая стратегия диалога? Диалог выступает как единственный способ познания, по необходимости связанный с этикой, который способен уловить уникальность опыта индивида и группы. Выстраивая в наблюдение и интервью этический компонент, диалоговый способ коммуникации полностью меняет их направленность от объективации на субъективацию; вместо ориентации на выявление наиболее общих характеристик, он нацелен на поиск особенного и неповторимого, неустойчивого и постоянно меняющегося. Этика потому является неотъемлемой частью диалога как метода, что уникальные, скрытые стороны субъективности человека открываются только через доверие, взаимобмен и преодоление страха уязвимости. Диалог в социологии — это более тонкая настройка научного метода, позволяющая схватить человеческий мир в его многообразии, нащупать взаимообусловленность единичного и общего, индивидуального и коллективного.

Однако модели диалога присуща проблематичность, связанная с вопросом о том, как можно изучать индивидуальное, не имея концептуальной основы, позволяющей мыслить взаимовлияние общего и частного. Универсальность этики надлежащей исследовательской культуры строится на представлении об индивиде как об автономном субъекте, которое является хоть редуцированным, но теоретически осмысленным представлением, собирающим в себе наиболее общие характеристики субъективности. Сильная сторона такого представления заключается в том, что оно может быть одинаково понято всеми социальными акторами, и поэтому является единственной основой опыта интерсубъективности для большинства носителей культурного кода, в рамках которого существует научное познание. Диалог же с Другим не предзадан, взаимопонимание в нём возникает непредсказуемо, поэтому кажется, что он не может строиться на универсальном основании.

В связи с этим к прозвучавшим в самом начале вопросам добавляются вопросы новые. Если добросовестность исследователя должна быть не навязана извне, а вырабатываться им самостоятельно по

мере его профессионализации, то каким образом можно гарантировать эту добросовестность? Если модель диалога включает в себя установку на уязвимость исследователя, его подчинённость респонденту, то как можно гарантировать защиту самого исследователя? И, наконец, главный вопрос: если диалоговая модель выражает альтернативную познавательную стратегию, целью которой не является господство, то какая тогда у неё цель? Для чего должно существовать приобретаемое таким образом знание? Способна ли модель диалога в какой-то степени нивелировать ставшие очевидными негативные последствия и риски от всё увеличивающегося разрастания технологического господства? Представляется, что от ответов на эти вопросы зависит настоящее и будущее полевых исследований.

Литература

1. *Артемуева, О.В.* Универсальность и автономия в этике И. Канта // *Философские науки*. 2018. № 11. С. 86–102. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-86-102.
2. *Бредникова, О.Е.* (Не)новые вопросы в новых условиях (методологические и этические проблемы в исследованиях беженцев из Украины) // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2023. Т. 15. № 2. С. 34–50. DOI: 10.19181/inter.2023.15.2.2 EDN: GIOPZW
3. *Волошинов, В.Н. (М.М. Бахтин).* Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. / Комм. В. Махлина. М.: Лабиринт, 1993.
4. *Здравомыслова, Е.А., Ярская-Смирнова, Е.Р., Омельченко, Е.Л., Штейнберг, И.Е.* Куда идёт качественная методология? Коллективная дискуссия // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2022. Т. 14. № 1. С. 9–32. DOI: 10.19181/inter.2022.14.1.1
5. *Левинас, Э.* Философия, справедливость и любовь // *Путь в философию. Антология*. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 320–330.
6. *Маркузе, Г.* Одномерный человек. М.: «REFL-book», 1994.
7. *Рогозин, Д.М.* Этнографическое интервью: научная пьеса в двух действиях и способ её интерпретации // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2018. Т. 10. № 16. С. 26–49.
8. *Рогозин, Д.М.* Открытость методики как этическая норма // *Социологический журнал*. 2016. Т. 22. № 2. С. 135–142.
9. *Сокулер, З.А.* Пассивнее самой пассивности: субъективность и идентичность в учении Э. Левинаса // *Субъективность и идентичность* / Отв. ред. А.В. Михайловский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 198–212.
10. *Старцев, С.В.* Анализ установок исследователя в процессе изучения сенситивных тем: опыт интервьюирования участников военных конфликтов // *Социологический журнал*. 2024. Т. 30. № 3. С. 61–75. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.3 EDN: HEUFQL
11. *Стрельникова, А.В.* Границы условны? Тезисы об исследовательских практиках и нормах // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2018. Т. 10. № 16. С. 23–25. DOI: 10.19181/inter.2018.16.2

12. *Atkinson, P.* Ethics and ethnography, Twenty-First Century Society // *Journal of the Academy of Social Sciences*. 2009. Vol. 4. No. 1. P. 17–30.
13. *Bailey, C.A.* A guide to qualitative field research. 3rd ed. London: Sage. 2017.
14. *Becker, H.S.* Comment on Kevin D. Haggerty, “Ethics Creep: Governing Social Science Research in the Name of Ethics” // *Qualitative Sociology*. 2004. Vol. 27. No. 4. P. 415–416.
15. *Benson, P., O’neill, K.L.* Facing risk: Levinas, ethnography, and ethics // *Anthropology of Consciousness*. 2007. Vol. 18. No. 2. P. 29–55.
16. *Bosk, Ch.* The Ethnographer and the IRB: Comment on Kevin D. Haggerty, “Ethics Creep: Governing Social Science Research in the Name of Ethics” // *Qualitative Sociology*. 2004. Vol. 27. No. 4. P. 417–420.
17. *Haggerty, K.D.* Ethics Creep: Governing Social Science Research in the Name of Ethics. // *Qualitative Sociology*. 2004. Vol. 27. No. 4. P. 391–414. DOI: 10.1023/B:QUAS.0000049239.15922.a3
18. *Hammersley, M., Traianoub, A.* Moralism and research ethics: a Machiavellian perspective // *International Journal of Social Research Methodology*. 2011. Vol. 14. No. 5, P. 379–390.
19. *Hoecht, A.* Whose ethics, whose accountability? A debate about university research ethics committees // *Ethics and Education*. 2011. Vol. 6. No. 3. P. 253–266, DOI: 10.1080/17449642.2011.632719
20. *Kolstoe, S.E., Pugh, J.* The trinity of good research: Distinguishing between research integrity, ethics, and governance // *Accountability in Research*. 2024. Vol. 31. No. 8. P. 1222–1241. DOI: 10.1080/08989621.2023.2239712
21. *Librett, M., Perrone, D.* Apples and oranges: Ethnography and the IRB *Atkinson, P.* Ethics and ethnography, Twenty-First Century Society // *Journal of the Academy of Social Sciences Qualitative Research*. 2010. Vol 10. No. 6. P. 729–747. DOI: 10.1177/1468794110380548
22. *Manderson, D.* Proximity, Levinas, and the soul of law. Montréal & Kingston: McGill-Queen’s University Press, 2006.
23. *Metro, R.* From the form to the face to face: IRBs, ethnographic researchers, and human subjects translate consent // *Anthropology & Education Quarterly*. 2014. Vol. 45. No. 2. P. 167–184.
24. *Merton, R.* The Ambivalence of Scientists // *Essays in Memory of Imre Lakatos* / Ed. by R.S. Cohen et al. Dordrechl-Holland; D. Reidel Publishing Company, 1976. P. 433–455.
25. *Merton, R.* The Normative Structure of Science // *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago, London IL: University of Chicago Press, 1973. P. 267–278.
26. *Muthanna, A., Chaaban, Y., Saba, S.* A model of the interrelationship between research ethics and research integrity // *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*. 2024. Vol. 19. No. 1. P. 1–9. DOI: 10.1080/17482631.2023.2295151
27. *Pollock, K.* Procedure versus process: ethical paradigms and the conduct of qualitative research // *BMC Medical Ethics*. 2012. Vol. 13. No. 1. P.13–25. DOI: 10.1186/1472-6939-13-25.
28. *Reed, K.* Bureaucracy and beyond: The impact of ethical review and research: Governance on health research in the social sciences // *Sociological Research Online*. 2007. Vol. 12. No 5. P. 80–84. URL: <http://www.socresonline.org.uk/12/5/18.html>
29. *Reed, K.* The spectre of research ethics and governance and the ESRC’s 2010 FRE: Nowhere Left to Hide? // *Sociological Research Online*. 2010. Vol. 15. No 4. URL: <http://www.socresonline.org.uk/15/4/17.html>
30. *Resnik, D.B., Rasmussen, L.M., Kissling, G.E.* An International Study of Research Misconduct Policies // *Accountability in Research: Policies and Quality Assurance*. 2015. Vol. 22. No. 5. P. 249–266. DOI: 10.1080/08989621.2014.958218
31. *Scherkoske, G.* Could integrity be an epistemic virtue? // *International Journal of Philosophical Studies*. 2012. Vol. 20. № 2. P. 185–215. DOI: 10.1080/09672559.2011.635676

32. Vermeylen, S., Clark, G. An alternative ethics for research: Levinas and the unheard voices and unseen faces // *International Journal of Social Research Methodology: Theory & Practice*. Vol. 20. No. 5. P. 499–512. 2017. DOI: 10.1080/13645579.2016.1220117
33. *Virtue Ethics in the Conduct and Governance of Social Science Research* / Ed. by Nathan Emmerich. 2018. Vol. 3. Bingley: Emerald Publishing Limited. DOI: 10.1108/ S2398-6018201803

Evgeniya Panova

Dialogue or Domination? Reflection on the Ethics of Field Research

Evgeniya Panova — candidate of philosophical sciences (PhD), graduate of the professional retraining program “Political Philosophy” in 2023/2024 at the Moscow School of Social and Economic Sciences. **Address:** Moscow, Moscow, Gazetny Lane, 3–5, building 1. **E-mail:** evepanova@gmail.com.

Abstract: The article attempts to define and problematize ethical models used in field research. The model of good research culture is the most widespread. Its features include the underlying concepts of an autonomous rational subject and the universalism of morality, which lead to following strict abstract rules and standards of consequentialist nature; the attitude towards neutrality, objectification and detachment of a researcher towards a respondent; strict institutional control affecting research funding; the tendency to restrict researchers' freedom. The ethical model of dialogue is based on the opposition to the dominant model. The features of the dialog model include the mutual influence of ethical and methodological aspects of research; the need for their open discussion by the professional community in order to control and adapt to the constantly changing conditions of social reality; the lack of pre-formulated ethical norms and standards applicable to particular situations; the principle of dominance of heteronomy over autonomy; the attitude towards communicative subordination of an interviewer to a respondent.

The paper concludes that both models express fundamentally different cognitive strategies. The model of good research culture is monological and one-dimensional, it tends to dominate a person; the dialog model seeks to affirm a diversity of worldviews, which contributes to the social recognition of the uniqueness of individuals and groups. In order to preserve and enhance the heuristic potential of field research, it is necessary to discuss their ethical and methodological foundations among the professional community.

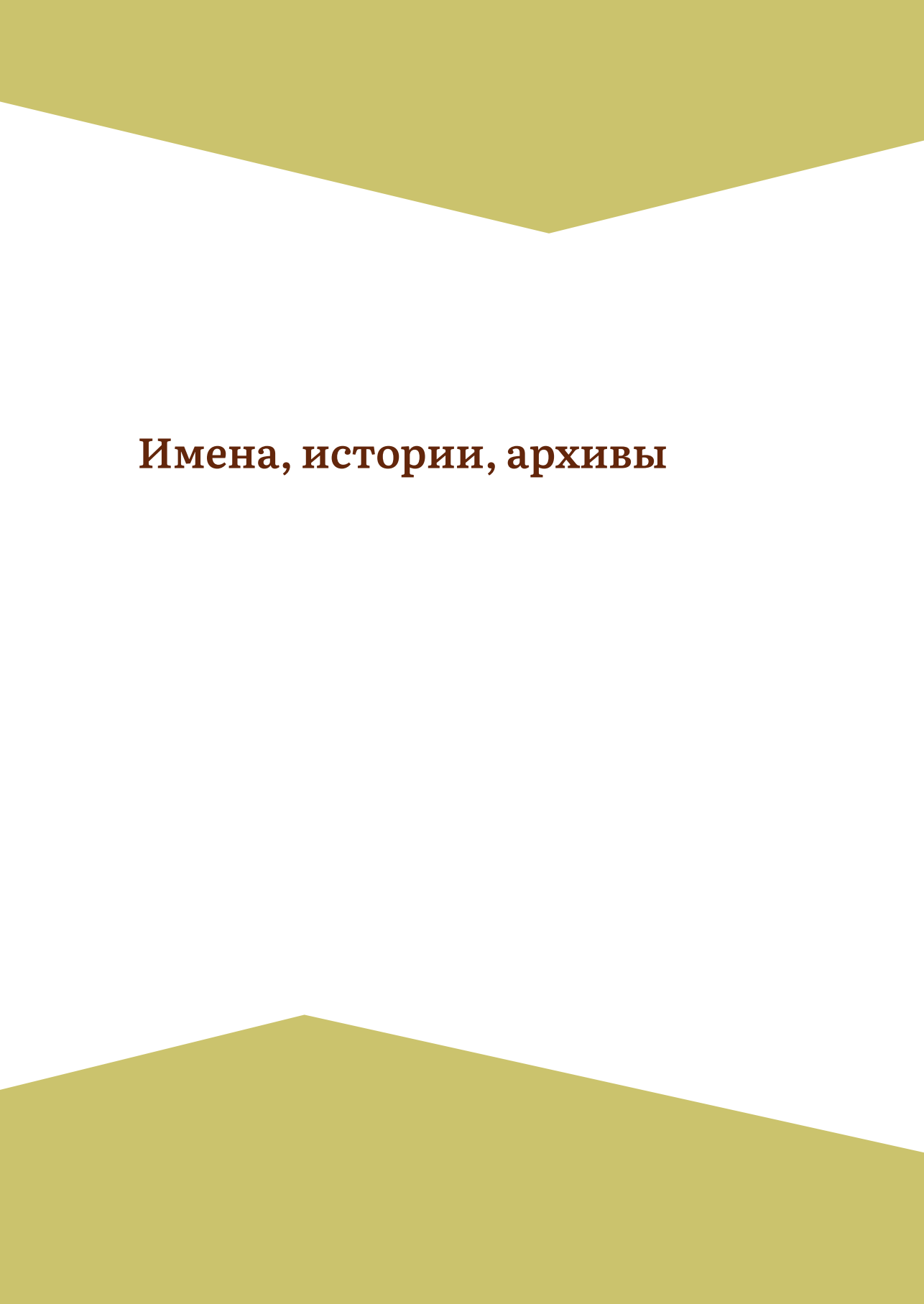
Keywords: ethics, field research, informed consent, model, dialogue, good research culture, researcher, interviewer, respondent, E. Levinas

References

1. Artem'eva O.V. (2018) Universal'nost' i avtonomiya v etike I. Kanta. *Filosofskie nauki*. No. 11. P. 86–102. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-86-102. (In Russ.)
2. Atkinson, P. (2009) Ethics and ethnography, Twenty-First Century Society. *Journal of the Academy of Social Sciences*. Vol. 4. No. 1. P. 17–30.

3. Bailey, C. A. (2017) *A guide to qualitative field research*. 3rd ed. London: Sage.
4. Brednikova, O.E. (2023) (Ne)novye voprosy v novykh usloviyakh (metodologicheskie i eticheskie problemy v issledovaniyakh bezhencev iz Ukrainy). *Interakciya. Interv'yu. Interpretatsiya*. Vol. 15. No. 2. P. 34–50. DOI: 10.19181/inter.2023.15.2.2 EDN: GIOPZW (In Russ.)
5. Becker, H.S. (2004) Comment on Kevin D. Haggerty, "Ethics Creep: Governing Social Science Research in the Name of Ethics". *Qualitative Sociology*. Vol. 27. No. 4. P. 415–416.
6. Benson, P., O'Neill, K.L. (2007) Facing risk: Levinas, ethnography, and ethics. *Anthropology of Consciousness*. Vol. 18. No. 2. P. 29–55.
7. Bosk, Ch. (2004) The Ethnographer and the IRB: Comment on Kevin D. Haggerty, "Ethics Creep: Governing Social Science Research in the Name of Ethics". *Qualitative Sociology*. Vol. 27. No. 4. P. 417–420.
8. Haggerty, K.D. (2004) Ethics Creep: Governing Social Science Research in the Name of Ethics. *Qualitative Sociology*. Vol. 27. No. 4. P. 391–414. DOI: 10.1023/B:QUAS.0000049239.15922.a3
9. Hammersley, M., Traianoub, A. (2011) Moralism and research ethics: a Machiavellian perspective. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 14. No. 5, P. 379–390.
10. Hoecht, A. (2011) Whose ethics, whose accountability? A debate about university research ethics committees. *Ethics and Education*. Vol. 6. No. 3. P. 253–266, DOI: 10.1080/17449642.2011.632719
11. Kolstoe, S.E., Pugh, J. (2024) The trinity of good research: Distinguishing between research integrity, ethics, and governance. *Accountability in Research*. Vol. 31. No. 8. P. 1222–1241. DOI: 10.1080/08989621.2023.2239712
12. Levinas, E. (2001) *Filosofiya, spravedlivost' i lyubov'*. In: *Put' v filosofiyu. Antologiya*. M.: PER SE; SPb.: Universitetskaya kniga. P. 320–330. (In Russ.)
13. Librett, M., Perrone, D. (2010) Apples and oranges: Ethnography and the IRB Atkinson, P. Ethics and ethnography, Twenty-First Century Society. *Journal of the Academy of Social Sciences Qualitative Research*. Vol 10. No. 6. P. 729–747. DOI: 10.1177/1468794110380548
14. Manderson, D. *Proximity, Levinas, and the soul of law*. Montréal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2006.
15. Markuze, G. *Odnomernyj chelovek*. M.: «REFL-book», 1994. (In Russ.)
16. Metro, R. (2014) From the form to the face to face: IRBs, ethnographic researchers, and human subjects translate consent. *Anthropology & Education Quarterly*. Vol. 45. No. 2. P. 167–184.
17. Merton, R. (1976) The Ambivalence of Scientists. In: *Essays in Memory of Imre Lakatos*. R.S. Cohen et al. (eds.). Dordrechl-Holland; D. Reidel Publishing Company. P. 433–455.
18. Merton, R. (1973) *The Normative Structure of Science*. In: *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago, London IL: University of Chicago Press. P. 267–278.
19. Muthanna, A., Chaaban, Y., Saba, S. (2024) A model of the interrelationship between research ethics and research integrity. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*. Vol. 19. No. 1. P. 1–9. DOI: 10.1080/17482631.2023.2295151
20. Pollock, K. (2012) Procedure versus process: ethical paradigms and the conduct of qualitative research. *BMC Medical Ethics*. Vol. 13. No. 1. P.13–25. DOI: 10.1186/1472-6939-13-25.
21. Reed, K. (2007) Bureaucracy and beyond: The impact of ethical review and research: Governance on health research in the social sciences. *Sociological Research Online*. Vol. 12. No 5. P. 80–84. [Online] <http://www.socresonline.org.uk/12/5/18.html> [Date of access] 20.11.2024.
22. Reed, K. (2010) The spectre of research ethics and governance and the ESRC's 2010 FRE: Nowhere Left to Hide? *Sociological Research Online*. Vol. 15. No 4. URL: <http://www.socresonline.org.uk/15/4/17.html>

23. Resnik, D.B., Rasmussen, L.M., Kissling, G.E. (2015) An International Study of Research Misconduct Policies. *Accountability in Research: Policies and Quality Assurance*. Vol. 22. No. 5. P. 249–266. DOI: 10.1080/08989621.2014.958218
24. Rogozin, D.M. (2018) Etnograficheskoe interv'yu: nauchnaya p'esa v dvuh deystviyah i sposob ee interpretacii. *Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya*. Vol. 10. No. 16. P. 26–49. (In Russ.)
25. Rogozin, D.M. (2016) Otkrytost' metodiki kak eticheskaya norma. *Sociologicheskij zhurnal*. Vol. 22. No. 2. P. 135–142. (In Russ.)
26. Scherkoske, G. (2012) Could integrity be an epistemic virtue? *International Journal of Philosophical Studies*. Vol. 20. No. 2. P. 185–215. DOI: 10.1080/09672559.2011.635676
27. Sokuler, Z.A. (2012) Passivnee samoj passivnosti: sub'ektivnost' i identichnost' v uchenii E. Levinasa. In: *Sub'ektivnost' i identichnost'*. Otv. red. A.V. Mihajlovskij. M.: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki. P. 198–212. (In Russ.)
28. Starcev, S.V. (2024) Analiz ustanovok issledovatelya v processe izucheniya sensitivnyh tem: opyt interv'yuirovaniya uchastnikov voennyh konfliktov. *Sociologicheskij zhurnal*. 30. No. 3. P. 61–75. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.3 EDN: HEUFQL (In Russ.)
29. Strel'nikova, A.V. (2018) Granicy uslovny? Tezisy ob issledovatel'skih praktikah i normah. *Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya*. Vol. 10. No. 16. P. 23–25. DOI: 10.19181/inter.2018.16.2 (In Russ.)
30. Vermeulen, S., Clark G. (2017) An alternative ethics for research: Levinas and the unheard voices and unseen faces. *International Journal of Social Research Methodology: Theory & Practice*. Vol. 20. No. 5. P. 499–512. DOI: 10.1080/13645579.2016.1220117
31. *Virtue Ethics in the Conduct and Governance of Social Science Research*. Edited by Nathan Emmerich. (2018) Vol. 3. Bingley: Emerald Publishing Limited. DOI: 10.1108/ S2398-6018201803
32. Voloshinov, V.N. (M.M. Bahtin) (1993) *Marksizm i filosofiya yazyka: Osnovnye problemy sociologicheskogo metoda v nauke o yazyke*. M.: Labirint. (In Russ.)
33. Zdravomyslova, E.A., Yarskaya-Smirnova, E.R., Omel'chenko, E.L., Shtejnberg, I.E. (2022) Kuda idet kachestvennaya metodologiya? Kollektivnaya diskussiya. *Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya*. Vol. 14. No. 1. P. 9–32. DOI: 10.19181/inter.2022.14.1.1 (In Russ.)

The page features two large, solid yellow geometric shapes. The top shape is a downward-pointing triangle that occupies the upper portion of the page. The bottom shape is an upward-pointing triangle that occupies the lower portion. The central area between these two shapes is white and contains the text.

Имена, истории, архивы

А. А. Тесля

Диалектика и фигура автора в теоретических построениях Г. А. Гуковского 1940-х годов¹

Андрей Александрович Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель НОЦ «Центр исследований русской мысли» ИОиГН БФУ им. И. Канта (Калининград). **ORCID:** 0000-0003-2437-5002; **Scopus AuthorID:** 57191265840; **Researcher ID:** E-9127-2015; **РИНЦ AuthorID:** 616154. **Адрес:** г. Калининград, ул. Чернышевского, 56. **Электронная почта:** mestr81@gmail.com.

Аннотация: Г. А. Гуковский — один из наиболее влиятельных историков русской литературы в XX веке, в первую очередь известный своими новаторскими трудами по XVIII столетию. Однако в данном случае речь идёт о его поздних теоретических построениях, сформулированных в работах о русском романтизме и реализме 1800–1840-х годов (ограничиваясь прежде всего периодом 1810–1820-х). Их ключевой проблематикой оказывается, модернизируя словарь, конструирование субъекта, способы построения «я», при этом в фундаментальной для высокого модерна форме «личности», и вопрос как она выстраивается в литературном тексте/текстах русского «золотого века». Поздний «гегельянский» поворот в творчестве Гуковского прочитывается как имевший большую теоретическую перспективу и созвучный последующему развитию европейской философской дискуссии 1950–70-х годов.

Ключевые слова: герменевтика субъекта, классицизм, современная субъектность, предметность слова, русское гегельянство

Для цитирования: Тесля, А. А. Диалектика и фигура автора в теоретических построениях Г. А. Гуковского 1940-х годов // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 101–114.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операционная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Введение: исторический контекст

Г. А. Гуковский (1902–1950) — один из наиболее ярких, наряду с Л. Я. Гинзбург, Б. Я. Бухштабом и С. А. Рейсером, представителей второго поколения «формалистов», т. н. «младоформалистов». При этом, в отличие от Бухштаба и Рейсера, после разгрома «формалистов» в конце 1920-х годов, Гуковский, как и Гинзбург, не отказывается от стремления к широким теоретическим обобщениям: если для большинства «формалистов», начиная со «старших», таких, как Эйхенбаум, убежищем становится прежде всего конкретно-филологическая работа, текстология и комментарий², то для Гуковского (как в ином смысле и для Гинзбург) речь идёт не только о стремлении удержать концептуальный план, но одновременно мыслить филологию как площадку для суждений, претендующих на значение, выходящее за границы конкретной дисциплины.

При этом судьба Гуковского 1930–1940-х годов радикально отличается от судьбы большинства его коллег 1920-х годов: если для многих из них речь идет о сохранении себя как профессионалов, попытках найти себе место в новой реальности, не поступившись слишком многим в интеллектуальном плане, то Гуковский делает блистательную карьеру: с 1934 года является в Пушкинском доме руководителем группы по изучению русской литературы XVIII века, после восстановления учёных степеней (1934 г.) в 1937 году получает степень доктора наук³, а уже с 1935 года — профессор Ленинградского университета, многолетний заведующий кафедрой русской литературы (1939–44, 1947–49 гг.), декан филологического факультета (1942–1944 гг.).

К концу 1930-х Гуковский становится административно одной из ключевых фигур отечественной филологии. При этом, осмелимся предположить, как во многом человек, сформировавшийся в ГИИИ, в той системе представлений — он стремится подтвердить и утвер-

² Понятно, что не стоит преувеличивать значение этого утверждения — и пример Б. М. Эйхенбаума здесь не случаен. При том, что его работы 2-й половины 1930-х — 1950-х во многом являются «техническими» (работа над разнообразными комментариями, текстологическая подготовка изданий и т. п.), а авторские труды и по языку, и по содержанию стремятся приблизиться к советскому академическому мейнстриму (что вновь не стоит преувеличивать, поскольку последний здесь, собственно, еще только и складывается, обретая законченность в конце 1950-х — 1960-е годы, так что его «вечность» окажется очень краткосрочной), работа над однотомной биографией Толстого является не только по материалу, но и по сути дела развитием подходов, формирующихся в тетралогии 1920–30-х годов, а в самой тетралогии можно видеть принципиальное разнообразие методов, определяемых изучаемым периодом.

³ Степень присуждена за книгу: «Очерки по истории русской литературы XVIII века: Дворянская фронда в литературе 1750-х — 1760-х годов» (1936).

дить свой новый статус соответствующими трудами. А именно: главенствующая роль в филологии должна, дабы административное положение соответствовало реальному, найти свое обоснование в общей концепции современной русской литературы, т.е. фактически предложить программу исследований, концептуальную рамку для всей если не существующей, то долженствующей возникнуть собственной «школы», стать «отцом-основателем». Отдельные труды по литературе XVIII века, при всём их интересе и значимости, не отвечают этой цели, оставаясь и исследованием конкретного периода, и в конце концов — как не может не понимать сам автор — замкнутыми на «марксистское» в смысле социологического прочтения литературного процесса. Здесь могут быть ценные наблюдения, значимые конкретизации общих положений, но сама рамка остаётся определяющей литературу прежде всего как выражение и отражение (к тому же вне ясной связи между конкретными формами «выражения» и социальной динамикой). Другой стороной ситуации является и общий поворот от «социологизма», обозначаемого как «вульгарный», где не-вульгарный теряет свою конкретность, оказываясь малообязательной общей рамкой.

Остается объяснить, отчего мы говорим о Гуковском и его работах 1940-х годов именно в рамках философии. Тому есть две основные причины:

- во-первых, теория и история литературы (как позднее эстетика, впрочем, именно к тому, более позднему моменту, отчетливо обособляющаяся от всего комплекса «частных эстетик» и «теорий и историй изящного») в 1920-е, а отчасти и в 1930-е годы оказывается местом напряжённых теоретических споров, имеющих или могущих иметь философские последствия — в отличие от философии, которая идеологизируется намного быстрее. Известная «беззаботность», в особенности акцент на «технической», «формальной» стороне — или, как это будет у Гуковского уже в 1940-е годы, на вопросах стиля — позволит не просто ставить и обсуждать вопросы, невозможные в более идеологически-значимых областях, но и (и здесь уже за счёт именно идеологизации, марксистского контекста) в этих относительно свободных условиях — в том числе сопротивляясь прямолинейной партийной науке — ставить актуальные именно в рамках марксистской оптики вопросы о диалектике прогрессивного и консервативного, художественном новаторстве и «правде», которая оказывается возможна не только «вопреки», а в том числе и «благодаря» политической реакционности (значение дебатов о Бальзаке, круг «Литкритика»);
- во-вторых, именно в марксистской и советской перспективе перво-степенным окажется вопрос о соотношении литературы и жизни, слов и вещей. Собственно, невозможность сугубо-литературного, имманентного объяснения литературного процесса, вторжения

внелитературного и приведёт к внутреннему кризису формализма в середине 1920-х, возникновению дихотомии «матерьяла» и «стиля» у Шкловского, попытке построения теории «литературного быта» Эйхенбаумом (что будет воспринято «младоформалистами» как отступление, предательство собственных теоретических позиций, чтобы быть переосмыслено уже в существенно более поздней перспективе).

Классицизм — романтизм — реализм

Итак, 1940-е годы будут отданы Гуковским попытке построения истории русской литературы как истории стиля, в центре внимания окажется переход от «романтизма» к «реализму», а результаты работы найдут выражение в трёх тесно связанных между собой книгах, две из которых будут опубликованы уже посмертно, после постигшей Гуковского катастрофы 1949 года (кампании в рамках «борьбы с космополитизмом», увольнения из Пушкинского дома, ареста и смерти от сердечного приступа в тюрьме в следующем, 1950 году). Эта трилогия: (1) «Пушкин и русские романтики» (1946); (2) «Пушкин и проблемы реалистического стиля» (1957); (3) «Реализм Гоголя» (1959)⁴. При этом первая, единственная успевшая выйти при жизни автора часть этого труда носит общий заголовок «Очерки по истории русского реализма», частью 1-й какого является труд «Пушкин и русские романтики» (при этом случайного читателя может удивить, что в самой этой работе о Пушкине сказано очень немного, в работе две главы, первая из которых посвящена преимущественно Жуковскому и, как оттеняющему примеру, Денису Давыдову, а вторая — декабристской поэзии).

Философское содержание этой работы (которую представляется целесообразным вслед за автором рассматривать как единое целое, три части развертывания цельного построения) было отмечено

⁴ Теоретическая амбиция прямо проговаривается в § 1 гл. 1 «Очерков...». Непосредственной целью объявляется поиск «стилеобразующего принципа» [Гуковский, Г.А. Очерки по истории русского реализма. Часть I: Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946. С. 3]. Стадиальность — как подход «к решению существа частных проблем» и «установление специфических закономерностей литературы» [Там же], где установление закономерностей есть именно научность. При этом закономерность — увязывается с общими «закономерностями научно-философского мышления» [Там же] — тем самым заявляется философская амбиция, построение/выявление логики процесса (в свою очередь увязывающего историю литературы с другими сферами культуры/общества).

и признано довольно давно. Ю. М. Манн в «Динамике русского романтизма» с позиции историка литературы склонен видеть в этом скорее даже недостаток⁵, замечая:

«Оглядывая концепцию исследователя в целом, мы должны сказать, что она всё время развивается на очень тонкой грани, соединяющей литературоведение с такими дисциплинами, как история, социология, философия и т. д. Ибо, с одной стороны, проблема „человек и среда“ содержит в себе, конечно, множество литературоведческих аспектов, а с другой — является суверенным предметом философских и социологических исследований. Гуковский далеко не всегда удерживается на этой черте, выдавая философское или даже этическое решение проблемы „человек и среда“ за художественное и литературоведческое <...>» [Манн, 1995]⁶.

В предисловии к переизданию учебника Гуковского «Русская литература XVIII века» (1999) А. Л. Зорин, касаясь теоретических построений Гуковского 1940-х годов, писал:

«Гуковский совершил своего рода путь от марксизма к гегельянству, выстроив всецело телеологическую модель истории русской литературы. Под традиционную историко-литературную схему „классицизм — романтизм — реализм“ он подвёл триаду „государство — личность — народ“, в которой народная литература реализма естественным образом выступает в роли диалектического синтеза двух предыдущих стадий» [Зорин, 1999].

⁵ Ср. эпизод, с которого начался скандал на домашнем чествовании И. Л. Андронникова по поводу присуждения ему Госпремии в 1967 г., описанный В. А. Ковалевым Я. С. Билинскому: «Девятым выступил профессор Сергей Михайлович Бонди. Он сказал: „Я тоже пью за здоровье несравненного Ираклия Луарсабовича, но ещё больше за его метод, который основан на фактах, в котором главное — неопубликованные материалы. Сам Ираклий Луарсабович — это неутомимый искатель литературоведческой правды. В этом отношении он выгодно отличается от покойного профессора Гуковского, который в угоду излюбленным концепциям насиловал материал, в угоду эффектным формулировкам искажал истину, для которого литературоведение было своеобразным бильбоке. „Классицизм, — писал, например, Гуковский, — искусство объективное, но абстрактное, романтизм конкретен, но субъективен. И только реализм объективен и конкретен“. Кому нужно это бильбоке? Как далек от всего этого Ираклий Луарсабович! И слава богу!“» [Глушаков, П. С. Забытый эпизод из истории советского литературоведения. (Андроников — Бонди — Виноградов — Гуковский — Оксман) // Новое литературное обозрение. 2011, № 1 (107). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/1/zabytyj-epizod-iz-istorii-sovetskogo-literaturovedeniya.html>].

⁶ Манн, Ю. В. Динамика русского романтизма. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 10–11. Это суждение останется без изменений и во 2-м издании этой работы, дополненном и расширенном, имеющим иное заглавие: Манн, Ю. В. Русская литература XIX века: Эпоха романтизма. М.: Аспект-Пресс, 2001. С. 13.

А. Л. Зорин, вслед за И. З. Серманом, на воспоминания⁷ и личную беседу с которым он ссылается, видит в этом теоретическом повороте Гуковского прежде всего «примирение с действительностью», попытку через гегельянство вместить существующее⁸.

Никоим образом не вступая в полемику с данной интерпретацией, мы постараемся кратко наметить позитивное основание концепции Гуковского и её далеко не тривиальные на тот момент следствия.

Схематично идея Гуковского выражена на первых страницах работы «Пушкин и проблемы реалистического стиля» (1957), где он суммирует и доводит до чертёжной простоты идеи, формулируемые в первой части работы (1946). Хотя речь идёт непосредственно о русской литературе, по существу автор предлагает общую схему трёх больших стилей (классицизма, романтизма и реализма), осмысляемых через категории общего и частного, абстрактного и конкретного [Гуковский, 1957]:

Классицизм — «абстрактное общее поглощает конкретное частное», не отличающееся в данном случае от индивидуального, стремится уничтожить его⁹.

Романтизм — «конкретное частное стремится поглотить общее, как абстрактное, так и конкретное»¹⁰.

⁷ Серман, И.З. Ленинградская группа XVIII века // Россия/Russia. Vol. 6. 1988. P. 147–159.

⁸ Кстати, здесь, в самом ходе интерпретации, обнаруживается большое сходство с бердяевской трактовкой «примирения» Белинского: «<...> замечательные люди 40-х годов составляли небольшую группу, окруженную тьмой. Это привело, в конце концов, к „лишним людям“, к бесприютному скитальцу Рудину и к Обломову. Более сильным людям [выд. нами — А.Т.] нужно было идейно примириться с „действительностью“, найдя для нее смысл и оправдание, или бороться с ней» [Бердяев, Н.А. Русская идея. Париж: YMCA-Press, 1971. С. 75].

⁹ Логические и социальные/исторические категории здесь у Гуковского, думается, намеренно отождествлены: общее и общественное (см. ниже).

¹⁰ В конкретной трактовке-сопоставлении «классицизма» и «романтизма», при всей их близости, в фигурах Карамзина и Жуковского, Гуковский в том числе отсылает к конвенциональному во времена его формирования как ученого пониманию Французской революции и революционных принципов как торжества классицистской эстетики, классицистского мировоззрения. Он пишет: Жуковский «не мог преодолеть то, что его друзья часто называли ленью, и что вовсе не было ею, так как Жуковский был очень трудолюбив и как поэт, и как педагог, и как журналист, и как рисовальщик, и как читатель. Это был страх перед жизнью, перед историей, перед действительностью, которую Жуковский не любил, считал дурной, полной несправедливости и зла [выд. нами — А.Т.]. Это была безнадежность найти себе идейно-оправданное место в реальной жизни, это было следствие французской революции, потрясшей мир и, по мнению Жуковского, не принес-

Реализм¹¹ — «конкретное общее подчинило себе конкретное же частное, не поглотив его, а объяснив и тем самым обосновав его реальность и как частного бытия».

Т.е. развитие современной литературы предстает как трёхтактное движение — от «абстрактного общего» через «конкретное частное» к «конкретному общему». Но ключевой в трактовке «реализма» оказывается тема «спасения личности»¹², кажущаяся вполне фаустианской, но с отзвуками гегелевской теодицеи:

шей блага на земле, следствие мировых катастроф, испугавших Жуковского. Ибо он не был поклонником старого угнетения человека и не мог быть поклонником новых устоев жизни Запада. Бегство Жуковского из жизни внутрь самого себя — это было следствие крушения старой традиции дворянской оппозиционности, следствие культа пассивного сопротивления масонов XVIII века, итог культуры Хераскова, Муравьева, Карамзина. Это было то же неверие и скепсис, что у Карамзина» [Гуковский, Г.А. Очерки... С. 19–20].

Но Карамзин, согласно Гуковскому, «не веря в истину, <...> верил в силу и улаживался эстетическим идеалом. Это было его кредо. А из эмоций он признавал лишь умиленные, оправдывающие силу эстетически» [Там же. С. 20]. Жуковский же «не мог и не хотел сохранить культ эстетического, как себе довлеющей системы законченной формы, подобно Карамзину, и для него искусство не было спасением от жизни само по себе [выд. нами — А.Т.]. Он не верил и в силу, так как сила приносила с собой на его глазах лишь зло — и сила Наполеона-императора, и сила феодальных предрассудков, и сила бюрократической церкви, и сила рабства, загубившего его мать» [Там же. С. 21].

И отсюда — утверждение парадоксальной веры в человека: «Но он был сыном своего века, века буржуазных революций, и он верил в то, во что не верил Карамзин: в человека, и прежде всего в человеческую душу, человеческую индивидуальность, высшую ценность индивидуального личного бытия. „Лучшее наше добро есть наше сердце и его чистые чувства“ — писал он в 1827 г. (письмо к А.П. Киреевской-Елагиной от 7/19 февраля 1827 г.)» [Там же. С. 21]. «Его идеалом был человек вообще, каждый человек, человек вне общества, и в этой вне-социальности, отъединенности от мира человеческой души и человеческого достоинства, как его понимал Жуковский, было и крушение социальной мечты революции, и отказ от борьбы, — и глубокая связь с анархическим, индивидуалистическим пониманием личности, свойственным буржуазной мысли как в эпоху ее падения, так и в эпоху ее подъема в конце XVIII — начале XIX века» [Там же].

¹¹ «Критический реализм XIX века», уточняет в данном случае Гуковский, чтобы отличить от «социалистического реализма», отношение к которому примечательным образом остается вовсе не проговоренным (и схема Гуковского здесь *de facto* претендует на универсальность, где «реализм» и «критический реализм XIX века» по существу совпадают на уровне сущностного основания).

¹² «Спасение» здесь, полагаем, предполагает сближение и со «снятием», см. трактовку С.Л. Франка: «В виде аналогии — *toutes proportions gardes* — напомнить *умышленно-двузначное* употребление Гегелем слова „Aufheben“, (означающего по-немецки и «отменять», «устранять», и «сохранять», «охранять») для обозначения основной

«Личность человека в его реальности, психологической, жизненной, вещественной, материальной, обожествленная и разросшаяся до метафизической всеобщности в романтизме, была спасена, возвращена на землю и истолкована реализмом путем включения её в общественные связи» [Гуковский, 1957].

Романтизм открывает конкретность частного¹³ (через фигуру «автора» и его связку со вне-литературным, о чём ниже), но это конкретное частное оказывается стремительно пустым: как замечает Гуковский, при том, что романтизм всячески акцентирует уникального героя, каждый стремится раскрыть неповторимую индивидуальность, уже вскоре для самих современников становится очевидным и в том числе предметом сатирического осмысления схожесть романтических героев друг с другом, скудость репертуара¹⁴. Романти-

мысли его философии — соотношения, по которому дух в своем развитии одновременно и преодолевает каждую отдельную ступень бытия, и сохраняет в себе то, что он уже преодолел и отменил» [Франк, С. Л. Свет во тьме: Опыт христианской этики и социальной философии. Париж: YMCA-Press, 1949. С. 23].

¹³ «В человеке романтизм видит душу, в мире вещей и природы — орудие духа, в народе — индивидуальную душу нации более, чем общечеловеческое право, которое видели люди классицизма. И душа человека, и душа нации свободны в своей сущности и должны стать свободны в своем творческом выявлении — это был освободительный смысл романтического метода и мировоззрения; душа человека и душа нации самостоятельны и независимы от внешних условий или, во всяком случае, должны стать такими, в этом представлении была индивидуалистическая и идеалистическая неполноценность романтизма» [Гуковский, Г. А. Очерки... С. 28]. Ниспровержение отвлеченности: «Романтизм ниспроверг отвлеченность метафизического мышления рационализма, обосновавшего классицизм. Романтизм принес ему на смену конкретность культа и видения единичной реальности, но эта реальность и конкретность его — субъективна. Классицизм приносил в жертву общему понятию — понятию государства, права, человека — гражданина, живого единичного человека, как и конкретный народ. Романтизм заявил право человека и нации на самоопределение; он заявил всей совокупностью своего метода, что нельзя во имя абстракции губить человека, нельзя во имя фикции губить нацию, как своеобразие и личность, — даже если эта абстракция, эта фикция — идея государства или идея права. Ибо человек и его душа важнее идеи, и высшая идея и высшее право — это тот же человек, душа, личность. А душа есть в каждом человеке, а душа нации сохранна не в законах и даже в книгах, а в народе» [Там же. С. 28–29].

¹⁴ «Конкретность метода романтизма специфична; это — конкретность индивидуальной души; но, снимая объективные определения характера, социальные, исторические, романтизм тяготеет к снятию реального разнообразия характеров, душ. Отсюда глубокое противоречие романтического метода; герой романтика — единичный человек, но он в то же время есть всякий любой человек в потенции, он — то единичное, что есть в глубине души всякого героя. Отсюда явная повторяемость черт романтических героев,

ческий герой, действующий из себя, «повинуясь своему внутреннему закону»¹⁵ — в реализме обретает новую конкретность, в первую очередь за счёт того, что сам «внутренний закон» перестаёт быть случайным, простой данностью. В романтизме личность «поглощает весь мир» [Гуковский, 1957]: это создает возможность предметного слова¹⁶ (на месте знакового классицизма), но тем самым вынуждает личность всё создавать из себя, в конце концов лишая её содержания (или, точнее, сводя последнее к предельно ограниченному набору чувств и состояний, через ограниченность получающего тщательную разработку — как язык чувств, переживаний, затем применяемый к разнобразию мира, получает разработку у Жуковского). Переходом к реалистическому Гуковскому видится «Борис Годунов» Пушкина:

«Это был выход к объективному миру народной жизни, в которой личность оказывалась результатом закономерного развития общества, т.е. в высшем смысле, подчинялась объективному бытию истории народа, объяснялась им, однако не поглощаясь им, как она поглощалась общими понятиями классицизма» [Гуковский, 1957]¹⁷.

Фигура «автора» и модерная личность

Сутью романтизма, согласно Гуковскому, выступает «идея романтической личности» [Гуковский, 1946]: «Жуковский открыл русской поэзии душу человеческую, продолжив психологические искания Карамзина в прозе и решительно углубив их. Однако, дело здесь было

каждый из которых ощущает себя трагически одиноким, оторванным от мира — и в то же время каждый из которых похож на каждого другого. Это было восприятие мира как хаоса, воздушного океана, где блуждают без руля и без ветрил, подчиняясь лишь своим внутренним импульсам, отъединенные души одиноких людей» [Там же С. 29–30]

¹⁵ См. трактовку «шиллеровской» личности в связи с обсуждением «Прокопия Ляпунова» Кюхельбекера: Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы... С. 23.

¹⁶ См. анализ поэтического языка Жуковского: Гуковский, Г.А. Очерки..., гл. 1.

¹⁷ Примечательно, что последняя трактовка оказывается близка к «соборности», «хорошему началу» и пр.: отражая проблематику подчинения (субординации) без поглощения и подчинение здесь «объективному» противопоставляется подчинению «абстрактному» (как гибели иного).

Также отметим, что в приведенной цитате «объективный мир» по существу оказывается тождественным «интерсубъективному», как общий, разделяемый (и при этом не находящийся в чем-либо обладании).

не просто в том, что Жуковский открыл новую тему; его тема — это его мировоззрение и его метод [выд. нами — А. Т.]. Романтическая личность — это идея единственно важного, ценного и реального, находящего романтиком только в интроспекции, в индивидуальном самоощущении, в переживании своей души, как целого мира и всего мира. Психологический романтизм Жуковского воспринимает весь мир через проблематику интроспекции. Он видит в индивидуальной душе далеко не отражение всего мира, а весь мир, всю действительность саму по себе» [Гуковский, 1946].

«Романтическая личность» в этом понимании — не отдельный предмет изображения, а именно стиль, «ведь когда говоришь о Жуковском, дело именно в стиле, потому что именно его-то и принес с собой Жуковский как открытие и этап в русскую литературу [выд. нами — А. Т.]. Ведь он уж очень неоригинален тематически, — и о любви, и о печали, и о смерти, и о надежде бессмертия много писали и до него, и „Сельское кладбище“ Грея не один раз переводили до него, и баллады писали до него. Но вот о человеке, центре мира, в этом освобождающем плане, — и в отрыве от всего „внешнего“ — так до него не писали. И несмотря на то что в поэзии романтизм в России складывался задолго до Жуковского, именно он и только он с такой полнотой, силой и глубиной выразил в русских стихах его суть. Индивидуализм и субъективизм и есть эта суть — в применении к вопросу о человеке <...>» [Гуковский, 1946]. «Романтизм — это стиль, увидевший мир через восприятие индивидуальности и не пожелавший увидеть индивидуальность через социальную и историческую закономерность, создавшую её; романтизм — это стиль, увидевший и в народе — индивидуальность и душу, рождающую исторические факты, но не рождённую ими; это стиль эпохи буржуазных революций, заявивший, что человек должен быть свободен от всего, даже от общества и истории, и не понявший, что такая свобода — это оправдание нового рабства. Романтизм — это метод видения мира и понимания общества и человека, а не отбор тем (хотя отбор тем и определяется методом)» [Гуковский, 1946].

Тем самым, для Гуковского выход за пределы собственно-литературного оказывается необходимым — поскольку «литература» как «стиль» предстает не «выражением» или «отражением», а способом формирования субъекта (и разные «стили» формируют, соответственно, разные субъектности). Так, Гуковский отмечает, что привычное отрицание «психологизма» за литературой классицизма означает, что там не обнаруживается «психологии» в том смысле, который сформирован романтизмом и реализмом [Гуковский, 1946].

Но, делая следующий шаг, подчеркнём, что речь идёт не о простой исторической изменчивости, а о внутренней логике, к тому же именно требующей включения «не-литературного» как части литературного, при этом определяющей, и в свою очередь оказывающейся

фундаментально значимым моментом построения современной реальности. А именно — речь идёт о самой фигуре автора. Её анализу отведено довольно своеобразное место в первой книге трилогии Гуковского, где описывается фигура Дениса Давыдова. Правда, предшествует этому замечательный анализ допущенной А.Н. Веселовским «ошибки» в трактовке Жуковского и её принципиальной неслучайности:

Веселовский строит свою работу «в основном как биографию Жуковского — по его стихам. Он поддался биографической иллюзии творчества Жуковского и подчинился традиции, шедшей ещё от современников поэта, традиции, искавшей его личную биографию в его стихах. Конечно, у Веселовского получился не верный облик Жуковского-человека, потому что он отождествил героя стихов с человеком-автором. Настоящий Жуковский вовсе не сводился к Альсиму. Но чутьё великого учёного не обмануло его. Он написал книгу не столько о Жуковском, жившем с 1783 по 1852 год, сколько о Жуковском, вечно живущем герое его поэтического романа; он воссоздал в своей книге этот роман, сотканный из недомолвок и намеков романтической лирики Жуковского. Думая, что он использует творчество для биографии, он на самом деле использовал биографию для рассказа о творчестве, ту биографию, которую Жуковский-поэт дал своему читателю образами своих стихов [выд. нами — А.Т.]» [Гуковский, 1946].

Иными словами, «ошибка» Веселовского не просто не случайна, а как раз реализует тот способ чтения, который и сконструирован — не текстами самими по себе, а соотношением текстового и вне-текстового, фигурой автора. В этом — принципиальное отличие от классицизма. Романтизм не «просто» разрушает жанровую систему классицизма (в конце концов, как всем известно, ни в романтизме, ни в реализме жанровые разграничения никуда не исчезают), он прежде всего вводит новую фигуру «автора». В рамках классицизма одному и тому же человеку могут практически синхронно принадлежать совершенно разные произведения, относящиеся к одному и тому же предмету: от эпиграммы до комедии, от трагедии до письма. Но эти суждения/высказывания оказываются прежде всего относимыми к своему собственному целому — они не могут быть непосредственно сопоставлены между собой именно потому, что в первую очередь определяются своим жанром. Романтизм разрывает эту систему — и теперь самые разнородные высказывания связываются между собой, поскольку являются высказываниями одного и того же автора, образуют целостность «романа»:

«Таким образом, поэтическое творчество Жуковского не только было созданием первого в русской литературе психологического характера, но и первым очерком психологического романа; точнее, в нем копились материалы для будущего романа» [Гуковский, 1946].

Случай Дениса Давыдова, анализируемый Гуковским, важен для него обнажённостью этой роли фигуры «автора»: если относительно

Жуковского и его литературного наследия можно спорить о степени выстроенности, о том, каким образом определяется такой способ прочтения, то Давыдов в трактовке Жуковского создаёт одноименного «автора» в издании 1840 г., подготовленном им ещё при жизни, в 1836–1837 гг. Если в предшествующих изданиях произведения ещё располагались по жанровой схеме, то здесь они перемешиваются в хронологическом порядке, а им предшествует биография автора, представляющая особенный интерес, поскольку, даже подписанная «генералом О. Ю. О-м», т. е. другом Дениса Давыдова, генералом Ольшевским, она остаётся не только неточной и хвалебной, но и написанной самим Давыдовым, что очевидно для любого внимательного читателя. Этот «Очерк жизни Дениса Васильевича Давыдова» должен и соединять стихотворения книги в единый текст, диктовать их биографическое прочтение, отсылать к внетекстовому, и вместе с тем — отсылать читателя к «биографии» Давыдова, к нему как «автору», становящемуся центральным элементом поэтической системы, задающему логику чтения [Жуковский, 1946].

Заключение

Концептуальная схема Жуковского, претендующая объяснить внутреннюю логику развития литературы, одновременно оказывается (и является таковой в авторском замысле) объяснением формирования современной субъектности в её динамике и роли литературы в этом процессе, где история словесности (и значение, ей и самой словесности придаваемое в новое время) определяется тем, что она оказывается не исключительным, но одним из ключевых пространств формирования/трансформации субъектности. И литературное невозможно свести сугубо к текстуальному, поскольку последнее определяется как реальная целостность и/или совокупность отсылкой к вне-текстовому, а литературное (включающее в себя как текстуральное, так и вне-текстуальное) — в свою очередь вне-литературным. Понятно, что сам Жуковский — по крайней мере эксплицитно — как раз склонен проводить отчётливую границу между автором, его конкретной биографией — и «автором», который возникает в романтическом тексте. Но именно романтизм создаёт, согласно Жуковскому, данную фигуру и возможности неразличения или переноса. «Автор», отличный от человека, в свою очередь становится способом прочтения «себя»: исследовательская перспектива позднего Жуковского ведёт его к «герменевтике субъекта», где финальная точка — «народное», «общественное» — не только выступает ответом, но и одновременно проблематизируется всей логикой предшествующего рассмотрения:

„народное“ и „общественное“ поднимают вопрос о способах их сборки, аналогичный тому, который раз за разом возникает у автора при описании многообразия нововременной европейской субъектности.

Литература

1. Гуковский, Г.А. Очерки по истории русского реализма. Часть I: Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946.
2. Гуковский, Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.
3. Зорин, А.Л. Григорий Александрович Гуковский и его книга // Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. Учебник / Вступ. статья А. Зорина. М.: Аспект Пресс, 1999.
4. Манн, Ю.В. Динамика русского романтизма. М.: Аспект-Пресс, 1995.
5. Серман, И.З. Ленинградская группа XVIII века // Россия/Russia. Vol. 6. 1988. P. 147–159.

Andrei Teslya

The dialectical approach and the role of the author in G. A. Gukovsky's theoretical frameworks in the 1940^s

Andrei Teslya — PhD in Philosophy, Senior Researcher, Scientific Director of the Center for the Study of Russian Thought at the Institute for Education and Humanities of the Immanuel Kant Baltic Federal University. **ORCID:** 0000-0003-2437-5002; **Scopus AuthorID:** 57191265840; **Researcher ID:** E-9127-2015; **РИНЦ AuthorID:** 616154. **Address:** 56 Chernyshevsky str., Kaliningrad, 236016 Russian Federation **E-mail:** mestr81@outlook.com.

Abstract: G. A. Gukovsky was one of the most significant historians of Russian literature of the 20th century, particularly renowned for his groundbreaking works on the 18th century. In this instance, however, we are referring to his later theoretical constructs, formulated in his writings on Russian romanticism and realism in the 1800^s and 1840^s, primarily focusing on the period from the 1810^s to 1820^s. Their central issues, expressed in more modern terms, involve the construction of subjectivity, the development of the «I» concept, and the fundamental nature of personality in high modernity. Additionally, they explore how these concepts are manifested in literary texts of the «Golden Age» of Russian literature. Gukovsky's late «Hegelian» approach is seen as having significant theoretical implications, resonating with the subsequent developments in European philosophical discourse during the 1950^s and 70^s. The research was carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00591 «Pragmasemantics as an interface and an operational system of meaning formation» at the I. Kant Baltic Federal University.

Keywords: hermeneutics of the subject, classicism, modern subjectivity, word subjectivity, Russian Hegelianism

References

1. Gukovskij, G.A. (1946) *Essays on the history of Russian realism*. Part I: Pushkin and the Russian Romantics. Saratov. (In Russ.)
2. Gukovskij, G.A.(1957) *Pushkin and the Problems of Realistic Style*. Moscow: State Publishing House of Fiction. (In Russ.)
3. Zorin, A. L. (1999) Grigory Alexandrovich Gukovsky and his book. In: Gukovsky G.A. *Russian literature of the XVIII century*. Textbook. Introduction. an article by A. Zorin. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
4. Mann, Yu.V. (1995) *Dynamics of Russian Romanticism*. M.: Aspekt-Press. (In Russ.)
5. Serman, I.Z. (1988) The Leningrad group of the XVIII century. *Russia/Russia*. Vol. 6. pp. 147–159. (In Russ.)

[Автор и герой в поэтике романтизма: случай Дениса Давыдова]

Григорий Александрович Гуковский (1902–1950) — советский филолог, представитель «младоформалистов» во 2-й половине 1920-х годов, внес огромный вклад в изучение русской литературы XVIII века (2-я пол. 1920-х — 1930-е), в 1940-е годы разрабатывал стадийную концепцию развития литературы нового времени на материале русской литературы XIX — нач. XX вв. С 1929 по 1949 г. — сотрудник Пушкинского Дома АН СССР, с 1937 г. — доктор наук (за книгу «Очерки по истории русской литературы XVIII века»). С 1935 и по 1949 (с перерывом в 1944–1947 гг.) — профессор Ленинградского государственного университета (в 1939–1944, 1947–1949 гг. — заведующий кафедрой русской литературы). В 1942–1946 гг. — профессор Саратовского университета. В 1949 году в рамках кампании «по борьбе с космополитизмом» арестован, умер от сердечного приступа в Лефортовской тюрьме в апреле 1950 г. К числу его наиболее известных учеников принадлежат Г. П. Макогоненко и Ю. М. Лотман.

Аннотация: Публикуемый текст — фрагмент 1-й главы книги Г. А. Гуковского «Пушкин и русские романтики», впервые опубликованной в издательстве Саратовского университета в 1946 году. Книга была выпущена автором как первая часть «Очерков по истории русского реализма» — широко задуманного исследования, призванного прочертить логику развития русской (и, в известном плане, в целом новоевропейской) литературы XIX — нач. XX века, до «Клима Самгина» Горького. Гуковский успел подготовить ещё две части этой работы, опубликованные уже посмертно: (1) «Пушкин и проблемы реалистического стиля» (1957) и (2) «Реализм Гоголя» (1959). Представление о дальнейшем направлении работы Гуковского даёт его объемная статья 1947 года «К вопросу о стиле советского романа», которую он во второй редакции пытался опубликовать в «Новом мире»¹. Общая теоретическая рамка, освещению которой Гуковский в 1942–1943 гг. думал посвятить отдельную работу², оказалась во многом изложенной в подготовленной

¹ Гуковский, Г. А. К вопросу о стиле советского романа / Подгот. текста и коммент. Д. В. Устинова // Новое литературное обозрение. 1998, № 1 (29). С. 84–124. Статья осталась неопубликованной, поскольку в ней большое место занимал анализ «Молодой гвардии» Фадеева, ставший политически неуместным после публикации в «Правде» 3 декабря 1947 г. редакционной разгромной статьи «„Молодая гвардия“ в романе и на сцене». См. подробнее: Устинов, Д. В. Научные концепции Г. А. Гуковского в контексте русской истории и культуры XX века // Там же. С. 79–81.

² См.: Гуковский, Г. А. О стадийности истории литературы / Подгот. текста, коммент., вступ. ст. Д. В. Устинова // Новое литературное обозрение. 2002, № 3 (55). С. 106–131.

по внешнему поводу (в рамках «плановой» работы по должности сотрудника Ленинградского отделения Академии педагогических наук) и опубликованной только в 1966 г. книге «Изучение литературного произведения в школе» [Гуковский, 1966]. Первая глава «Пушкина и русских романтиков» посвящена преимущественно анализу романтизма как стиля и конструирования романтического субъекта (в связке с проблемой фигуры автора) на материале творчества В.А. Жуковского, избранный же нами фрагмент, помимо того, что ярко высвечивает названную проблематику, носит законченный композиционный характер и позволяет увидеть и оценить как конкретно-историческую работу исследователя, так и теоретическую подкладку последней.

Текст печатается по единственной прижизненной публикации: Гуковский Г.А. Очерки по истории русского реализма. Часть I: Пушкин и русские романтики. Саратов: Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 1946. С. 118–132. Подготовка текста, вступительная заметка и примечания — А.А. Тесли. Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операционная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Ключевые слова: Гуковский, формализм, литературоведение, поэтика романтизма

Для цитирования: Гуковский, Г.А. [Автор и герой в поэтике романтизма: случай Дениса Давыдова] // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 115–133.

* * *

Именно проблема характера в поэзии оказалась основной для творчества Давыдова. И здесь единый характер, обосновывавший единство и выразительность творчества Давыдова, в еще большей степени, чем у Жуковского, опирался на примышление его личной биографии. Давыдов был поэтом-партизаном, поэтом-гусаром, поэтом-воином, и это сопоставление было основой его поэзии, его образов, даже его стиля, его семантики. Стихи Давыдова и живут не сами по себе, а благодаря обязательному примышлению его биографического облика. При этом характерно именно взаимодействие биографического облика и поэзии. Биографический облик влияет на поэзию таким образом, что даже стихи Давыдова, в которых вовсе не говорится о лихих подвигах гусара на поле битвы и на дружеской пирушке, воспринимаются как стихи все того же Давыдова — рубаки и повесы, стихи о том же герое. И наоборот, самая биография Давыдова воспринимается и воспринималась современниками под влиянием его лихих, веселых, бодрых стихов. Историки литературы установили, что подлинный Давыдов вовсе не был таким лихим рубакой и забубенной головушкой³. Но даже современники, хорошо знавшие Давыдова, как, например, Вяземский, говоря о нем как о человеке, всегда говорили, в сущности, о герое его стихотворений. Таким образом, создан на основе фактов биографии Давыдова и еще более на основе его творчества определенный образ, характер, персонаж, оставшийся в памяти потомства, многократно воспетый поэтами XIX столетия, воплощенный и в живописи в знаменитом портрете Давыдова кисти Кипренского, великолепном портрете, изображающем, конечно, именно героя стихов Давыдова, героя легенды о нем более, чем реального Давыдова — офицера и литератора. А ведь на самом деле Давыдов, Денис Васильевич, некрасивый, нескладный, проживший трудную жизнь, был не так уж похож на того блистательного гусара, который так привольно принял эффектную позу на полотне Кипренского.

Давыдов стал литературным персонажем в его собственном творчестве, и от него этот персонаж перешел к другим поэтам, не ме-

³ См., например: Розанов, И.Н. Поэты двадцатых годов XIX века, М. 1925. Очерк «Денис Давыдов».

няясь, сохраняя свой характер. И дело здесь не только в поэтах — эпитонах Давыдова, Неведомском⁴ и отчасти Зайцевском⁵, повторявших его манеру, но в том, что и как целая плеяда первоклассных поэтов писала о Давыдове. Возник целый большой цикл, составленный разными поэтами, цикл стихов о Давыдове. Образ героя, характер, созданный Давыдовым, был так ярок, так поразил современников, так отвечал на требование литературы и жизни создать представление о конкретном человеке, о персонаже романа, что этот образ продолжал жить и в творчестве других поэтов в качестве персонажа некоего коллективного поэтического произведения.

К полному собранию стихотворений Дениса Давыдова, вышедшему в 1933 году под редакцией В. Н. Орлова, приложен любопытнейший подбор «Стихотворений, посвященных Денису Давыдову». Здесь помещено тридцать стихотворений, написанных: А. Пушкиным (три стихотворения), В. Жуковским (три стихотворения), П. Вяземским (восемь стихотворений), Баратынским (два стихотворения), Языковым (два стихотворения), Воейковым, Ф. Глинкой, Неведомским и др. Образ Давыдова стал известен и за границей, и он сжато и ярко запечатлелся во французском четверостишии Арно, посвященном ему. В. Н. Орлов правильно сделал, приложив к стихам Давыдова стихи о нем. В сущности, и эти стихи — отчасти его же создание. Ведь главное и лучшее творение Давыдова, основа его творчества — созданный им образ поэта-партизана; а этот образ дан не только в его стихах, но и в стихах о

⁴ *Неведомский* — имеется в виду Николай Васильевич Неведомский (1791–1853), русский поэт, вступивший в литературу в 1812 году, весьма плодовитый автор, участник журналов и альманахов 1815–1852 гг., в том числе «Телескопа», «Современника», «Москвитянина». Хотя литературная репутация его была не высока, П.А. Плетнев отзывался о нем, например, в письме к Я.К. Гроту: «Что, если бы Неведомский провёл свой век как я, между Жуковским и Пушкиным! Какого писателя увидела бы в нем Европа! Теперь он самоучка, не более» [Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетнёвым. В 3 тт. Т. 2 / Под ред. К.Я. Грота. СПб., 1896. С. 594].

⁵ *Зайцевский* — Ефим Петрович Зайцевский (ок. 1800–1861) — русский морской офицер, поэт. Печатался с середины 1820-х годов, в том числе в альманахах б. А.А. Дельвига «Северные цветы» (на 1828 и 1829 гг.), сотрудничал в «Телескопе», «Сыне Отечества», «Маяке».

Д. Давыдов написал послание «Зайцевскому, поэту-моряку» (1828):

Счастливым Зайцевский, поэт и герой!
Позволь хлебопашцу-гусару
Пожать тебе руку солдатской рукой
И в честь тебе высушить чару.
О, сколько ты славы готовишь России,
Дитя удалое свободной стихии!

и т.д.

нем, являющихся как бы продолжением его стихов и дополнением к ним. И Пушкин, и Вяземский, и Баратынский оказались сотрудниками Давыдова в обрисовке его героя, они работали как бы по его плану, по его творческим наметкам, даже его стилем. Недаром почти все стихи о Давыдове написаны как стилизация его лихой манеры, его языка, его мотивов. Тут и обязательные усы, и раздолье, и пиры, и любовь пополам с пирушкой, и сабельные удары, и весь гусарский наряд, и залихватский слог Давыдова, — и второй герой его стихов — Бурцов, дублирующий первого и основного, самого Давыдова.

Денису Давыдову удалось создать яркий и очень точно очерченный образ героя своих стихотворений, образ самого себя, и в этом образе элементы его биографии нерасторжимо переплелись с чертами его поэтического персонажа. Если мы обратимся к его собственному творчеству, то убедимся, что этот образ обуславливает восприятие каждого отдельного его стихотворения. Он возникает именно из суммы его стихотворений, в значительной степени между стихотворениями. Он не заключен полностью ни в одном из отдельных стихотворений, и каждое из них дополняет все остальные. В итоге творчество Давыдова — это некий цикл связанных друг с другом произведений, тяготеющий к превращению в единое большое произведение, в поэму о поэте-гусаре, поэте-воине и гуляке. Чрезвычайно характерно построение этой единой «поэмы». Стихотворения в своей сумме не излагают связный сюжет, биографию. Они фиксируют лишь отдельные моменты состояний и психологической жизни героя, вспышки энтузиазма, или тоски, или любви, или вдохновения. Сам читатель должен построить из этих вспышек единую картину, заполнив пробелы между стихотворными лирическими эпизодами своим воображением. Такая композиция единства поэмы хорошо известна нам. Это то самое, что в применении к байроническим поэмам Пушкина В. М. Жирмунский⁶ [Жирмунский, 1924] назвал «вершинной» композицией; это — принцип построения лирической поэмы Пушкина. Само собой разумеется, что Пушкин воспринял этот характернейший романтический принцип у Байрона. Но самое восприятие его у Байрона было подготовлено формированием того же принципа в лирических циклах русских романтиков, в частности, у Давыдова и Жуковского; потому что ведь и циклизация поэзии Жуковского строится тем же «вершинным» образом. Романтический стиль приводил к одинаковым эстетическим исканиям и в Англии, и в России. Байрон в поэмах, Жуковский в лирике тоски одинокой души, Давыдов в лирике буйного веселья и воинского подвига приходили к одним и тем

⁶ Напомним попутно, что Жирмунский был университетским наставником Гуковского, оценившим необычного первокурсника — см.: *Серман, И.З.* Пути и судьба Григория Гуковского // *Новое литературное обозрение.* 2002, № 3 (55). С. 54, 59.

же принципам поэтики, потому что было нечто, существенно общее в их мировосприятии. «Вершинная» же композиция действительно характерна для романтического метода, который стремится сделать слово прозрачным, — так, чтобы через него читатель видел душу, сделать слово намеком, вызывающим ответное творчество воображения читателя. Не заключить тему в словах, а вызвать тему в сознании читателя словами — к этому стремится поэт-романтик. И Пушкин, в вершинной композиции своих поэм следуя Байрону, в то же время подводил итог исканиям в области построения образа героя, романтического характера целого ряда поэтов эпохи романтизма, и, конечно, в том числе и в первую очередь — русских поэтов.

Возьмем окончательный текст стихотворного наследия Дениса Давыдова в издании 1840 года, подготовленного им самим еще в 1836—1837 годах. Это издание (том I, содержащий стихотворения) в самом деле как бы единая книга, поэма или роман об одном человеке. Начинается построение этого единства с титульного листа, на котором помещена гравюра: гусары ночью в сарае (видимо, в военной обстановке) выпивают из ковшиков, курят и веселятся. Это — зрительный образ, иллюстрирующий стихи; тут нарисовано то, что воспето в книге; тут и гусарские усы, и ментики, и кивера, и трубки с дымом, все то, что памятно по стихам Давыдова. И о чем бы ни шла речь в стихах, помещенных после этой картинки, — о любви ли или о томлении скуки, — все равно образ гусара, лихо выпивающего на биваке, образ, нарисованный на титуле, будет стоять за этими стихами. Эта гравюра — эпиграф к книге, ее лейтмотив, ее основа. Далее идет предисловие от издателя и «Очерк жизни Дениса Васильевича Давыдова», написанный его другом — генералом О. Ю. О—м. Известно, что этот самый друг — генерал Ольшевский — ни сном ни духом не виноват в написании этого очерка; автор его — сам Давыдов, как, без сомнения, он сам написал и предисловие «от издателя». В биографии Давыдов превознесен. Поэтому Давыдов опубликовал ее как чужое произведение; но он, как справедливо указал В. Н. Орлов, «сделал все возможное, чтобы читатели разгадали его мистификацию» еще в первых ее публикациях в 1828 и 1832 годах. И читатели разгадали ее, что засвидетельствовано рецензиями на нее [Давыдов, 1933]. Зачем же все это надо было? А затем, что Давыдову необходим был рассказ о герое его стихов, чтобы еще крепче объединить их, ему нужен был очерк, дающий связную характеристику героя, так как он не надеялся полностью на способность самого читателя построить из его стихов единый образ. А без этого единого образа стихи теряли полноту своего смысла. Этот образ — главное в них. И вот Давыдов учит читателя. Он сам проделывает за него работу его воображения, сам суммирует стихи в единый образ и показывает его. При этом он показывает его в прозе, сохраняя тем самым для стихов, то есть для самого поэтического комплекса, вершинность композиции, принципиально

необходимую для его метода. Прозаический очерк входит в построение книги, оставаясь комментарием к ней или введением, объясняя ее поэтическую сущность. Он написан в стиле стихов, суммирует мотивы стихов, но он — не сами стихи, а придаток к ним. Ту же роль в меньшем объеме играет предисловие от издателя.

Именно потому, что «Очерк жизни» (как и предисловие) является объяснением стихов, он и не был настоящей биографией Дениса Давыдова, а биографией его поэтического героя. Именно поэтому он так явно искажал факты реальной жизни и облик реального характера Давыдова-человека. Но никакой лжи здесь не было, так как не о Давыдове-человеке, а о герое стихов, о характере, созданном в стихах, шла в нем речь. Поэтому бессмысленно уличать Давыдова во лжи в его автобиографии, — потому что его «Очерк» — не автобиография, а элемент композиции книги о поэте-гусаре, связанном с представлением о реальном Давыдове и носящем его имя, но не сводимом к нему: это *Wahrheit und Dichtung*⁷ о Денисе Давыдове. Столь же бессмысленно удивляться хвастовству Давыдова в «Очерке». Давыдов вовсе не хвастун, но герой его стихов — положительный герой, свободомыслящий, смелый человек, презирующий и ханжей александровского царствования, и бюрократов николаевского, презирующий лицемерие «высшего света» и насилие над человеком; это — человек, заявляющий о своем праве на веселье, на храбрость, на независимость, по-своему протестующий, и это — герой в народной войне. Именно о положительном герое написан «Очерк жизни», и естественно, что в очерке этот герой дан в положительных тонах. Давыдов хвалит не себя, а своего героя, свой идеал, которому он, может быть, хотел бы следовать и в жизни. Поэтому-то возникала необходимость псевдонима для «Очерка жизни», чтобы не было подозрения в хвастовстве; а с другой стороны, необходимо было сохранить единство «Очерка» и самих стихов, и отсюда — читатель должен был знать, что это — части одной книги одного автора.

Итак, уже вводный материал Давыдова строит образ единого героя его творчества, строит его и материалом, изложенным в нем, и самым стилем, бойким, залихватским, весело остроумным. Вот как повествуется об этом герое в «Очерке жизни Д. В. Давыдова»:

«В 1804 году судьба, управляющая людьми, или люди, управляющие ее ударами, принудили повесу нашего выйти в Белорусский гусарский полк, расположенный тогда в Киевской губернии в окрестностях Звенигородки. Молодой гусарский ротмистр

⁷ *Wahrheit und Dichtung* — «Поэзия и правда» (нем.), название мемуарного труда И. В. Гёте, в широком смысле — художественное преобразование действительности (при этом с сохранением отсылки к документальности).

закрутил усы, покачул кивер на ухо, затынулся, натянулся и пустился плясать мазурку до упаду...

...Под Гродном нападает он на четырехтысячный отряд Фрейлиха, составленный из Венгерцев: — Давыдов в душе гусар и любитель природного их напитка: за стуком сабель застучали стаканы и — город наш!

Тут фортуна обращается к нему задом. Давыдов предстает пред лицом (характерный сатирический выпад. — Гр. Г.) генерала Винценгероде и поступает под его начальство...

...В 1819 году он вступает в брак; а в 1821 году бракует себя из списков фронтовых генералов и поступает в список генералов, состоящих по кавалерии...»

О своем творчестве Давыдов говорит в том же тоне; он говорит о признании своих произведений: «При всем том Давыдов не искал авторского имени и как приобрел его — сам не знает. Большая часть стихов его пахнет биваком. Они были писаны на привалах, на дневках, между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн; это пробные почерки пера, чинимого для писания рапортов начальникам, приказаний подкомандующим.

Стихи эти были завербованы в некоторые московские типографии тем же средством, как некогда вербовали разного рода бродяг в гусарские полки: за шумными трапезами, в винных парах, среди буйного разгула. Подобно Давыдову, во всех минувших войнах, — они, во многих минувших журналах, являлись наездниками, поодиночке, наскоком, очертя голову, день их был век их, и потому никогда бы не решился он на собрание этой рассеянной вольницы и на помещение ее на непереносимые квартиры у книгопродавца, если б добрые люди не доказали ему, что одно и то же покоиться ей розно или вместе».

Здесь характерна и легкость тона, и военные образы (рубака-гусар и о стихах говорит своим гусарским языком), и самая «стилизация» фактов. Конечно, совсем не на привалах писаны стихи Давыдова, а «между двух войн»; Давыдов очень ловко сказал это «между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн»; это звучит так, как будто бы между двух войн не проходят годы. На самом же деле Давыдов был профессионалом-писателем, очень серьезно работавшим над своими произведениями и относившимся к ним ревниво; известно, какой шум он поднял, когда Сенковский⁸ отредактировал

⁸ Сенковский — Осип Иванович Сенковский (Józef Julian Sękowski, 1800–858), русский востоковед, профессор Петербургского университета, в 1834–1847 гг. — редактор «Библиотеки для чтения» (и популярнейший беллетрист и критик, наиболее известный под псевдонимом «барон Брамбеус»).

ему неудачно одну фразу в его прозаическом очерке, появившемся в «Библиотеке для чтения». Так вот, читатель книги Давыдова, ознакомившись с «Очерком жизни», уже имел понятие о лирическом герое его стихов. И затем, когда он приступал к чтению самих стихов, они воспринимались, как признания именно этого героя. И тогда, когда перед ним было просто любовное стихотворение, оно звучало не как обычное признание в любви, а как признание в любви гусара, того самого лихого усаца, разнежившегося и влюбленного. Так и построен том 1840 года. После «Договоров» идут «залетные» гусарские послания: «Бурцову» («Призывание на пунш»), «Бурцову», «Гусарский пир», «Решительный вечер гусара» и т. д. в том же духе; после дюжины таких стихотворений, — «Жестокий друг».

Жестокий друг! за что мученье? —
Зачем приманка милых слов?
Зачем в глазах твоих любовь,
А в сердце гнев и нетерпенье?
Но будь спокойна только ты,
А я, на горе обреченный,
Я оставляю все мечты
Моей души развороженной...
и т. д.

Роман развивается; гусар влюбился, — и целый цикл стихотворений говорит о его любви; гусар нежен, лиричен; но нет-нет, а прорвется гусарская натура.

Я вас люблю — не оттого, что вы
Прекрасней всех, что стан ваш негой дышит,
Уста роскошествуют и взор Востоком пышет,
Что вы поэзия от ног до головы.
Я вас люблю без страха, опасенья
Ни неба, ни земли, ни П(ензы), ни Москвы —
Я мог бы вас любить глухим, лишенным зренья...
Я вас люблю затем — что это вы!
Но, право, вас любить не прибегу к паспорту
Иссохших завистью жеманниц отставных —
Давно с почтением я умоляю их
Не заниматься мной и — убираться к черту!

Но и там, где совсем нет никаких «гусарских» нот, за стихами стоит образ гусара. Или же в связи с этим объединяющим книгу образом приобретает значение деталь, в другой системе несущественная, — как, например, рефрен стихотворения «Сижу на берегу потока»:

Сижу на берегу потока,
Бор дремлет в сумраке; все спит вокруг, а я
Сижу на берегу и мыслию далеко
Там, там... где жизнь моя!..
И меч в руке моей мутит струи потока.

Или же боевые детали в канонической элегии:

Нет! полно пробегать с улыбкою любви
Перстами легкими цевницу золотую;
Пускай другой поет и радости свои,
И жизни счастливой подругу молодую —
Я одинок, как цвет степей...
...О Лиза! сколько раз на Марсовых полях,
Среди грозы боев, я, презирая страх,
С воспламененною душою
Тебя, как славу, призывал,
И в пыл сраженья мчал
Крылатые полки железною стеною...
и т. д.

Или опять — «гусарские» мотивы, вплетенные в романс, например:

Чем чахнуть от любви унылой,
Ах! что здоровей может быть,
Как подписать отставку милой
Или отставку получить!..

Затем — различные темы все время переплетаются с военно-гусарскими стихами, и, наконец, сборник замыкается «Современной песней», где былой гусар-богатырь расправляется с молодежью измелчавшего века.

Сказанное выше о единстве сборника определяет существенные особенности самого стиля Давыдова. Текст его стихотворения не исчерпывает его образного содержания. Это содержание стоит за текстом, дано отчасти заранее, до текста, как результат совокупности других стихотворений. Самый же текст по романтическому принципу опирается на примышление, на воображение читателя. Но здесь важна и самая семантика Давыдова; у него отбор слов, отбор стилистических элементов текста обусловлен не только и не столько темой, сюжетом изображения, объектом его, сколько субъектом его, то есть образом самого героя поэта. Задача стихотворения — создать образ не столько того, о чем идет речь в стихотворении, сколько того, кто это стихотворение создал, или, вернее, от лица кого оно напи-

сано. Этим обусловлен и стилистический характер текста. Давыдов применяет то или иное слово-образ не потому, что оно соответствует задаче верно и ярко обрисовать объект, а потому, что оно подчинено задаче выразить характер лирического я. Слово приобретает специфическую окраску, уже не лирический ореол эмоциональных ассоциаций вообще, а функцию построения характера, обращенную на субъект речи. Получается так называемый «сказ», нечто вроде того, что — в другой, реалистической, системе — мы видим в «Повести о капитане Копейкине», где подлинным содержанием является не рассказ о Копейкине, а характеристика рассказчика-почтмейстера. Это был совершенно новый принцип поэтической речи, построение в ней образа не только по теме, но и по стилистическому характеру. Вот, например, стихотворение «Решительный вечер гусара». Оно начинается элегическими строчками, как будто не имеющими ничего гусарского: гусар замечтался; вскоре в тексте появляются гусарские мотивы, а затем гусар — весь перед нами:

Сегодня вечером увижусь я с тобою —
Сегодня вечером решится жребий мой,
Сегодня получу желаемое мною —
Иль абшид на покой.

А завтра — черт возьми! как зюзя натянуся;
На тройке ухорской стрелою полечу;
Проспавшись до Твери, в Твери опять напьюся,
И пьяный в Петербург на пьянство прискачу.

Но вот — опять мысль о любви, и опять элегия:

Но если счастье назначено судьбою
Тому, кто целый век со счастьем незнаком, —

и опять — гусар остается верен себе:

Тогда... о, и тогда напьюсь свинья свиньею
И с радости пропью прогоны с кошельком.

Почему здесь такие «грубые» слова и мотивы? Тема совсем не вызывает их. Ведь это — стихотворение о любви, и о любви сильной, настоящей. Но слова и мотивы обусловлены здесь не только темой, но и задачей характеризовать гусара-поэта, и потому — они «гусарские».

Или другой пример: стихотворение «Гусарская исповедь»; это уже не любовный монолог гусара, а медитация, размышление гусара. Тема социально-сатирическая, весьма серьезная, и гусар серьезен; он размышляет важными формулами высокой поэзии: «От юности моей

враг чопорных утех...» (Ср. у Батюшкова: «От самой юности служитель алтарей...» — «К другу») — или «Бегу вас, сборища...», или «Но не скажу, чтобы в безумный день не погрешил и я, не посетил круг модный; Чтob не искал присесть под благодатну тень», — так и ждешь пальмы или платана. Но гусар остается гусаром:

Чтob не искал присесть под благодатну тень
Рассказчицы и сплетницы дородной...

В целом стихотворение это, конечно, серьезное и не лишённое политических нот размышление, это — сатира, но и оно рисует гусара, того же гусара в его сатирическом пафосе более, чем общество; вот его начало и конец:

Я каюсь: я гусар давно, всегда гусар,
И с проседью усов все раб молодой привычки;
Люблю разгульный шум, умов, речей пожар
И громогласные шампанского оттычки.
От юности моей враг чопорных утех,
Мне душно на пирах без воли и распашки.
Давай мне хор цыган! Давай мне спор и смех,
И дым столбом от трубочной затяжки!

...Но то набег, наскок — я миг ему даю,
И торжествуют вновь любимые привычки,
И я спешу в мою гусарскую семью,
Где хлопают еще шампанского оттычки,
Долой, долой крючки, от глотки до пупа!

Где трубки? — Вейся, дым, на удалом раздолье!
Роскошествуй, веселая толпа,
В живом и братском своеволие!

Для Давыдова нет слов «низких» или «высоких», нет стиля неприличного для предмета; для него все слова хороши, если они характеризуют героя — носителя его лирики (субъект ее), а предмет для него менее существен. Так в его поэзию включаются непечатные слова, и это не делает ее чем-то «нелитературным» и грубым, а это — характеристика его героя. И все это вырастает на основе автораскрытия субъекта лирики, на основе романтического метода слов, обращенных вовне себя, и на основе поглощения объекта изображения его субъектом.

Здесь, однако, следует сделать существенное замечание и всячески подчеркнуть его. Дело в том, что романтизм дает трещину в творчестве Давыдова, хотя оно целиком построено на принципах роман-

тизма. Романтизм здесь уже готов сам отрицать себя. Субъективность индивидуального сознания сама по себе превращается в объект, тяготеет к выявлению своей объективности.

В самом деле, искусство не может существовать без объекта. Стремление романтизма преодолеть объективность было безнадежно. Сама душевная жизнь автора-героя, становясь подлинной темой произведения, тем самым становилась объектом, объективным фактом изображения. У Жуковского эта тенденция развития романтизма не определилась вполне ясно, — и это было связано с пассивностью неприятия им мира, с его бегством от мира, с его политическим скептицизмом и консервативностью. Но Давыдов не мог и не хотел витать в небесах душевной мечты. Он был человеком и поэтом, оппозиционным по отношению к правительству, он был натурой активной, он любил жизнь и хотел драться за нее и против негодяев, отравляющих ее. Его сознание развивалось в русле дворянской оппозиционности начала века, а потом — под влиянием околodeкабристских кругов. И его творчество было яркой, смелой вспышкой задорного протеста против монастырских уставов феодальной реакции. Отсюда и нежелание Давыдова уйти от жизни. Отсюда и то, что его субъективизм не имеет характера бегства от объективной жизни в мир душевных настроений и мечтаний. Но Давыдов «бунтует» во имя права человека на личное здоровое веселье, мужество, задор. Его мировоззрение все-таки индивидуалистично, и его метод отмечен печатью этого индивидуализма, культа личности. Все же разница между романтическим индивидуализмом Жуковского и индивидуализмом Давыдова, также вырастающим на почве романтизма, та, что субъект у Жуковского — душа, у Давыдова — душа и плоть, даже быт, даже профессия, пусть условные, но все же существующие. Это можно выразить так: стилистический метод Жуковского направлен на создание представления о душевной жизни; стилистический метод Давыдова направлен на создание представления о характере; характер, построенный поэзией Давыдова, не безразличен в политическом смысле; он направлен на окружающую действительность, он является своеобразным протестом против нее; сам по себе его характер уже нечто более объективное, реально осязаемое, чем индивидуальная душевная жизнь; но если он при этом активно соотносится с внешней действительностью, с отрицаемой им социальной действительностью, он тем самым в еще большей степени включается в эту «внешнюю» действительность, он получает некоторую долю объективности. В самом деле, герой лирики Давыдова — не вообще чувствующий человек, а русский гусар времени Давыдова. В отличие от лирического я поэзии Жуковского, он имеет быт, условно замкнутый в кругу кавалерийских наскоков на врага, пирушек и любви; имеет внешность и одежду — усы, кивер, ментик, ташку; имеет внешнюю повадку и свой специфический язык, грубовато-залихватский, но откровенный, прямой, простодуш-

ный и в любви, и в веселье, и в бою. Таким образом происходит как бы объективизация героя, выход его из чисто душевной сферы во внешнюю объективную жизнь. У Давыдова этот выход только намечен и не реализован принципиально. Включение его героя в объективный мир дано схематично — при помощи немногих условных черт; его герой не движется, не меняется; он бывает влюблен, бывает пьян, но он — все тот же единый и довольно примитивный характер; отсутствие изменения, движения явно отличает этот характер от реалистических характеров — типов. Да ему и не от чего двигаться и меняться, так как и он не объяснен «внешней» действительностью, даже не окружен ею; он соотнесен с нею, и только. В этом Давыдов, конечно, еще романтик. Его герой наличием внешней характеристики, быта и т. п. напоминает эмпирическую манеру Державина. Давыдов в самом деле соединяет в себе Жуковского с Державиным, соединение почти парадоксальное, но приведшее к положительному результату, хотя и не к реализму. Он суммирует внешнего человека-личность Державина с внутренним человеком-личностью Жуковского; соединение внешнего и психологического должно бы, кажется, дать полноту реального представления о человеке, — и не дает его. Не дает потому, что здесь мало арифметической суммы. Проблема заключалась в том, чтобы объяснить и внешнего и внутреннего человека из фактов и явлений более мощных, чем личность, из истории общества, народа; это и была проблема, разрешенная Пушкиным. Давыдов же остался в пределах личности, себе довлеющей и ни от чего не зависящей, то есть в пределах романтического мировоззрения.

А все же поэтическое творчество Давыдова было характерным этапом в развитии романтизма именно в смысле выявления его противоречий и тенденции этих противоречий обнаруживать реалистическую проблематику, подводить к перелому, к рождению реализма, к пушкинскому творчеству 1820—1830-х годов.

Здесь следует внести весьма важное ограничение. Все, что было сказано о поэзии Давыдова в отношении к проблеме построения характера в ней, полностью применимо лишь к сборнику, изданному в 1840 году и подготовленному автором в 1836—1837 годах. Именно в этой книге Давыдов построил материал своих стихотворений таким образом, что получился единый образ героя, предопределяющий восприятие каждого отдельного произведения. Между тем это было сделано уже тогда, когда Пушкин завершил свой творческий путь, когда реализм воплотился уже в «Евгении Онегине», в «Борисе Годунове», в ряде шедевров Пушкина. И нет сомнения, что именно реалистические победы Пушкина повлияли на проявление тенденции к объективации характера и в творчестве Давыдова. Иначе говоря, достижения Давыдова в этой области были отчасти следствием пушкинского творчества. Тем не менее тенденция, окончательно реализовавшаяся в издании сочинений Давыдова 1840 года, была свойственна его

творчеству с самого начала. В 1810—1820-х годах Давыдов печатался немного. Конечно, его стихотворения, попадая в печать изредка и появляясь в журналах поодиночке, не могли с такой яркостью суммироваться в единый цикл и в совокупности своей создавать единый образ. Но они все же соотносились с биографической легендой о Давыдове, широко известной. Кроме того, основные стихотворения Давыдова, как раз те, которые не печатались, его гусарские «залетные» стихи, были чрезвычайно распространены в списках, и они тем более связывались с легендарным образом гусара-партизана; в свою очередь, они влияли на восприятие печатных стихов. Так единство образа возникало еще до появления сборника Давыдова, хотя и в менее отчетливом виде. Только в 1832 году появилась книжка «Стихотворений Дениса Давыдова», уже с предисловием «От издателя» и с автобиографией, названной здесь «Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова». Однако этот сборник мог только помешать созданию единого образа героя; видимо, Давыдов еще в 1832 году сам не осознал значения этого образа для полноценного восприятия его стихов читателем. Или, вернее, он не смог еще преодолеть влияния традиции: сборник 1832 года расположен в основном по жанрам; сначала идут элегии (пять стихотворений), затем раздел «Мелкие стихотворения»; без особой внутренней связи идут одно за другим различные стихотворения (всего 36 пьес); при этом, в отличие от сборника 1840 года, основные гусарские стихи отнесены в конец книги, видимо, как произведения более «низкого» жанра, чем, например, элегия. Тем самым конструкция цикла разрушается. И лишь к концу жизни Давыдов окончательно оформил в композиции своей книги те тенденции, которые издавна определяли направление его творческих исканий⁹.

⁹ В 1825 году не все читатели ощущали характер певца-гусара как субстрат и основу поэзии Давыдова. В одной статье «Московского телеграфа» за этот год сказано: «О вине и лени не написано фолиантов, а несколько приятных и замысловатых пьес, столько же украшающих нашу поэзию, сколько оды Анакреоновы украшают поэзию Греческую. В этом роде песни Давыдова имеют достоинство необыкновенной народности. Батюшков исполнен истинной неги. Пушкин не уступает Катулле в живом описании наслаждений». Видимо, автор не отделяет образ Давыдова от других, не видит в нем его специфики («Московский телеграф», 1825, ч. II, стр. 71—72 — «О критике г-на А. Ф. на русскую поэзию»). Впрочем, в том же журнале и в том же году напечатана статья, автор которой отчетливо ощущает биографический субстрат поэзии Давыдова; это рецензия на «Разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона» Давыдова («Московский телеграф», 1825, ч. III, стр. 159); здесь говорится, что между нашими «воинами-писателями» «как звезда блесит имя Д. В. Давыдова. Если можно толковать пророчество Суворова, Д. В. точно выиграл три сражения: быв ужасом врагов на полях брани, он был победителем своих соперников в Эротической Поэзии: в мире лира его пленяла нас звуками очаровательной задумчивости, пылкой страсти; на снежных биваках, в таборах воинских

Я остановился на вопросе о формировании образа лирического героя в творчестве Дениса Давыдова и потому, что этот вопрос существен далеко не только для Дениса Давыдова. Это была одна из проблем, выдвинутых романтизмом и не решенных им, — проблема человека, личности. Жуковский с его интроспективным психологизмом поставил эту проблему. Она выдвигалась всем ходом развития литературы и культуры в целом. Давыдов разрешает ее, — и, конечно, далеко не полно, в плане внешнего соединения державинских завоеваний с методом Жуковского. В 1820-х годах эта же проблема будет стоять перед пропагандистами наследия Веневитинова, его друзьями-любомудрами. С этим поэтом произошла замечательная история: он получил полное (в меру возможностей позднего романтизма) бытие как поэт лишь после своей смерти. Пока он был жив, он писал стихи и статьи, некоторые из них печатались, — и это были только отдельные произведения поэта, не слишком оригинального, повторяющего романтический шаблон в духе школы Жуковского, с некоторой акцентировкой философских деклараций шеллингианского направления; впрочем, эти декларации не могли ни овладеть целиком его творчеством, ни определить его стиль; и мотивы и стиль его поэзии были несамостоятельны¹⁰. Но сразу после его смерти все изменилось. Вышел сборник его произведений в стихах и прозе (М. 1829–1831, 2 ч.), изданный друзьями; сборник открывался небольшой статьей-очерком о рано умершем поэте-философе, дававшим основу для восприятия всего следующего за ним в книге. Другое предисловие было предпослано второму тому. Образ юноши поэта-философа, любомудра, мечтателя и патриота был создан отчасти уже этими введениями к книге, — а затем все содержание ее должно было восприниматься как единство, и любовные стихи без всякой философии звучали как стихи о любви философа, а любой, даже весьма скромный, намек на размышление в стихах воспринимался как проявление большой концепции русского шеллингианства. Таким образом, в результате композиции книги и тенденций, выявленных в литературе этого времени, перестраивалась самая семантика стихотворений Веневитинова. Его статьи влияли на смысловую структуру его стихов, — и все это вместе приобретало особый трагический оттенок из-за того, что

раздавались его залетные песни, лихие послания»; тут не только объединение поэзии в образе героя-автора, не только полное усвоение признаков стиля — образа Давыдова, но и соединение элегической поэзии его с «залетной» в единстве человеческого характера.

¹⁰См. Гинзбург, Л. Я. Опыт философской лирики. «Поэтика», вып. V, Л. 1929. Попытка доказать глубокое своеобразие Веневитинова в статье о нем В. Л. Комаровича (предисловие к изданию стихотворений Веневитинова, 1940), статья, впрочем, очень ценной, неубедительна.

читатель уже знал о слишком ранней смерти героя и автора книги, поэта-философа. Так создавалась легенда о «жертве вечерней» кружка Любомудров, о восхитительном юноше не от мира сего, который не мог жить в страшном мире реальности, легенда, во многом вполне соответствовавшая действительности, но все же повествующая более о герое книги Веневитинова, чем о нем самом (а ведь книгу создал не только он сам, но и его друзья после его смерти). Образ Жуковского, как он жил от Плетнева и до Веселовского, образ Дениса Давыдова, образ Веневитинова — это все явления одного порядка; это образы, сотканные из элементов творчества и элементов биографии в некоем единстве, подчиненном, однако, законам романтизма, выраженного в творчестве этих поэтов, и все же стремящемся выйти за пределы романтизма.

Литература

1. Гуковский, Г.А. Изучение литературного произведения в школе. (Методологические очерки о методике). М., Л.: Просвещение, 1966.
2. Давыдов, Д., Полное собрание стихотворений. Л.: 1933.
3. Жирмунский, В.М. Байрон и Пушкин. Л.: 1924.

Grigory Gukovsky

[The protagonist and the author in the Poetics of Romanticism: a study of Denis Davydov]

Grigory Alexandrovich Gukovsky (1902–1950) — Soviet philologist, representative of the ‘Young Formalists’ in the 2nd half of the 1920^s, made a great contribution to the study of Russian literature of the 18th century (2nd half of the 1920^s — 1930^s), in the 1940^s developed a stadial concept of the development of the modern literature on the material of Russian literature of the 19th — early 20th centuries. From 1929 to 1949 he was an employee of the Pushkin House of the USSR Academy of Sciences, from 1937 — Doctor of Sciences (for the book ‘Essays on the History of Russian Literature of the XVIII century’). From 1935 to 1949 (with a break in 1944–1947) — professor at the Leningrad State University (in 1939–1944, 1947–1949 — head of the Department of Russian Literature). In 1942–1946 — Professor at Saratov University. In 1949, as part of the campaign ‘to combat cosmopolitanism’ he was arrested, died of a heart attack in Lefortovo prison in April 1950. Among his most famous students were G. P. Makogonenko and Y. M. Lotman.

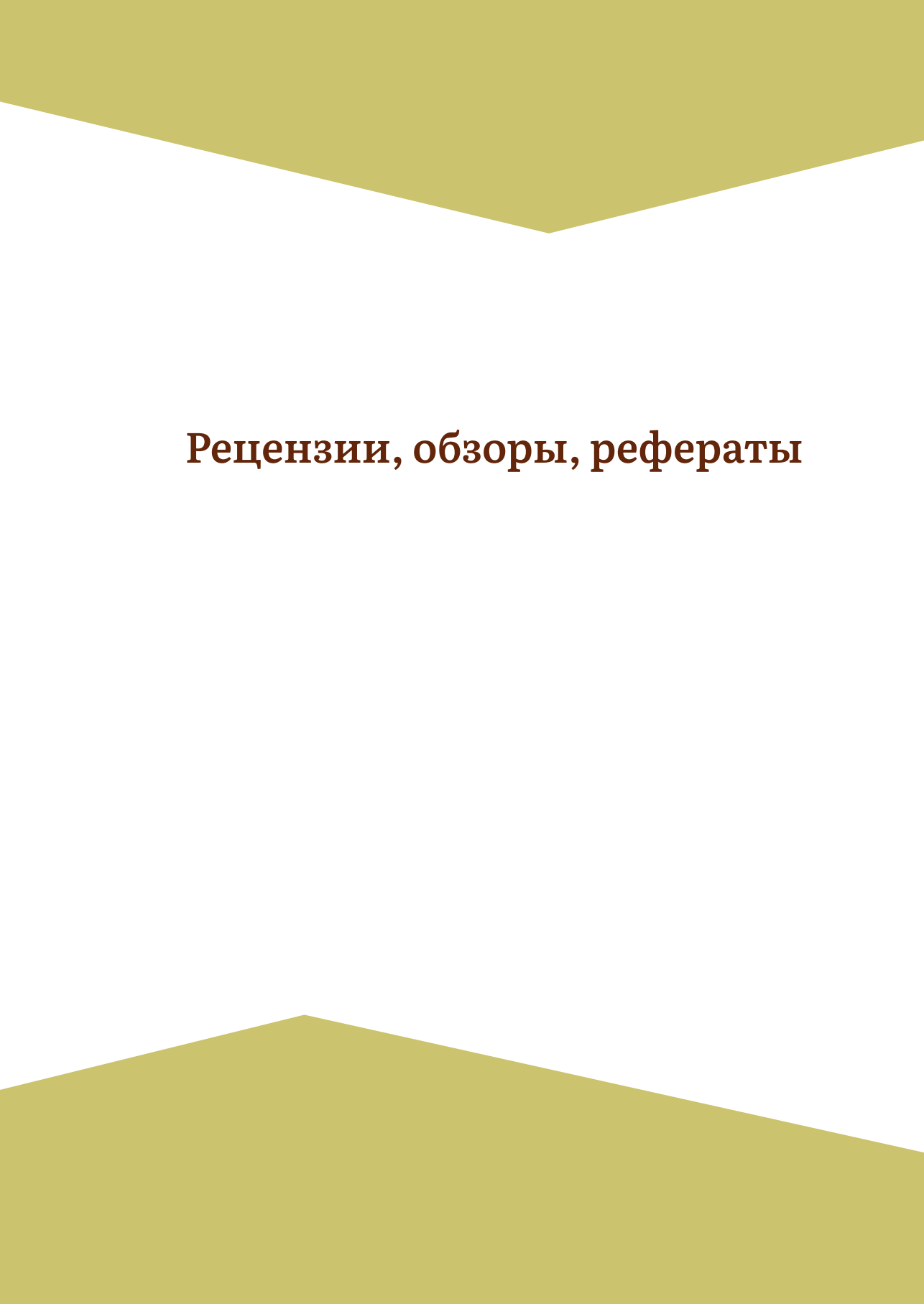
Abstract: The published text is a fragment of the 1st chapter of G. A. Gukovsky’s book «Pushkin and the Russian Romanticism», first published by the Saratov University Press in 1946. The book was released by the author as the first part of “Essays on the History of Russian Realism”, a widely conceived study designed to outline the logic of the development of Russian (and, to a certain extent, New European) literature in the 19th and early 20th centuries. XX century, before Gorky’s «Klim Samgin». Gukovsky managed to prepare two more parts of this work, which were published posthumously: (1) “Pushkin and the Problems of Realistic Style” (1957) and (2) “Gogol’s Realism” (1959). An idea of the further direction of Gukovsky’s work is given by his voluminous 1947 article «On the Question of the Style of the Soviet Novel,» which he tried to publish in the New World in the second edition. The general theoretical framework, to which Gukovsky in 1942–1943 thought to devote a separate work, turned out to be largely outlined in the externally prepared (as part of the «planned» work as an employee of the Leningrad Branch of the Academy of Pedagogical Sciences) and published only in 1966 in the book «The study of literary works in school» [Gukovsky, 1966]. The first chapter of Pushkin and the Russian Romanticism is devoted primarily to the analysis of Romanticism as a style and construction of a romantic subject (in conjunction with the problem of the author’s figure) based on the material of V. A. Zhukovsky’s work, while our selected fragment, in addition to vividly highlighting the aforementioned issues, has a complete compositional character and allows us to see and evaluate the specific historical work of the researcher and the theoretical underpinning of the latter.

The text is printed based on the only lifetime publication: Gukovsky G. A. Essays on the history of Russian Realism. Part I: Pushkin and the Russian Romanticism. Saratov: Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky, 1946. pp. 118–132. Text preparation, introductory note and notes — A. A. Tesli. The work was carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00591 «Pragmasemantics as an interface and an operational system of semantic formation» at the I. Kant Baltic Federal University.

Keywords: Gukovsky, formalism, literary criticism, poetics of romanticism

References

1. Gukovsky, G.A. (1966) *Studying literary works at school*. (Methodological essays on methodology). M., L.: Prosveshchenie. (In Russ.)
2. Davydov, D. (1933) *The Complete collection of poems*. L. (In Russ.)
3. Zhirmunsky, V.M. (1924) *Byron and Pushkin*. L. (In Russ.)

The page features a minimalist design with two large, solid yellow geometric shapes. One shape is a downward-pointing triangle at the top, and the other is an upward-pointing triangle at the bottom. The central area of the page is white and contains the main text.

Рецензии, обзоры, рефераты

Банк, А. В.

Дневник: 1923–1928

Ред.-сост. Е. О. Ларионова, Н. Г. Охотин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. — 200 с.

Автор дневника Алиса Владимировна Банк (1906–1984) в дальнейшем станет выдающейся фигурой в византистике, с рубежа 1920-х и вплоть до кончины будет работать в Эрмитаже, много лет заведовать сектором Византии и Ближнего Востока (и сделает немало для понимания «восточного» в византийской культуре). О ней до сих пор помнят и в другой ипостаси — «аспирантской мамы» в Эрмитаже, опекавшей в статусе заведующей аспирантурой (с 1953 года) десятки молодых исследователей. Но это всё — в будущем. Что-то начнётся (как работа в Эрмитаже) совсем скоро, что-то — лишь через десятилетия. А публикуемый дневник принадлежит совсем юной девушке, которой на первых страницах только исполнилось семнадцать и она не отучилась ещё и двух месяцев в Петроградском университете.

Этот дневник довольно разнородный, есть там и «личное», в смысле интимно-женского, чувств и переживаний, есть университетские зарисовки, но центральное место всё-таки занимает учитель автора, Николай Павлович Анциферов. Он был её учителем в Тенишевском училище (которое в те годы уже успело сделаться школой за номером 15, но эту школу продолжали называть старым именем, а по крайней мере ещё выпускники первых 1920-х сами устойчиво звали себя «тенишевцами», вслед за выпускниками дореволюционной поры, среди которых и Мандельштам, и Набоков).

Но он, конечно, намного больше, чем просто учитель — он воистину наставник, как и его собственный учитель Гревс по отношению к нему. Они создавали особую, «братскую» связь (как писал Гревс Анциферову «я всегда был padre для юных и frater для одновозрастных близких» [«Я всегда любил...», письмо от 25.IX.1935]), в которой было соединение личной близости с нравственной требовательностью, включающей отношение к труду интеллектуальному — то есть где работа историка была включена в нравственный мир. Они впечатляют широтой кругозора и отношением (в первых поколениях, потом с этим начинает быть плохо совместимым зрелое советское) к труду — где есть своя историческая специальность (как у того же Гревса медиевистика), и ряд занятий, которые связаны с первой, но воспринимаются как род досуга. Так, для Гревса это его исследования о любимом Тургеневе, занятия ближней интеллектуальной историей — как долг памяти, самоописания и самопознания — то есть некое отдельное профессиональное знание, а естественное для рус-

ского историка занятие историей своего прошлого, нечто близкое к семейным воспоминаниям, работе над домашним архивом. Именно так друг всей его жизни, кн. Дмитрий Ив. Шаховской (один из отцов кадетской партии), будет десятилетиями заниматься исследованием Чаадаева, своего родственника, и в конце концов найдёт и опубликует недостающие «Философические письма...».

И в дневнике Алисы Банк (тогда совсем юной, ей на тот момент где-то 19 лет, а начинает она записывать, кстати, по прямому наставлению Анциферова, когда поступила в университет) — уникальные подробности первого ареста Анциферова в 1925 году, о котором почти ничего не известно из других источников и о котором в собственных мемуарах тот упоминает глухо, ретроспективно, в связи со вторым арестом — и в его памяти тот первый раз, видимо, оказался прочно заслонен двумя большими, катастрофическими, и выглядел «репетицией».

Опубликованный дневник — действительно личный в том смысле, что в него автор заносит волнующее её в данный момент, он ведётся без плана. Там, где Алису Банк захватят обстоятельства ареста учителя, она будет целиком погружена в попытки ему помочь и в волнения за его судьбу и судьбу его семьи, все прочие обстоятельства отступят. Там, где она поступила в университет, её глубоко поражает контраст между ожиданиями и реальностью, её поражает университет, меняющийся на глазах, где исчезают одни курсы и появляются другие, «соответствующие историческому моменту», идёт «чистка» студентов, и надежда учиться на историка рассыпается на глазах (что в итоге приведет её на отделение материальной культуры, оказавшееся спасительным благодаря возможности совмещать увлечённость историей с собственным представлением о добротном исследовании, унаследованном от учителей). На первых страницах много о школе и остатках школьного товарищества, а точнее о том, как Тенишевское училище, вслед за именем, в её глазах утрачивает и тот дух, который в нём был всего лишь год назад.

Если бы не возраст автора, можно было бы сказать, что это дневник «бывшего человека»: всё осмысленное и важное связано с тем, что было, будущее не дает надежды и остаётся лишь пытаться сохранить своё в водовороте времени — учиться жить в соответствии с собственным компасом, представлением о том, что есть настоящая наука, что есть важное и осмысленное в мире, и раз за разом пытаться найти место, расщелину в настоящем, где это можно сохранить, продолжить, пусть не так, как учителя, поскольку время изменилось, но хоть как-то, в меру сил, тебе отведённых.

Кстати, «Дневник...» сделан хорошо ещё и как образовательный проект — комментарии к нему писались в ходе проекта Школы искусств и культурного наследия Европейского университета в Санкт-Петербурге, этот проект предполагал серьёзный библиотечный поиск и архивную работу, так что в итоге комментарии получи-

лись плотные, раскрывающие массу реалий текста. Комментарии, пожалуй, самая впечатляющая часть дневника, в том числе, благодаря биографическим справкам, ведь почти у всех упомянутых в тексте «Дневника...» жизнь переломанная, при этом не важно, «из бывших» или «новых» они: важно лишь то, где конкретно и как. Кого из университета не «вычистили», кто под аресты не угодил ни в 1920-е, ни в 1930-е — ну что ж, потом война. Когда смотришь на биографию человека, который прожил лет 70–75, после войны научным сотрудником устроился, к библиотеке прибилась и проч., воспринимаешь его как редкого счастливчика, это история едва ли не счастья, даже если перед этим много чего было. Однако в основном дневник описывает мир, где целым не остался почти никто.

А. А. Тесля

Литература

«Я всегда любил преподавание, но теперь в области истории — это очень трудное дело». Письма И. М. Гревса к Н. П. Анциферову. 1934–1941 гг. / Вступ. ст., подгот. текста к публикации и коммент. И. А. Голубевой // Отечественные архивы. 2017, № 1. [Электронный ресурс] <<https://rusarchives.ru/publikacii/otchestvennye-arhivy/2693/ya-vsegda-lyubil-prepodavanie-no-teper-v-oblasti-istorii-eto-ochen-trudnoe-delo-pisma-im-grevsa-k-np-anciferovu-1934-1941-gg>> [Дата обращения] 01.02.2025.

Для цитирования: Тесля, А. А. [Рец.] Банк, А. В. Дневник: 1923–1928. / Ред.-сост. Е. О. Ларионова, Н. Г. Охотин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024 // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 135–137.

Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность

Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2024. — 462 с.

Тема, посвящённая изучению «прекариата» или «прекаризованной занятости» в научной академической отечественной литературе всё больше набирает свой интерес (эту тенденцию особенно легко отследить, зайдя в систему РИНЦ). Очередным новым произведением в данном ключе стала долгожданная коллективная монография под редакцией члена-корреспондента РАН Ж. Т. Тощенко «От прекарной занятости к прекаризации жизни».

Напомним читателям, что рецензируемая монография коллективная, но (не в обиду её авторам, а их здесь насчитывается, аж девятнадцать человек) роль первой скрипки играет Ж. Т. Тощенко (р. 1935), и кто проявляет интерес к исследованию класса прекариата, прекрасно помнит, что данное имя — синоним качества научного академического продукта высокого уровня. Его авторские или вышедшие под его редакцией работы являются всегда актуальными, своевременными и полезными (причём не только для представителей социологии, но и других гуманитарных наук).

Настоящая коллективная монография подвела логический итог реализованного гранта «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» (РНФ, проект № 18-18-00024, исследование проведено коллективом РГГУ, под научным руководством — Ж. Т. Тощенко).

Переходя от общих базовых вводных моментов, остановимся и дадим характеристику структуры (оглавления) рецензируемой нами работы. Итак, работа состоит из предисловия (Г. А. Тосунян), введения (Ж. Т. Тощенко), двух частей, включающих в себя совокупно 16 глав, заключения, трёх приложений (где представлены иллюстрационные табличные эмпирические данные всероссийских социологических исследований коллектива социологов РГГУ 2012–2022 годов).

В новой работе авторским коллективом даётся основательное развитие ранее намеченных тем [подробнее см.: Тощенко, 2018], идей, подходов которые не были реализованы в силу различных объективных на то причин. На ранее вышедшие работы смотрите подборку рецензий [Козин, 2021; Козин, 2022; Козин, Жидяева, 2023].

В предисловии к произведению академик РАН Г. А. Тосунян весьма высоко оценил данное произведение, дал положительную оценку колоссальной работе, проделанной научным коллективом авторов из разных ведущих социологических организаций в России. В завершении предисловия академик РАН Г. А. Тосунян резюмирует следую-

щее: «читателю предложено обстоятельное, продуманное и взвешенное описание и объяснение жизненного мира россиян-работников...»

В главе 1 «Жизненный мир, эволюция смыслов и его особенности в современной России» Ж. Т. Тощенко был дан массивный и вместе с тем точный исторический и философский обзор развития воззрения, относящегося к жизненному миру. Как указывает сам Ж. Т. Тощенко, весомую роль здесь сыграли такие именитые зарубежные учёные, как А. Шюц, Э. Гуссерль, Д.Э. Дюркгейм, Ю. Хабермас, работы которых по-прежнему пользуются безоговорочным авторитетом, и время от времени переиздаются на разных языках. «Жизненный мир — это единство объективного и субъективного, — пишет Ж. Т. Тощенко, — что в социологической интерпретации предполагает синтез реального общественного сознания ... действительного поведения людей; условий, в которых они реализуются».

Главу 2 «Динамика труда и трудовых отношений работников производства: состояние, тенденции, проблемы» Р. А. Анисимов посвятил развитию труда и трудовых отношений работников на производстве. Здесь даётся множество интересной и вместе с тем актуальной информации для размышления. Данная глава базируется на массиве не только лишь теоретических научных работ, но и базе эмпирических исследований. Отмечено и рассмотрено то, как знаковые события, подобно таким, как пандемия Covid-19 и СВО, влияли на как в целом труд в нашей стране, так и на конкретные сферы экономики.

Весьма интересной для читателя, как нам кажется, может быть, глава 3 «Трансформации занятости в России и за рубежом». Здесь А.В. Поповым и Т.С. Соловьёвой даётся освещение целой палитры многообразия трансформаций, царящих в занятости населения. По мнению авторов, трансформация (изменения) занятости совершаются и даже на мотивационном уровне. Схожей позиции по этому поводу придерживаются и С.В. Козин, Р.Р. Закиева, Т.П. Жидяева [Козин, Закиева, Жидяева, 2021].

Подчеркнём, что это имеет самое прямое отношение к представителям «молодого поколения, которое предпочитает работу в творческой и инновационной среде, а в профессиональном отношении ориентировано на ближайшее будущее, а не на длительную перспективу». Далее авторами даётся разбор существующих в данное время форм занятости. В завершении, обобщая научную литературу и статистику, А.В. Попов и Т.С. Соловьёва утверждают: «Одним из наиболее значимых вызовов трансформации занятости является процесс прекаризации <...> проблема прекарности является достаточно многогранной и всеобъемлющей» (курсив авторов).

В главе 8 «Работники сельского хозяйства: противоречия социального положения» И. О. Шевченко рассматривается, на наш взгляд, одна из наиболее интересных и фактически неизученных тем, которой последнее время активно занимаются С. В. Козин и Т. П. Жидяева.

ва. В данной главе речь идёт о важности работников сельского хозяйства, которые тоже «попали» в новые (не)стандартные формы труда. Пожалуй, не для кого не будет секретом, что отечественное сельское хозяйство существенно пострадало от проводившихся в 1990-ых годах реформ, о чём ранее писали, например, в своих научных работах В. Г. Виноградский, Ж. Т. Тощенко, О. П. Фадеева, П. П. Великий, С. В. Козин и другие. Автор данной главы затрагивает множество количественных и качественных показателей: численность населения (прирост/убыль), кадровый состав и т. д.

Перелистывая очередную страницу произведения, остановимся подробнее на главе 9 «Профессиональное образование в жизненном мире россиян: состояние и перспективы». Она представляет собой глубокий анализ роли образования в развитии общества и личности. М. Б. Буланова подчёркивает, что образование является ключевым фактором успешной социализации и самореализации индивида, а также укрепления интеллектуального потенциала нации. Проблема удовлетворённости жизнью и целям работников со средним профессиональным образованием (СПО) по сравнению с работниками с высшим образованием (ВО) описана в параграфе «Социально-психологическое состояние работников со средним и высшим профессиональным образованием». Исследования показывают снижение общей удовлетворённости жизнью у работников СПО, а также увеличение страхов и опасений, связанных с будущим. Обращаясь к данным исследования 2021 года, проведённого Институтом социологии ФНИСЦ РАН (руководитель проекта — М. К. Горшков, академик РАН) отмечается следующее: среди молодых специалистов, окончивших вуз в 2017–2021 году и трудящихся на предприятиях и в учреждениях, обладают дипломом бакалавра — 42,9%, специалиста — 25,8%, магистра — 30,6%, учёной степенью — 0,7%.

Так среди целей, которые хотят реализовать работники со средним профессиональным образованием, преобладают стремление к обеспечению благополучия себя и своих близких и удовлетворение экзистенциальных потребностей. Данный блок может быть интересен специалистам в области образования, экономики и социальной политики, а также исследователям, занимающимся проблемами получения среднего специального и высшего образования в России.

Читая заключение можно выделить ряд ключевых моментов, которые пытается довести до читателя автор:

1. В России наблюдается изменение восприятия профессионального образования как стратегического ресурса общества.
2. Высшее образование становится массовым, но его качество и влияние на общественно-политическую активность личности остаются спорными.
3. Среднее профессиональное образование сталкивается с недостатками государственного финансирования и коммерциализацией обучения.

4. Высшее образование сталкивается с противоречиями между специальностями, вузовской подготовкой и трудоустройством выпускников.
5. Работники со средним профессиональным образованием имеют меньшую степень удовлетворённости работой и жизнью по сравнению с теми, кто имеет высшее образование.

В заключении даётся отражение и делается логическое обобщение всех полученных данных. Здесь, в частности говорится о том, что по своей сути «жизненный мир» выступает конструктивным определением разнообразия жизненных обстоятельств, связывающим в единое целое все проявления осознания и занятости индивидов в окружающем их мире. В работе авторами было установлено, что процесс прекаризации, — это не только проблема сугубо одной страны, в него вовлечены и другие страны. Мы искренне надеемся, что настоящая рецензия пробудит заинтересованность у читательской аудитории журнала «Пути России» к данному произведению и станет реальным стимулом к изучению многообразия данной тематики.

С. В. Козин, Т. П. Жидяева

Литература

1. Козин, С. В. Прекариат: от протокласса к новому классу. Рецензия на монографию Ж. Т. Тощенко // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 2. С. 202–208.
2. Козин, С. В. Прекариат: от становления нового класса к прекарной занятости. (Рецензия на монографию. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021 // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 2 (38). С. 134–138.
3. Козин, С. В., Жидяева, Т. П. [Рец. на кн.] От прекарной занятости к прекаризации жизни / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022 // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 177–191.
4. Козин, С. В., Закиева, Р. Р., Жидяева, Т. П. Прекариат — новый угнетённый класс XXI века? // Философия хозяйства. 2021. № 3 (134). С. 199–213.
5. От прекарной занятости к прекаризации жизни / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022.
6. Тощенко, Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.

Для цитирования: Козин, С. В., Жидяева, Т. П. [Рец.] Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность. Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2024 // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 138–141.

Фишман, Л.

Неравенство равных. Концепция и феномен ressentiment

М., Издательский дом ВШЭ, 2024. — 272 с.

Ресентимент определяется как чувство враждебности к тому, кого субъект считает причиной своих неудач («врагом»), бессильная зависть, «тягостное сознание тщетности попыток повысить свой статус в жизни или в обществе». Сегодня именно ресентиментом часто объясняют рост популярности популистских движений от Brexit'a до Трампа, неприятие Востоком и Югом господства Запада и бог весть что еще. Уральский философ Михаил Фишман всесторонне исследует понятие ресентимента и приходит к довольно неожиданным выводам.

По его мнению, этот термин с самого начала использовался в преимущественно идеологических и политических целях как оружие дискредитации оппонента, а вовсе не в качестве инструмента понимания причин возникновения и распространения в обществе чувств зависти, возмущения, злобы и т. п. О ресентименте чаще всего говорят не в ситуациях, когда возможности угнетенных классов растут, а социальная мобильность ускоряется. Напротив, почва для ресентимента удобряется во времена падения влияния трудящихся и их организаций, кризиса среднего класса, снижения социальной мобильности.

Именно такие времена мы и переживаем сегодня, спустя несколько десятилетий господства неолиберальной политики во всем мире. Налицо замораживание социальной структуры, возрождение сословных перегородок, остановка социальных лифтов, прекаризация. Итак, ресентимент можно определить как «смесь негодования по поводу своего ущемленного положения и осознания неспособности его сейчас изменить». В условиях информационно-коммуникационной революции голос возмущенных масс стал слышен, как никогда ранее, и упреков в ресентименте сталократно больше.

Макс Шелер в свое время связывал ресентимент с ситуацией, когда «почти равные политические права и соответственно формальное, публично признанное социальное равноправие соседствуют с огромными различиями в фактической власти». Фишман добавляет: подобные чувства и отношения могут проявляться и между членами одного, и не самого угнетенного класса. Реконструируя историю возникновения ресентимента, он находит его истоки отнюдь не внизу общества, а на самом его верху — в феодальной аристократии. Не сочетание специфических черт личности, а положение в социальной структуре генерируют в массовом порядке «высокие, сдерживаемые втуне притязания, гордыню, не соответствующую внешнему статусу».

су». Социально обусловленная зависть характерна не для социально далеких, а для социально близких слоев. Крестьянин не завидует лорду, а вот младший сын лорда, обделенный наследством, страшно завидует старшему, унаследовавшему родовой титул, имущество, доходы и положение в обществе. Незаконнорожденный сын аристократа завидует законному, дворянин мантии — дворянину шпаги, провинциальный дворянчик — могущественному придворному, обедневший представитель некогда славного рода — вчерашнему простолюдину, милостью монарха вознесенному к вершинам социальной пирамиды.

Именно аристократия порождает ресентимент и превращает его в моду, которая со временем распространяется вниз по социальной лестнице, и в первую очередь в буржуазной среде. Дистанция между ресентиментом и бунтом весьма велика, так как в целом социальный порядок представители высших классов обычно считают справедливым; их не устраивает только их собственное место в нем. Их устремления связаны не со сломом порядка, а с исправлением якобы имеющей место в отношении лично их несправедливости.

В ряде случаев распространение ресентимента на низшие слои общества выгодно высшим классам и прямо ими поддерживается. Скажем, национализм требует отождествления интересов трудящихся с интересами их угнетателей, которые они объявляют национальными и патристическими. Верхи заинтересованы в том, чтобы низы воспринимали силу «своих» богатых и влиятельных как свою собственную, а их унижение при разделе мирового пирога со стороны их иностранных конкурентов — как унижение своей страны. Сверху вниз транслируются как чувство силы, так и чувство слабости. Если сначала элиты выдвигают иностранный образец для подражания, оправдывая тем самым необходимость для народа приносить жертвы на алтарь реформ, то затем, по мере разочарования в достигнутых результатах, они же сами свергают недавних кумиров. Солидаризация низов с элитами в ощущении национальной слабости становится их, элит, силой!

Провал модернизационных проектов в незападном мире вместо того, чтобы смести неспособные элиты, помогает им сохранить власть, если только они возьмут на вооружение антизападную риторику и призыву к поиску «собственного пути». Запад превращается в главный объект критики, но реального альтернативного проекта не выдвигается. Какая уж тут альтернатива, если само устройство мира элиты полностью устраивает, — не устраивает только их собственное место в нем! Вместо подлинной борьбы они исповедуют ожидание мести и надежды на крушение зловредного Запада. «Там, где чувство унижения и желание отомстить не достигают достаточного накала, не возникало и сильного творческого порыва с целью изменить мир».

Итак, ресентимент как феномен распространен в пронизанных фактическим неравенством (при формальном равенстве) обществах. Но автор выделяет еще одну разновидность ресентимента — его концепцию, широко используемую для характеристики умонастроений разнообразных слоев и групп. Прелесть в том, что подобные характеристики дают их социальные оппоненты, которые и сами не лишены ресентимента (!). Обвинениями в нем игроки перебрасываются, как «горячей картошкой». Скажем, аристократы, обвиняющие в ресентименте буржуазию, «сами постоянно порождают ресентимент как вторичное, большое, источенное червями восприятие реальности». Это явление обычно возникает на стыке взаимодействия двух социальных групп, из которых одна идет вверх, а другая — вниз. Происходит «экстраполяция самосознания деклассированной аристократии и прочих близких к ней социальных групп... на другие классы».

Обвинение других в ресентименте, таким образом, больше говорит об обвиняющем, чем об обвиняемом («в чужом глазу соринку видит, в своем бревна не замечает»). Эта концепция делит людей на морально сильных и морально слабых и обличает последних в том, что «на самом деле они ленивы, безвольны и не способны признать, что именно в этих их качествах заключается главная причина их бед. От этого они начинают переоценивать ценности и, таким образом, изощренно мстить успешным и сильным». По мнению автора, именно так реагируют на любые проявления недовольства снизу «наименее совестливые представители правящих классов и их идеологическая обслуга».

Нынешнюю популярность дискурса о ресентименте Фишман связывает с глубокими изменениями в обществе постмодерна. Тех реалий, в которых возникли социальные науки, больше нет, и их ключевые категории и парадигмы теряют адекватность в описании новых феноменов. Они превращаются скорее в ярлыки, описывающие не норму, а «отклонения от нормы». Широко распространяются «схластические интеллектуальные игры в либерально-демократическую норму и отклонения от нее». Фашизм, популизм, ресентимент и проч. становятся «пустыми» понятиями, которыми противники бомбардируют друг друга с целью интеллектуально и политически принизить, обезоружить и уничтожить. Обвини оппонента в ресентименте — и можно не прислушиваться к его аргументам, игнорировать его боли и горести, его требования справедливости! С ним нельзя разговаривать всерьез, он сам представляет собой проблему, которую надо устранить. Кризис политологического мейнстрима делает употребление обвинения в ресентименте универсальной дискурсивной стратегией, которой вольны пользоваться — и пользуются! — все желающие.

Испытывающий ресентимент по определению является отклонением от нормы, но кто представляет собой норму во времена «теку-

чей современности»? Норма постоянно меняется, а с ней — и её субъект. Этот субъект не существует и не может реально существовать в подобном обществе, он полностью выдуман и присутствует лишь в царстве идей. По отношению к постоянно расплывающейся норме любой социальный субъект будет отклонением, а любой претендент на роль нормативного образца — самозванцем, чьи претензии мгновенно будут оспорены другими претендентами на эту роль. Не в силах объявить себя господином, предписывающим нормы, претенденты довольствуются тем, что стремятся получить статус жертвы! Итак, «в современном обществе нет зон, свободных от ресентимента... Он неустраним, поскольку все сравнивают себя со всем и никто не является олицетворением нормы».

В. В. Фёдоров

Для цитирования: Федоров В. В. [Рец] Фишман, Леонид. Неравенство равных. Концепция и феномен ресентимента. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024 // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 142–145.

Рогозин, Д., Солодовникова, О.

Зум и безумие в высшей школе. Как образование становится цифровым

М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2023. — 160 с.

Я очень люблю книги, в которых авторская позиция основана на данных, полученных с должным вниманием к деталям и с желанием авторов поговорить об этом.

Это очень короткая книга о том, как в вузах России сработал формат дистанционного образования. По сути авторы предлагают нам моментальную фотографию того, как воспринимался дистанционный формат преподавателями высшей школы в мае 2022 года (именно в это время были проведены полевые работы).

Строго говоря, это не вполне книга. Это отчёт об исследовании, который претерпел литредакцию и был выпущен в виде книги. С другой стороны, у меня нет никаких возражений и комментариев к такой форме, а текст, в любом случае, крайне интересен.

Обсуждать данные можно довольно долго (более того, как мне кажется, именно это и стоит сделать специально). Я же, ввиду ограничений формата, не буду тратить время на длительную дискуссию, а расскажу о тех результатах исследования, которые показались важными лично мне, и отдельно некоторые прокомментирую.

Первым результатом, который показывают нам авторы, становится настроенное отношение преподавателей к формату дистанционного образования.

«Скажем, среди тех, кто уже 100% времени проводит в дистанте, наибольшее число преподавателей, уверенных, что так и нужно работать (12% против 1% в среднем по выборке). Впрочем, даже в этой группе самый популярный ответ о желаемом времени эффективного дистанционного обучения — не более 25%. При этом приведенная таблица наглядно демонстрирует тезис о том, что ресурс интереса к дистанту до сих пор не выбран. В частности, среди преподавателей, вообще не сталкивающихся с дистанционным форматом, только 18% опрошенных уверены, что эффективное освоение их курса невозможно в условиях цифровизации, в то время как 61% согласен провести в цифровом формате 25% времени, 15% — примерно 50% и 2% — даже более 75%» (с. 9).

Очень хочется сказать нечто вроде «преподаватели не хотят работать дистанционно», но вернее будет «преподаватели не привыкли ра-

ботать дистанционно». Я, поскольку не так связан данными, как авторы книги, попробую сформулировать два предположения по этому поводу.

Во-первых, высшая школа — вообще крайне консервативный институт. И потому любая новая форма работы приживается там крайне неохотно. Поэтому первой реакцией на любое новшество является сопротивление. И, справедливости ради, стоит отметить, что вузы не так уж в этом и уникальны, потому что на тему сопротивления инновациям в организациях вообще написано довольно много увесистых книг.

Во-вторых, стоит посмотреть, как любая инновация «приживляется», входит в практику. Здесь авторы очень косвенно говорят о роли администрации вузов и отношении к управленцам, но в общем эта тема остаётся за пределами их анализа. Это отчасти верно, потому что предметом исследования являются не взаимоотношения преподавателя и администратора. Однако мне бы хотелось знать про этот внутриорганизационный конфликт побольше. С другой стороны, для этого надо проводить отдельное исследование.

«38% преподавателей уверены, что администрация вовсе не должна предпринимать никаких дополнительных действий. Административная нагрузка на преподавателей, различные системы контроля их деятельности за последние десятилетия были настолько разнообразны и широки по охвату [Абрамов, Груздев, Терентьев, 2016, 2017, 2019], что отношение к любому административному вмешательству, вниманию к процессу обучения воспринимается негативно» (с. 13).

Тут возникает одна интересная гипотеза. Неясно, то ли администраторы в принципе раздражают преподавателей, и 38% — это некоторая «нулевая точка», в том смысле, что так и должно быть, и этот показатель является своеобразной нормой. Или же нормой является какое-то другое число, а полученный в исследовании показатель выше (или ниже). Нам по этому поводу не известно буквально ничего, а знать ответ очень хотелось бы.

Результаты исследования немного перекликаются с книгой Джорджо Агамбена «Эпидемия как политика» в том смысле, что сам способ дистанционного образования был задуман как чрезвычайный, но стал новой нормой, которая оказалась очень удобной. И она начала применяться не только в пандемию, но и в рядовых ситуациях.

Однако мы крайне вольно обсуждаем этот самый «дистанционный режим» образования, проблема в том, что он, во-первых, был неоднороден, а, во-вторых, было много обстоятельств, которые ему сильно мешали.

Одним из таких обстоятельств стал уровень дохода.

«Уровень дохода, как показывают результаты опроса, может ограниченно влиять на отношение к дистанционному формату обучения. В группе преподавателей с наиболее низкими доходами дистант положительно и скорее положительно воспринимает менее четверти опрошенных, в то время как в группе наиболее состоятельных преподавателей этот формат получает положительные оценки почти у 30% опрошенных. Однако заметим: несмотря на то что женщины-преподаватели в среднем зарабатывают меньше мужчин, а низкие доходы могут способствовать неприятию дистанта, мы не видим отрицательного отношения преподавателей-женщин к данной форме обучения. Даже напротив, преподаватели-женщины в целом более положительно относятся к учебным часам в онлайн» (с. 29).

Взаимосвязь уровня дохода и отношения к дистанту в общем можно объяснить довольно просто. Не факт, конечно, что такое объяснение будет корректным, но всякая видеосвязь воспринимается лучше с компьютера, которому не пора на пенсию, и на линии, которая может эту самую связь потянуть без проблем. А и то, и другое проще обеспечить, если твой доход выше.

И тут возникает вопрос: а если дать людям денег, будут ли они оценивать дистанционный формат позитивнее? Скорее всего нет, судя по тексту.

Другой фактор — география:

«Если положительное отношение к дистанту большей доли столичных преподавателей является известным и объяснимым фактом, то ответы преподавателей из Республики Саха, где почти 42% опрошенных относятся к дистанту положительно или скорее положительно, открывают ещё одну грань в разговоре о гибридном обучении — оно действительно решает многие проблемы на территориях с разреженной сеткой расселения, отдаленных от крупных исследовательских и образовательных центров и т.д. В данном случае его выгоды во много раз превышают риски, не случайно только 9% преподавателей из Якутии относятся к дистанционному формату строго отрицательно (в сравнении с 21% в среднем по выборке)» (с. 33).

Интересно, что итогом развития дистанционных форм высшего образования, всё равно стал откат к традиционным форматам. И тут очень хочется поговорить о том, почему так произошло.

Со своей стороны, как человек, имеющий некоторый опыт преподавания в вузе, в том числе и дистанционного, могу сказать, что отчасти такой откат вызван административным давлением. Ровно так же, как и инициатива возвращения работников в офисы после пандемии

исходит не от самих работников, а от руководства предприятий. Причина проста: в очном формате работников проще контролировать.

С другой стороны, можно констатировать как минимум недостаточную психологическую готовность как администрации, так и преподавателей. Поскольку сам способ дистанционного обучения был задуман как «чрезвычайный» или «ненормальный», то избавление от него и возвращение к «нормальности» имеет не только (и не столько) содержательный, но и ритуальный характер.

Авторы скорее фиксируют факт и предлагают материал для обсуждения, но не отвечают на все вопросы, которые можно было бы задать к тексту.

А что в итоге?

В итоге это очень хорошая книга с очень узкой аудиторией. Если вы преподаёте социальные науки, читать её обязательно. Если вы преподаёте социологию и до сих пор не обсудили результаты этого исследования на каком-нибудь семинаре, то стоит исправиться как можно быстрее хотя бы потому, что в приложении есть и описание выборки, и инструмент, и всё, что нужно для обсуждения. В конце концов, нечасто нам в руки попадают материалы исследований во всей полноте, а это именно такой случай.

Если вы управляете образованием на уровне вуза или на более высоком уровне — книга к прочтению тоже обязательна. А все гипотезы, высказанные или подразумеваемые авторами, нужно проверять при помощи отдельных исследований.

Мне лично показалось, что в книге недостаточно сказано о безумии, заявленном в заголовке. Точнее о негативных последствиях как самой цифровизации, так и не вполне точных и профессиональных её интерпретаций. Думается, это бы очень хорошо повлияло на содержание книги. Впрочем, о безумии каждый читатель может подумать и самостоятельно.

А. С. Новиков

Для цитирования: Новиков, А.С. [Рец] Рогозин, Д., Солодовникова, О., Зум и безумие в высшей школе: как образование становится цифровым. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2023 // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 146–149.

Белановский, С. А., Никольская, А. В.
Методология качественных исследований.
Социологические статьи

М.: ВЦИОМ, 2024. — 109 с.

Издательство ВЦИОМ выпустило сборник статей С. А. Белановского и А. В. Никольской «Методология качественных исследований. Социологические статьи». Это не первая книга С. А. Белановского, которая привлекла моё внимание, в 2018 году я уже откликнулся на выход третьего издания «Глубокого интервью и фокус-групп» [Дымшиц, 2018], не говоря уже о неоднократном обсуждении его книг на различных очных и интернет-форумах. Моя позиция относительно использования в маркетинговой практике фокус-групп, метода интересного и полезного, но, как всякий действительно научный метод, имеющего довольно жёсткие ограничения полезности, также известно давно, в том числе из статьи «Проведение фокус-групп как фатальная ошибка бизнеса» [Дымшиц, 2004. с. 221–228]. Моя позиция известна и С. Белановскому, он приводит несколько моих цитат.

Само по себе очередное обсуждение методологических проблем фокус-групп, в общем-то, не имеет практического смысла, так как ситуация с ними находится как бы на последней стадии семейного конфликта, когда все темы и события обозначены, но стороны имеют относительно них прямо противоположные мнения. Выпущенный ВЦИОМ сборник является проявлением той скрытой тревоги, которая существует у социологов в связи с широким использованием фокус-групп, хотя использование получаемых результатов, скорее всего, даёт недостаточное удовлетворение. В данном случае низкое качество результатов фокус-групп является следствием того, что они (и другие формы групповых методов социологических исследований) чаще всего используются для решения задач, которые они в принципе решить не могут. К такому кругу задач относится поиск тем и тестирование рекламных материалов для поддержки тех или иных действий власти и других аналогичных задач, связанных с конструированием социальной среды. Тему несоответствия использования фокус-групп их возможностям С. Белановский обсуждает в параграфе «Креатив или инсайт» (с. 60–62) и хотя он утверждает, что «группы, предназначенные для поиска новых креативных решений в форме инсайта... основаны на совершенно других методических принципах, несовместимых с фокус-группами», само по себе широкое использование фокус-группы для решения маркетинговых задач он под сомнение не ставит.

Если обратится непосредственно к содержанию статей сборника, то мы увидим обычный набор тем и их аргументации в публикациях по любому методу группового интервью: противопоставление качественных и количественных исследований; обсуждение информативности индивидуальных и групповых интервью; обсуждение темы групповой динамики и т. д. Если бы сборник ограничился этими темами, то его обсуждение не имело бы вообще никакого смысла, но С. Белановский поднимает и различные эпистемологические вопросы, хотя высказываемые им мнения являются спорными, но настолько распространёнными в среде российских социологов, то мы начнем рассматривать сборник именно с них, а потом уже коротенько обсудим традиционные темы.

Ключевым различительным признаком количественных исследований от качественных, в понимании Белановского, является разделение мнения и знания. Делается утверждение, что «Для изучения знания необходимо отбирать респондентов, обладающих нужным исследователю знанием». Фактически автор постулирует, что он будет искать респондентов, обладающих знанием, критерии которого исследователь формулирует в произвольной форме, а остальное возможное знание по теме будет игнорироваться, так как будет классифицироваться как мнение, которое можно и даже полезно игнорировать. В практическом плане это означает проведение «формирующего» интервью, хорошо описанного даже в количественных методах, а навязывание собственного мнения в личной беседе широко практикуется всеми, кто обладает хотя бы минимальной властью (в социальном смысле), а очевидно, что интервьюер такой властью обладает.

Показательной является фраза «не все представления респондентов „социологические“, то есть пригодные для непосредственного включения в научное знание».

Дальше Белановский отказывает знанию в эмоциональной составляющей, а потом постулирует, что «во многих сферах релевантно именно знание, а не мнение». Любой, знакомый с историей хотя бы одной профессиональной сферы от физики до медицины и той же социологии, знает, что многие утверждения, считавшиеся в тот или иной период «знанием», в итоге оказывались опровергнутыми, причём не по причине изменения ситуации, а потому что изначально были ошибочными. Одним из прекрасных примеров путаницы между знанием и мнением является распространённость мнения о том, что до Коперника доминирующим знанием в европейской цивилизации о форме Земли являлось знание, что Земля плоская. Но на самом деле, карты мореплавателей, для которых это было значимо, почти за две тысячи лет до Коперника строились из представления о шарообразной Земле, а позиция плоскоземельцев имеет определённое распространение и сегодня. «Знание» о многих физиологических процессах и медицинских проблемах несколько раз менялось даже

в течении моей жизни, при этом и большинство и предыдущих и нынешних «знаний» являются, строго говоря, не знанием, а «согласованным профессиональным мнением», причём эти мнения на всех этапах позволяли принимать решения, сохранявшие и/или возвращавшие людям здоровье. Поэтому изначально постулировать, что является «знанием», а что всего лишь «мнением» и на основе этого отбирать респондентов для дальнейшего группового допроса, является не научным.

Далее Белановский постулирует необходимость разграничения «достоверного и недостоверного знания» и даже «„истинных“ и „ложных“ высказываний респондентов». Очевидно, что никаких методов разграничения высказываний респондентов на «истинные» и «ложные» внутри анализа самих высказываний быть не может по определению, они могут валидизироваться исключительно L(life)-данными, фиксацией которых социологи чаще всего не озадачиваются (как, например, при опросах во время пандемии, изучая локацию самоизоляции, в списки включали дачи, но наличие дачи не фиксировали и т. д.). Так анализ данных о позиции в отношении бесплатности/платности медицинского обслуживания и формы реализации страхового принципа в случае заболевания очень сильно зависит от наличия на момент опроса медицинских проблем у респондента. Не имеющие проблем на момент опроса предпочитают выбирать бесплатную медицину и обезличенные страховые схемы, а имеющие проблему предпочитают страховые схемы со свободным выбором лечащей организации, то есть получателя платежа. И таких примеров можно привести множество, большинство из них будет говорить о неполноте собираемой информации для полноценной интерпретации ответов респондентов.

Дальнейшие рассуждения о «компетентности» респондентов я позволю себе не обсуждать, так как очевидно, что подобная позиция Белановского служит обоснованию отбора только тех интервью, содержание которых соответствует его изначальным представлениям по изучаемым темам.

Результатом общения интервьюера с респондентами является набор высказываний (даже выбор ответа на закрытый вопрос — это выбор предпочитаемого в данной ситуации высказывания), которые отражают мнение респондента по тому или иному поводу. Является ли это мнение результатом эмоциональной оценки, сформировавшейся в результате вопроса на ту или иную тему; мнение ли это, сформированное в нативных условиях; знание, сформированное случайно, в рамках личной и/или профессиональной деятельности и т. д. — для социолога для первичного анализа это абсолютно не принципиально. Категоризация полученных ответов в дальнейшем может быть обоснована только в рамках некоторой позиции, которая не может возводиться в абсолют истинности, а имеет смысл исключи-

тельно в рамках решения тех задач, ради которых проводилось исследование. Те 4% респондентов, которые затруднились ответить на вопрос о форме Земли, действительно не знают ответа на этот вопрос или прикалываются над интервьюером? Или 18% считающих, что власти скрывают информацию о пришельцах, принципиально выбирают альтернативы, выставяющие власти в неприглядном свете, или страдают паранойей?

В статье «Респондент как включенный наблюдатель» делается утверждение, что «альтернативой включенному наблюдению составляет опрос», хотя очевидно, что не он один. В следующей фразе расшифровывается, что под опросом понимается «глубокое интервью в индивидуальном или групповом формате (фокус-группы)», а количественные виды опроса «не соответствуют теме данной главы». Дальнейшие рассуждения о респонденте как социологе не имеют содержательности, так как в обыденности большинство людей не рефлексируют свое поведение и не страдает рекурсией, у них для этого нет ни малейших причин. В общем случае присутствует интериоризация успехов и экстериоризация неудач, а мнение о большинстве тем, которые могут заинтересовать социолога, формируется исключительно во время опроса.

В статье «Что не так с фокус-группами?» (с. 53–68), где соавтором указана А. В. Никольская, рассматривается проблема дефиниции метода. В качестве цели и основного средства (методического приема) постулируется: «Цель глубокого интервью как в индивидуальном, так и в групповом формате — полноценное раскрытие темы исследования. Основным средством её достижения является техника probing („зондирование“»)». В дальнейшем авторы скажут, что метод фокус групп генетически связан с индивидуальным неформализованным интервью. Ключевым моментом как раз является то, что метод фокус-групп и вообще групповые методы никак не связаны с социологическим неформализованным интервью. Фокус-группы являются репликой диагностических психологических (исторически психиатрических) проективных интервью, что, кстати, не осознавалось Мертоном и Фiske, так как ссылок на психодраму, кодифицированную в 1925 году, у них нет. Они проводились в группе по причине того, что целью исследования Мертона и Фiske была оценка эффективности пропагандистских фильмов и они абсолютно справедливо предположили, что для ответа на этот вопрос больше подойдет ситуация исследования, хоть в чём-то приближенная к реальным условиям (критерий экологичности исследования, хотя на тот момент он не был ещё сформулирован в современной форме). Авторы метода утверждали, что «во-первых, известно, что интервьюируемые лица были участниками некоторой определённой ситуации», а «во-вторых, гипотетически важные элементы... предварительно проанализированы социологом». Метод не предназначался для выявления мнений или знаний по неограниченному кругу

вопросов, как предлагает Белановский в первой статье обсуждаемого сборника, а «в-четвертых, интервью фокусируется на субъективных переживаниях лиц по поводу заранее проанализированной ситуации в попытке получить от респондентов их определение этой ситуации» [Мертон, Фиске, Кендалл, 2019, с. 30].

Белановский с соавтором утверждают: «в практике фокус-групповых исследований методы инициирования групповой динамики не используются» и дальше разбирают наличие структурной и когнитивной динамики. Во-первых, очевидно, что групповая динамика в фокус-группе развивается независимо от мнений по поводу её существования; во-вторых, это утверждение является ложным по той причине, что в фокус-группе всегда есть лидер, функцию которого выполняет модератор, и контрлидер, обычно сидящий напротив модератора. В следующей статье соавторы утверждают, что к основным преимуществам группового формата относится «эффект фасилитации, который обладает мотивирующим действием, способствует росту интереса к предмету обсуждения». Так как фасилитация является одним из методов структурирования взаимодействия и, хотя она традиционно противопоставляется модерации, то даже если признать это противопоставление, то отказывать фасилитации в функции оптимизации групповой динамики нет ни малейших оснований. Относительно когнитивной динамики делается замечание: «дело обстоит несколько сложнее», но в дальнейшем оно не детализируется. Авторы метода признают наличие групповой динамики и обсуждают управление ею в 7 главе, в том числе считают, что «происходящее в группе социальное действие делает групповое интервью в некотором смысле более продуктивным, а в некотором — менее продуктивным, чем индивидуальное» (с. 147, предисловие 7.2.). Позволю обратить внимание на формулировку «социальное действие», то есть само происходящее на фокус-группе воспринимается и интересует авторов метода именно как социальное взаимодействие как по экологическим, так и по целевым мотивам. Далее по тексту «групповое интервью использует такой же тип социального механизма раскрепощения индивидов, которые в противном случае сопротивляются раскрытию глубоко личных чувств» (с. 147) и аналогичные высказывания, включая название и содержание параграфа 7.4.2 «„Гробовое“ молчание и содержательное молчание».

Во второй статье, написанной соавторами, «К дискуссии о фокус-группах» (с. 69–90) делается упор на тезис, что фокус-группы — это исключительно «методологии интервьюирования, основанные на понятиях раскрытия и углубления темы с использованием техники probing». Кембриджский словарь определяет probing как «попытку узнать информацию, которую другие люди не хотят, чтобы вы знали, задавая вопросы осторожно и не напрямую», «исследовать что-либо с помощью инструмента, особенно с целью найти что-либо спрятан-

ное», а также инструменты, на русском языке называемые «зондами». Отрицать наличие межличностной и групповой динамики при опросе на эмоционально значимые темы нельзя.

Дальше соавторы задаются вопросом «если фокус-группы и индивидуальные интервью при прочих равных условиях систематически дают принципиально разные результаты, то какой метод правилен?» Дальше делается утверждение, что до сих пор не проводилось сколько-нибудь систематической работы по выявлению различий результатов индивидуальных и групповых интервью, и даётся ссылка всего на одну работу с выводом: «результаты практически не различаются». Очевидно, что это не так; подобные работы проводились и с точки зрения вообще различий групповых/индивидуальных интервью и с точки зрения различных квазиэкспериментальных методов, к которым относится фокус-группы и все остальные методы групповых обсуждений/дискуссий. Общим итогом сравнения результатов групповых/индивидуальных опросов является выявление более однозначных результатов (меньше дисперсия, больше доля модальных значений ответов) при проведении опроса в группе; показано, что использование групповых обсуждений/дискуссий на темы с низким вовлечением (потребление; периферические общественные темы, в которые не вовлечены непосредственно респонденты) дают несистематически искажённые результаты, но при участии вовлечённых в тему респондентов дают более разнообразную информацию именно транзакционного характера, они дают более заострённую идиографическую картину.

Обсуждение вопроса границ между качественными и количественными исследованиями и вопросам выборки правильнее, на мой взгляд, вынести в отдельную статью, но я всё же обращаюсь здесь к этой теме. Само постулирование различий между качественными и количественными исследованиями мне кажется глубоко ошибочным. Это различие не между методами и не между открытыми и закрытыми вопросами, и тем более не различия в строгости репрезентативности, а разные стадии социализации исследователя (и тех, кто ему поручил это исследование) в изучаемой теме. Сам по себе отбор тем, которые изучают социологи, страдает (или наслаждается?) последовательным субъективизмом. Например, смертность «от немытых рук» (инфекционные и паразитарные болезни) в России сравнима с уровнем самоубийств, но если самоубийства являются у социологов одной из самых любимых тем, то проблемы приучения к соблюдению элементарных гигиенических норм социологами игнорируются.

Когда социолог начинает заниматься той или иной темой, то пройдя самую интересную стадию интроспекции и перейдя к стадии наблюдения он ещё не слишком хорошо понимает, что же происходит в наблюдаемых событиях (процессах). И (я немного утрирую) он обращается к участникам этих процессов за разъяснениями, сначала

задавая самые общие неспецифические вопросы и постепенно специфицируя вопросы выявляемым тезаурусом обсуждаемых тем, он формирует у себя с той или иной степенью содержательности и полезности структуру изучаемого социального явления в статике, а через какое-то время и в динамике. Альтернативным путём формирования такого тезауруса является чтение литературы на изучаемую тему, но в том же маркетинге огромное количество тем не имеет такого базового корпуса текстов (и существует проблема лингвистических изменений в описании товарной группы, которые в среднем за два года становятся значимыми в любой товарной группе, а в некоторых и раньше). И именно этап формирования тезауруса с определённых пор стали относить к «качественным» исследованиям, хотя ранее из него не делали фетиша, он был рутинной процедурой исследовательского процесса. Он не был строго кодифицирован и прекращался тогда, когда исследователь делал вывод, что каждое следующее интервью (или прочитанный документ) по своей содержательности уже не стоит затраченного на него времени. По мере роста регламентации возникла необходимость определения необходимого и достаточного количества интервью, формирования методов и критериев формирования выборки для этих интервью и т. д., а так как, на первый взгляд, правила их проведения отличаются от анкетных опросов, то их стали выделять в отдельную категорию исследований. После формирования категории началось обратное движение этих по своей сути предварительных исследований в основную часть исследовательского процесса с формированием их самостоятельной ценности. И хотя результаты по процедурам «качественного исследования» могут иметь самостоятельную ценность и достаточную репрезентативность, необходимо хорошо понимать критерии, по которым результаты таких исследований имеют самостоятельную ценность, а по которым полученные результаты являются пусть важными, но недостаточными и требуют проверки на больших выборках. Отдельным вопросом в этом является выбор между проведением индивидуальных или групповых интервью, но его мы обсудим ниже.

Одним из ключевых факторов сегрегации «качественных» исследований явилось довольно сильное убеждение большинства социологов, что репрезентативны могут быть только большие, сотни и тысячи респондентов, выборки. По иронии судьбы, те выборки, которые социологи считают «большими» и достаточными, тем же общественным мнением таковыми не считаются и сам по себе базовый тезис выборочного метода, что «ошибка выборки зависит исключительно от объёма выборки, а не от объёма генеральной совокупности» вызывает удивление. Но принимая этот тезис на диапазоне выборок от 400 респондентов и более, относительно меньших по объёму выборок социологи этот тезис не принимают. Обычно это неприятие малых выборок происходит из когнитивной ригидности и просто

игнорирования того, что сами по себе пределы выборок, например, в 1500–1600 человек для национальной репрезентации электоральных исследований, содержат определённые оговорки, что именно и с какой достоверностью репрезентируется и что объём выборки должен, прежде всего, решить задачу точности измерения доли в 50%. То, что в подавляющем числе исследований общественных и маркетинговых тем такая точность отчасти и не требуется, а значимые величины кратно меньше, и для той же ошибки выборки в 10% требуется в три раза меньшая выборка, профессиональной средой в общем случае не осознаётся.

Если рассматривать «качественные исследования» как источник тезауруса по изучаемой теме (а также частоту распространения и согласия/несогласия с теми или иными утверждениями), то следует более чётко определить, что является критерием достаточности выборки. Если считать, что стандартным уровнем достоверности в социологических исследованиях является 95%, то тогда частоты меньше 5% нас уже не должны интересовать (см. табл.). Иными словами, если после опроса 21 респондента что-то не появилось, то средняя частота в генеральной совокупности будет ниже 5% и в общем выборка в 21 человек уже достаточна (мы сейчас опускаем тему формирования такой выборки). Знающий статистику читатель в этот момент должен возразить, что доверительный интервал выйдет за 5% и мы с ним согласимся, что при выборке в 21 человек так оно и будет. Но верхняя граница доверительного интервала при 99% достоверности опускается ниже 5% при выборке в 30 человек (размах 1,7–4,9%), а при выборке в 60 человек составляет всего 2,3% (размах 1,1–2,3%). Соответственно, задача сбора возможных мнений решается при опросе 30 человек вполне достаточно, а при выборке в 60 человек практически полностью. Следует обратить внимание, что при таких объёмах выборки мы решаем задачу выявления возможных мнений, но не задачу выявления их распространённости, а тем более не можем утверждать, каких мнений придерживаются различные социально-демографические или иным образом определённые социальные группы.

Сказанное верно для обсуждения общесоциальных, в том числе электоральных, проблем. Но существует огромное количество исследовательских задач с гораздо меньшей дисперсией возможных признаков в интересующей группе, например определённых по тому или иному потребительскому или профессиональному признаку, и при определённой частоте ответов полученные результаты будут достаточно информативны. Так как конкретный респондент даёт более одной единицы тезауруса исследуемой темы, то статистическая база для оценки распределения различных ответов составляет несколько сотен единиц и при прочих равных достаточна для решения многих коммуникативных задач с достаточной точностью. Но при таком объёме выборки, данные по медиапредпочтениям будут, конечно,

Таблица. Вероятности выявления нового мнения при росте выборке и ошибка выборки с 90% и 99% достоверностью

Количество опрошенных	Вероятность выявления нового мнения	t-критерий, 90%	Ошибка выборки, 90%	t-критерий, 99%	Ошибка выборки, 99%
3	33,3%	2,353	37,0%	9,925	
4	25,0%	2,132	23,1%	5,841	63,2%
5	20,0%	2,015	16,1%	4,604	36,8%
6	16,7%	1,943	12,1%	4,032	25,0%
7	14,3%	1,895	9,5%	3,707	18,5%
8	12,5%	1,860	7,7%	3,499	14,5%
9	11,1%	1,833	6,4%	3,355	11,7%
10	10,0%	1,813	5,4%	3,250	9,8%
11	9,1%	1,796	4,7%	3,169	8,3%
12	8,3%	1,782	4,1%	3,106	7,2%
13	7,7%	1,771	3,6%	3,054	6,3%
14	7,1%	1,761	3,2%	3,012	5,5%
15	6,7%	1,753	2,9%	2,977	5,0%
16	6,3%	1,746	2,6%	2,947	4,5%
17	5,9%	1,740	2,4%	2,921	4,0%
18	5,6%	1,734	2,2%	2,898	3,7%
19	5,3%	1,729	2,0%	2,878	3,4%
20	5,0%	1,725	1,9%	2,861	3,1%
21	4,8%	1,721	1,7%	2,831	2,9%
22	4,5%	1,717	1,6%	2,818	2,7%
23	4,3%	1,714	1,5%	2,807	2,5%
24	4,2%	1,711	1,4%	2,797	2,3%
25	4,0%	1,708	1,3%	2,787	2,2%
26	3,8%	1,706	1,3%	2,778	2,1%
27	3,7%	1,703	1,2%	2,763	1,9%
28	3,6%	1,701	1,1%	2,757	1,8%

Таблица. Продолжение

Количество опрошенных	Вероятность выявления нового мнения	t-критерий, 90%	Ошибка выборки, 90%	t-критерий, 99%	Ошибка выборки, 99%
29	3,4%	1,699	1,1%	2,756	1,7%
30	3,3%	1,697	1,0%	2,749	1,6%
40	2,5%	1,684	0,7%	2,704	1,1%
60	1,7%	1,671	0,4%	2,660	0,6%
120	0,8%	1,658	0,1%	2,617	0,2%
200	0,5%	1,653	0,1%	2,601	0,1%
1500	0,1%	1,640	0,0%	2,576	0,0%

абсолютно недостаточны для принятия решений о размещении на конкретных ресурсах, в том числе потому, что наибольшие значения сейчас малы или даже мизерны (и их суммирование будет прежде всего приводить к росту ошибки).

Любой занимающейся социологией знает, что достоверность результата зависит не только от объёма выборки, но и от того, как эта выборка была сформирована (и подразумевается, что проведение самого интервью не содержало ошибок и искажений). Конечно же, все расчёты подразумевают случайный и независимый отбор и проведение интервью. Очевидно, что при групповом интервью независимость мнений обеспечить невозможно. Пуристы могут заметить, что интервьюер тоже не обеспечивает независимость высказывания, на что мы возразим, что, во-первых, влияние подготовленных профессиональных интервьюеров все-таки минимально (хотя и может быть выявлено при обработке), а, во-вторых, решается эта проблема привлечением нескольких интервьюеров для проведения опроса. Позицию же, что групповое собрание является допустимым методом для сбора возможных вариантов мнений, я считаю крайне непрофессиональной. Если мы хотим знать возможные варианты мнений, то надо проводить индивидуальные интервью, свободные от влияния предыдущих высказанных на группе мнений и групповой динамики в целом. Групповые обсуждения (как бы их не называли и по какому сценарию не проводили) имеют смысл исключительно для решения вопросов о возможной динамике именно групповых/социальных процессов, откуда они и появились. Попытка сбора коллекций мне-

ний при групповом обсуждении с одной стороны приводят к сокрытию части мнений, а с другой стороны порождает фантомы, за пределами ситуации обсуждения именно в этом составе и именно с этим модератором, отсутствующие.

В статье «Репрезентативность качественных опросов» (с. 27–52) Белановский запутался в том, что же его интересует: разнообразие людей или разнообразие мнений по конкретному поводу, в итоге стал определять необходимое количество людей при том или ином распределении мнений. При этом весьма полезная высказанная мысль о том, что конкретной респондент высказывает более одного мнения, артикулирована недостаточно очевидно.

Сама постановка задачи определения выборки при том или ином распределении мнений, причем равномерном, не является корректной. Корректная задача формулируется так: «какова вероятность выявления нового мнения по обсуждаемому вопросу при опросе следующего респондента?». Ответ на этот вопрос является довольно стандартным для статистики и относится к базовому курсу статистики. Социологи часто не рефлексиируют, что они обсуждают статистическую «репрезентативность» и выводят объём необходимой выборки через доверительный интервал 50% доли; но в общем случае объём выборки определяется дисперсией небинарного (в профессионально проводимом исследовании минимальная вариативность, кстати, тернарная) признака и требуемой достоверности, выбираемой исходя из целей исследования.

В практическом плане мы не можем оценивать дисперсию после каждого следующего респондента и оценивать, сколько же нам необходимо опросить, чтобы выявить новое мнение с заданным пределом. Нас во многом спасает то, что мы не первые, и дай бог, не последние, кто решает подобную задачу и можем обратиться к опыту предшественников. Если рассматривать некоторым предельным случаем вариативности мнений по любому возможному поводу ассоциативный тест, то эмпирически было установлено, что устойчивость наиболее частотных ответов стабилизируется при опросе 100 мужчин и 100 женщин [Русский ассоциативный словарь, 2002]. Частоты критериев выборов товаров стабилизируются при выборке в 30–60 человек; чем более массовая пенетрация товарной группы, тем при меньшей выборке стабилизируются частоты, так как доминирующие мнения не могут быть сложными по определению. При этом я указал выборки, при которых стабилизируются частоты, а не выявляются те реакции (мнения), которые в итоге становятся частотными; в товарном маркетинге это 10–15 человек, в ассоциативном — менее 30. Соответственно, для выявления возможных частотных мнений по любой возможной общественной теме достаточно опросить 30 человек в индивидуальном интервью при независимом отборе респондентов хотя бы 5–6 интервьюерами.

Гораздо бóльшей проблемой при выявлении возможных мнений при малом количестве респондентов является неслучайность выборки, что связано, в том числе и с чисто организационными и финансовыми вопросами. В этом плане хотелось бы обратить внимание на несколько раз встречающееся в рецензируемой книге мнение Белановского о предпочтении «снежного кома» при формировании выборки. На мой взгляд, за пределами исследований тех или иных профессиональных или социологически крайне редких явлений, использование такого метода формирования выборки является простым, но крайне рискованным.

В вопросе выявления мнений есть куда бóльшая проблема, чем объём выборки, это предвзятость исследователя при выделении и сортировки «мнений». Так как использование программ контент-анализа, в том числе с автоматической категоризацией, в качественных исследованиях практически не встречается, то «выявляемые» и определяемые как значимые мнения у меня всегда вызывают сомнения. И чем более развёрнутое «мнение» содержится в отчёте качественного исследования, тем больше у меня подозрение, что это проекция исследователя, в лучшем случае позиция конкретного респондента, а не реально встречаемая общественная позиция. И для этого подозрения есть вполне понятные именно статистические основания, но это уже другой аспект обсуждаемой темы.

М. Н. Дымшиц

Литература

1. Дымшиц, М.Н. Редкий случай саморазоблачающего проявления эффекта Даннинга-Крюгера: «Глубокое интервью...» Сергея Белановского // Дымшиц и партнеры: управление маркетингом. М., 2018. [Электронный ресурс] <<http://dymshits.ru/publications/our-publications/metodicheskie-voprosy/glubokoe-intervju-i-fokus-gruppy-3-e-izdanie-s-a-b>> [Дата обращения] 04.11.2024.
2. Дымшиц, М. Н. Манипулирование покупателем. М.: Изд-во «Омега-Л», 2004.
3. Мертон, Р., Фiske, М., Кендалл, П. Фокусированное интервью / Пер. с англ. Т. Н. Федоровской; Под ред. С. А. Белановского. М.: Изд-во ВЦИОМ, 2019.
4. Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др.: В 2 т. М., 2002.

Для цитирования: Дымшиц, М. Н. [Рец.] Белановский, С. А., Никольская, А. В. Методология качественных исследований. Социологические статьи. М.: ВЦИОМ, 2024 // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 150–161.

Алинский, С. Правила для радикалов

М., Напильник, 2024. — 176 с.

Саул (Сол) Алинский (1909–1972) на протяжении 40 лет боролся за права американских низов путем организации сообществ (community-organizing). Начав как студент-социолог, изучавший мафию и криминальную культуру Чикаго, он быстро пришел к выводу, что преступности способствует не плохая генетика или отсталая этническая культура, а плохие жилищные условия, расовая дискриминация и безработица. Начав работать в годы Великой депрессии, он в 1950-е гг. активно участвовал в движении за десегрегацию, а в 1960-х помогал мятежным студентам бороться против войны во Вьетнаме. Социалист и радикал, Алинский не только дал примеры результативной социальной работы такого рода, но и подготовил несколько поколений «общественных организаторов», призванных продолжить его дело (одной из таких организаторов, к слову, была тогда ещё не продавшаяся истеблишменту Хиллари Клинтон). Алинский также разработал теорию эффективного социального действия, которую изложил в двух книгах, широко разошедшихся среди радикальной молодежи Америки. «Правила для радикалов» можно считать его политическим завещанием. Нам — живущим в совсем другой стране и в другое время — в высшей степени полезно познакомиться с квинтэссенцией успешного опыта борьбы американцев за свои права.

«Правила для радикалов» — это попытка передать накопленный Алинским опыт успешной организации разобщённых и угнетённых масс новому поколению борцов за социальное освобождение, вышедшему из американских университетов во второй половине 1960-х гг. Своей миссией автор видел не только научить студентов эффективным приемам социальной организации, но и побудить их к комплексному и творческому видению социальных проблем. Вместо того, чтобы бороться со своими захваченными врасплох и обескураженными родителями, он хотел вывести молодежь на войну против истеблишмента, который и является корнем всех бед трудящейся Америки. И так как это истеблишмент капиталистический, построенный на конкуренции акул, готовых слопать друг друга и продать радикалу верёвку, на которой тот его же завтра и повесит — у низов есть шансы на победу. Главный из них: в разобщённом индивидуалистическом мире власть имущих, которые не могут выступать вместе иначе, как на короткий момент, как только угроза их господствующему положению отступает — властвующие коалиции разваливаются. Эту ахиллесову пятую ка-

питализма и должен использовать социальный организатор: обратить конкуренцию между эксплуататорами против них самих!

Алинский ни в коем случае не призывает к вооружённому восстанию, терроризму и прочим экстремистским действиям. Он жестко критикует маоистов и троцкистов, чья цель — ввергнуть страну и мир в кровавый хаос. В условиях демократии — ограниченной, лицемерной, плутократической, но все-таки демократии — у народа есть гораздо менее болезненные, но более эффективные методы борьбы за свои интересы. Это значит, что радикал должен работать внутри системы, изучать её и искать её уязвимые места. В демократической системе, в отличие от тоталитарной это вполне возможно и реально: «какой бы репрессивной она ни была, всё же можно высказаться и осудить администрацию, критиковать её работу и пытаться выстроить оппозиционную политическую базу. Да, не без государственного преследования». В отличие от Макиавелли, советника власть имущих, Алинский, сколь бы циничен и прагматичен он ни был в своих рекомендациях, исповедует социальную этику: «для настоящего радикала своё дело — это общественное дело, для и среди людей». И ради того, чтобы помочь людям в борьбе за их права, радикал готов на многое.

Главный секрет успеха по Алинскому: организация! Власть имущие сильны, индивидуалистичны, организованы. Эксплуатируемые — подавлены, разобщены, неорганизованы. Чтобы добиться улучшений, нужно стать сильными, нужно, чтобы с тобой считались, чтобы видели в тебе реальную угрозу. А для этого нужно объединить и организовать неимущих, дать им почувствовать, что они способны бросить вызов верхам и защитить свои интересы. Организовать не вокруг высоких и малодостижимых целей, а вокруг очень конкретных и понятных людям задач. Найти союзников в такой борьбе, не задумываясь о принципиальных стратегических разногласиях с ними. Дать соратникам почувствовать вкус победы и предложить им следующие, уже более амбициозные цели. Пройти этот путь — от полного отчаяния и разобщенности к успеху и единству — непросто, и чтобы повысить шансы, нужно учиться вести «прагматичную атаку на систему. В этих правилах заключается разница между радикалом-реалистом и балаболом». Радикал работает в реальном мире и считается с его нормами, условностями, заблуждениями, но отчаянно хочет приблизить мир к идеалу. Он хочет изменить мир, а для этого нужно его сначала взорвать, расшатать спокойствие, подорвать доверие масс к властям, возбудить их негативные эмоции. «Только почувствовав гнев, поражение, растерянность и бесперспективность жизни в существующей системе, они готовы будут отпустить прошлое и рискнуть будущим». Без этого революции не будет.

Набив руку на организации социальных низов, в конце своей жизни Алинский пришел к идее распространить усилия на средний

класс, особенно его нижнюю часть. К этому моменту средний класс стал доминировать в американской социальной структуре, но правящим и эксплуатирующим он не стал — наоборот, большинство принадлежащих к нему эксплуатируются капиталистической верхушкой. В такой ситуации стало понятно, что именно настроение и действие среднего класса является ключом к будущему страны. Алинский предложил проект «активации» среднего класса, превращения его из «молчаливого большинства» в большинство говорящее и действующее. Суть проекта — сделать нижний средний класс союзником бедноты. Для этого надо погасить ту ненависть, которые обе этих группы питают друг к другу. Средние «ненавидят бедных за то, что те требуют обеспечения как права», в то время как от них самих требуется платить за всё самим — и без всякой государственной поддержки. «В поисках смысла жизни они обращаются к радикальному шовинизму и принимают защищать американскую веру». Нужно показать им, что государство состоит на службе не у них, а у верхнего класса, и именно этот класс, а не беднота, их настоящий противник. Если этого не сделать, средний класс бросится к правым и загонит Америку в окончательный тупик. Выбор, стоящий перед ним, прост: «вернуться в свой частный мир, в несуществующее прошлое... — или же посмотреть правде в лицо и начать действовать». Рецепт, безусловно сохранивший актуальность и в наши дни.

В. В. Фёдоров

Для цитирования: Фёдоров, В. В. [Рец.] Алинский, С. Правила для радикалов. М., Напильник, 2024 // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 162–164.

Миграция из России в Кыргызстан: демографические и социологические аспекты

Г. И. Осадчая, Ш. И. Алиев, М. Л. Вартанова [и др.]; под общей редакцией Г. И. Осадчей; ФНИСЦ РАН. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2023. — 323 с.

23 ноября 2023 года в Центральном Доме учёных состоялось очередное заседание секции социологии. В его рамках обсуждались ключевые положения вышедшей в свет под общей редакцией Г. И. Осадчей коллективной монографии «Миграция из России в Кыргызстан: демографические и социологические аспекты».

Данная работа была осуществлена в рамках исследования «Возвратная миграция и эмиграция из России в Кыргызстан». Руководитель проекта Г. И. Осадчая, 2022–2023 гг., научный коллектив авторов из Института демографических исследований ФНИСЦ РАН Г. И. Осадчая, Е. Ю. Киреев, М. В. Рославцева, М. Л. Вартанова, О. А. Волкова, Т. Н. Юдина. Работа проводилась совместно с Бишкекским государственным университетом им. К. Карасаева (Н. А. Омуралиев), Дагестанским гуманитарным институтом (филиалом) Академии труда и социальных отношений (Ш. И. Алиев), Кыргызским национальным университетом им. Ж. Баласагына (А. А. Саякбаева), Кыргызско-Российским Славянским университетом им. Б. Н. Ельцина (А. А. Кочербаева), Приднестровским государственным университетом им. Т. Г. Шевченко (А. Н. Оставная).

Структура рецензируемой работы следующая: введение, девять глав, заключение, список литературы (состоящий из 241 произведения), сведения об авторах. Во введении профессор Г. И. Осадчая актуализирует данную тему, приводит основные вводные положения, где в частности речь идёт о том, что Российская Федерация является предпочтительным государством в плане выбора места постоянного жительства для граждан Кыргызстана. Автор подчёркивает, что согласно официальным данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики по состоянию на конец 2022 года Россию выбирало 70,6%.

В первой главе (Г. И. Осадчая, Е. Ю. Киреев) был осуществлён тщательный анализ теоретических подходов в исследовании проблем возвратной миграции и эмиграции. Здесь авторы прибегли к анализу работ таких отечественных учёных как А. А. Байков, А. С. Лукьянец, Е. Е. Письменная, Л. Л. Рыбаковский, М. Н. Храмова, Н. И. Кожевникова, С. В. Рязанцев и др. Кроме этого была дана аргументация методологии, методики исследования миграции из России в Кыргызстан. Авторы обозначают тот момент, что ввиду специфики темы нет

острой необходимости производить анализ всех имеющихся в данное время научных работ, посвящённых эмиграции, так как рецензируемая работа «посвящена специфическому полю новой эмиграции из России и возвратной миграции в Кыргызстан» (С. 27).

Во второй главе (А. А. Кочербаева, А. А. Саякбаева, Г. И. Осадчая, Н. А. Омуралиев) был осуществлён анализ основных маркеров демографической обстановки в Кыргызстане: численность населения, размещение, половозрастная структура, рождаемость, смертность населения, брачность и разводимость за период 1950–2022 года.

Так согласно официальным данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики за этот период количество постоянного населения КР увеличилось на 54,8% и в 2022 году и составило суммарно 6 747 323 человек, среди которых городское население составило 2 408 183 человек, а сельское за тот же год составило 4 527 973 человек (С. 47–48). Особо подчеркнём, что средняя плотность населения Кыргызстана составляет более 35,2 жителей на 1 км². В то же время имеет смысл сказать, что ключевым источником роста численности населения для Кыргызстана является естественный прирост, но исходя из статистических данных авторы произведения (как собственно и мы) увы, с горечью вынуждены признать динамику снижения населения. Среди негативных обстоятельств, мешающих среднегодовому приросту населения, авторы отмечают в частности такие важные моменты, как развал (или как говорят некоторые отечественные историки «крах») СССР в 1991 году и так называемую «тюльпанную революцию» 2005 года, произошедшую из-за политических катаклизмов в стране (С. 52).

Затем в 2019 году был зафиксирован спад среднегодового темпа прироста населения из-за сокращения рождаемости, это как грустный итог прокатившейся глобальной пандемии COVID-19, а так же очень поспешно осуществлённой (не прошедшей всех стадий испытания) вакцинации населения от COVID-19 бесплатными но весьма сомнительными «спасительными» уколами (в простонародье получивших название «жижа»). Отметим, что результатами этого стали, увы, и смерти и появление различного рода заболеваний и как следствие приобретение различной степени инвалидностей у людей, причём совершенно разных групп населения. А самое страшное заключается в том, что никто до конца ещё не знает (даже специалисты, работающие в этой сфере) к каким последствиям это может привести в следующих родившихся на свет поколениях, т.к. многие медицинские инстанции следовали банальной директиве, спускающейся на них сверху, и не более того. На этой волне обогатились различные крупные международные фармацевтические компании. Авторы пишут: «...коэффициент смертности населения Кыргызстана в 2020 году составил 11,0 умерших на 1 тыс. населения, что вероятно выше, чем в среднем по Европе» (С. 56). Далее авторами затрагивается распреде-

ление мужчин и женщин по возрастным группам, динамика числа браков и разводов в Кыргызской Республике, а также намечен вектор миграционных потоков и многое другое.

В третьей главе (А. А. Кочербаяева, А. А. Саякбаяева, Г. И. Осадчая, Н. А. Омуралиев) была отражена характеристика демографической политики, должным образом освещена система государственного и социального управления демографическими процессами, методы, применяемые в реализации мероприятий демографической и миграционной политики Кыргызстана. Четвёртая глава (Г. И. Осадчая, Т. Н. Юдина) посвящена оценке на основе суждений респондентов и информантов потоков возвратной миграции, структуры, причин и мотивов переезда киргизов в страну исхода, зарождающихся трудностей, трансформирования будничных практик, а также перспектив вторичной миграции из Кыргызстана в Россию. В работе особое внимание уделяется явлению «цифровых кочевников», которое стало особенно актуальным в так называемый «постковидный» период.

Нам импонирует честность авторов по отношению к тому, что происходит в России в сфере труда. «Трудовая миграция является объективной необходимостью для России из-за дефицита собственной рабочей силы на фоне демографического кризиса» (С. 103). С этим высказыванием абсолютно бессмысленно спорить, т. к. наша страна уже давно заинтересована в дешёвой рабочей силе со стороны других, как правило, близлежащих стран (особенно стран бывшего СССР). Примечательным фактом является то, что приезжающие трудовые мигранты в Россию не всегда оказываются нужными (востребованными) в том или ином регионе нашей необъятной страны. Подчёркнём, что ввиду подобной обстановки они вынуждены или менять профиль работы, или уезжать в другой регион, город где не хватает соответствующих рабочих. Если мигрант не успевает сделать это, то он (она), как показывает практика, оказывается втянут в новый класс — «прекариат» [Козин, Жидяева, 2023; Козин, Жидяева, Закиева, 2024].

В пятой главе (Г. И. Осадчая, Т. Н. Юдина) был дан анализ особенностей реинтеграции возвратных мигрантов из России в Кыргызстан; Разумеется, затем были дополнены такие понятия как «реинтеграция», «устойчивая реинтеграция»; предложены эмпирические показатели устойчивой реинтеграции.

В шестой главе (М. Л. Вартанова, О. А. Волкова) на основе авторского подхода была произведена оценка социально-экономического потенциала мигрантов, вернувшихся из России в Кыргызстан в условиях евразийской интеграции. В седьмой главе (М. В. Рославцева) были рассмотрены теории повседневности, дана характеристика узловых аспектов обыденности возвратных мигрантов и их семей.

Здесь авторами представлен большой качественный материал, основанный на интервью, из которых можно почерпнуть много интересной информации. Так, например респондент посчитал важным со-

общить: «Наши родственники начали хорошо зарабатывать, работая в Москве, и мы с сестрой приняли решение попробовать поработать вместе с родственниками (Ж, 29 лет.)» (С. 203). Следует сказать, что представители этой возрастной группы мигрантов сохраняют свою идентичность, мало перенимая нормы российской культуры, считая себя в первую очередь Кыргызцами [Юдина, Осадчая, 2024]. В восьмой главе (А. Н. Оставная, О. А. Волкова, Ш. И. Алиев) была проанализирована деятельность и потенциал некоммерческих неправительственных организаций, дан анализ нормативно-правовых основ их деятельности; выявлены социальные ожидания трудовых и возвратных мигрантов и т.д. В девятой главе (Е. Ю. Киреев) дан анализ причин эмиграции, особенностей повседневной жизни эмигрантов из России, жизненных стратегий и возвращения в Россию. Всего, согласно данным Росстата, за 2022 год с января по ноябрь из России выехало 622 915 человек, в том числе 63 868 в Кыргызстан. Другими авторами было так же зафиксировано множество схожих данных [Письменная, Сыдыгалиева, 2024; Рязанцев, Сыдыгалиева, 2024].

В заключении можно резюмировать следующие наиболее важные выводы, которые были получены авторским коллективом в ходе теоретического, методологического и эмпирического анализа весьма непростой и достаточно мало изученной темы в отечественной науке: по нашему мнению авторы смогли написать действительно интересное научное академическое произведение, фундамент которого построен на данных, полученных ранее в ходе массива экспресс-опросов и интервью с трудовыми мигрантами за 2022–2023 годы.

Во-первых, стоит сказать о том, что центральным основанием к возвратной миграции существенной части респондентов явились личные и семейные обстоятельства, в то время как треть опрошенных прямо заявила о том, что возвращение в страну происхождения было спровоцировано СВО, а также ухудшением экономической обстановки в Российской Федерации. Между тем было установлено, что возвратными мигрантами, как правило, становятся семьи.

Во-вторых, установлено, что в числе ключевых факторов, повышающих показатель смертности населения в Кыргызстане, — рост «хронических заболеваний», плохая экологическая обстановка в стране, низкий уровень (качество) жизни и плохие условия трудовой деятельности а также продолжающийся рост прекаризованной занятости труда, которому подвержены фактически все категории трудоспособной части населения.

С. В. Козин, Т. П. Жидяева

Литература

1. Козин, С. В., Жидяева, Т. П. [Рец. на кн.] От precarious занятости к прекаризации жизни / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022 // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 177–191.
2. Козин, С. В., Жидяева, Т. П., Закиева, Р. Р. Адаптация мигрантов в России в зеркале социологических комплексных исследований // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4. № 2. С. 148–155.
3. Письменная, Е. Е., Сыдыгалиева, Б. А. Образовательная миграция в Кыргызстане: тенденции и перспективы // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4. № 3. С. 138–153.
4. Рязанцев, С. В., Сыдыгалиева, Б. А. Новые тренды миграции из Кыргызстана в Российскую Федерацию // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4. № 3. С. 105–118.
5. Юдина, Т. Н., Осадчая, Г. И. Социологическая оценка устойчивости реинтеграции возвращающихся из России в Кыргызстан мигрантов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. №1. С. 215–227.

Для цитирования: Козин, С. В., Жидяева, Т. П. [Рец.] Миграция из России в Кыргызстан: демографические и социологические аспекты / Г. И. Осадчая, Ш. И. Алиев, М. Л. Вартанова [и др.]; под общей редакцией Г. И. Осадчей; ФНИСЦ РАН. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2023 // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 165–169.

Кобеляцкий, А., Шиц, М.
Люди 1930-х годов. Культ и личности

М.: Бослен. 2025. — 368 с.

Новая документальная книга журналистов Александра Кобеляцкого и Маргариты Шиц посвящена людям тридцатых годов прошлого века. Весной 2024 года в серии «Современники. XX век» издательство «Бослен» опубликовало работу тех же авторов «Люди 1920-х годов. Вопреки утопии» [рецензия на эту книгу: Скворцова, 2024].

Концепция задуманной издательством книжной серии проста — о каждом десятилетии XX века рассказывают жившие в то время люди самых разных социальных групп, профессий, возраста и статуса. Повествование построено на цитатах из их писем, дневников и воспоминаний, дополненных публикациями прессы и официальными документами. В книге, посвященной 1930-м годам, 120 героев (в первой их было 140).

Выстроенная в хронологическом порядке череда событий, в которых они участвуют, постепенно складывается в более понятный и без труда читаемый пазл, собрать который, могу предположить, было отнюдь не просто. По мере чтения картина десятилетия становится всё более полной и осязаемой. Чем больше героев, тем полнее картина — это аксиома. Но объем книги позволил включить всего лишь 10–15 персон в каждом году десятилетия.

Читатель видит, как в 1930-е годы общество неуклонно скатывается к единомыслию, как раскручивается маховик репрессий, как сужается пространство выбора для многих героев. Некоторые из них пытаются сопротивляться, наиболее стойкие не теряют надежды даже в тюремной камере. Встречаются среди них провидцы. Разведчик Дмитрий Быстролётов, арестованный в 1938 году по доносу, в ходе одного из допросов пророчит гибель своему следователю.

Смело ведёт себя академик Иван Петрович Павлов. В книге про 1920-е годы он последними словами ругал советскую власть в трамвае, а десятилетие спустя пытается заступиться за коллег и знакомых, арестованных после убийства первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Кирова. В начале 1935 года колыбель революции накрыла волна репрессий в отношении «бывших» по происхождению и взглядам жителей, десятки тысяч человек были высланы из города или отправлены в заключение. «Пощадите же родину и нас», — восклицает единственный в СССР лауреат Нобелевской премии. Председатель Совета Народных Комиссаров Вячеслав Молотов охарактеризовал письмо 80-летнего академика как «чепуховое», однако административных выводов не последовало. Подобное вольнодумство позволялось вид-

ным учёным и другим знаменитостям, за которых вступилась бы, в случае их ареста, мировая общественность. Петр Леонидович Капица, успешно трудившийся в кембриджской лаборатории Эрнеста Резерфорда, в 1934 году был вынужден остаться в СССР. И, надо сказать, не по доброй воле — ему попросту запретили выезд из страны. Однако Капица не побоялся обратиться к самому Сталину для того, чтобы защитить будущего нобелевского лауреата Льва Ландау, которого на Лубянке пытались превратить в контрреволюционера.

По какому принципу отобраны эго-документы в книге? Об этом можно судить, в частности, по эпиграфу. На обложке — цитата из книги «Маятник жизни моей» Варвары Малахиевой-Мирович (1869–1954), поэтессы, переводчицы, мемуаристки. «Если бы я нашла где-нибудь на чердаке тетрадь с искренними отпечатками жизни (внутренней) совсем безвестного человека, — писала Малахиева-Мирович — не поэта, не мыслителя, и знала бы, что он уже умер, во имя этого посмертного общения с ним я бы читала его тетрадь с жадностью, с жалостью, с братским чувством, с ощущением какой-то победы над смертью».

Всё же остаётся стойкое ощущение, что авторов в первую очередь интересовали те свидетели эпохи, кто стремился понять происходящее в стране, осознать свое место в стремительном историческом потоке.

Художница и переводчица Любовь Шапорина, к примеру, рассказывает о своем пребывании в деревне: «Скудость жизни невероятная. Во всей деревне ни одной свиньи, держат по одной корове, по овце. У наших 3 курицы, петух, корова и овца. Лошадь обобществлена, но стоит у них. И так как заметили, что хозяйева заботятся и берегут своих лошадей, то теперь, рассказал Федор, велено поменяться лошадьми. Крохотный огород. Не заводят ничего, так как, во-первых, с каждой скотины контрактация, то есть налог натурой, а затем тотчас же подозрение в кулачестве». Даже без описания ужасов коллективизации картина выглядит удручающе.

Среди рассказчиков есть те, кто ведет дневники более или менее регулярно. Это — Корней Чуковский, Иван Шитц, Ольга Берггольц, Михаил Пришвин, Алексей Орешников, Татьяна Аксакова-Сиверс. Некоторые из них были героями первой книги серии.

Интересно проследить настроения людей, которые, несмотря ни на что, продолжали вести записи в течение всей жизни. Дневник Корнея Ивановича Чуковского в 1930-е годы становится заметно скучнее, чем в предыдущее десятилетие. Пишет он много и подробно, но откровенничает все меньше. Подобная тенденция прослеживается и у других авторов, опасавшихся, что любая запись может иметь фатальные последствия.

К счастью, так поступали далеко не все. В Париже «осел» дневник историка Ивана Шитца, сумевшего переслать свои записи за границу. Современным исследователям доступны многотомные дневники Михаила Михайловича Пришвина, который говорил, что за каждую

строчку его дневника грозит 10 лет лагерей. Все тетради сохранились, и стараниями второй жены Валерии Дмитриевны были изданы. Частично опубликованы дневники драматурга Александра Гладкова, утверждавшего, что находка откровенных «поденных записей» при обыске вряд ли существенно скажется на внесудебном приговоре.

А пробирающие до мурашек дневники Ольги Федоровны Берггольц, которая в дни блокады Ленинграда стала трагическим голосом эпохи?! В книгу о 1930-х вошёл эпизод, когда искренне верящую в партийные установки Берггольц исключают из ВКП(б), а затем арестовывают.

Случившееся с Берггольц — один из примеров противоречий, характерных для десятилетия 1930-х. С одной стороны, коллективизация и порожденный ею голод, процессы над врагами народа, потоки спецпереселенцев, первые инженерные «шарашки». И одновременно — трудовые подвиги стахановцев, индустриализация, дальние перелёты храбрых авиаторов, героизм осваивающих Арктику полярников. Как пишет Лидия Гинзбург, это время характеризуется вовсе не подавленностью, но возбужденностью, патетикой, желанием участвовать и прославлять.

Интеллигенция прославила методы перевоспитания, увиденные во время поездки писателей по Беломорканалу, приняла активное участие в насаждении принципа соцреализма во всех сферах культурной деятельности. Мельчайшие отклонения от признанной линии, малейшие намеки на «формализм» — пресекались на корню. Корней Чуковский писал: «Получилась забавная вещь — когда в 1925 году запрещали „Крокодила“, говорили: „Там у вас городской“, „кроме того — действие происходит в Петрограде, которого не существует. У нас теперь — Ленинград“. Под влиянием этих возражений против „Крокодила“ я переделал тексты — у меня получился постовой милиционер, которого Крокодил глотает в Ленинграде. Текст одобрили. Дали художникам иллюстрировать. И Конашевич, и Константин Ротов сделали милиционера в современном Ленинграде, и тогда цензура наложила на него своё veto именно за то, что там „Л-д“ и „милиция“».

Правила игры время от времени дополняются, но генеральная линия — на централизацию, секретность и беспрекословное следование партийным установкам — в общем и целом ясна. Осужденный лидер антисталинского «Союза марксистов-ленинцев» Мартемьян Рютин отбывает заключение в Суздальском политизоляторе. Он внимательно следит за событиями не только в своей стране, но и Германии, и в письме к жене формулирует 13 признаков современного фашизма. Его Союз ставил целью борьбу с диктатурой одного вождя. В 1937 году Рютина расстреляли, как и многих других героев книги.

Оставшиеся продолжают жить: радуются, влюбляются, совершают героические поступки, допускают ошибки, смиряются, мучаются угрызениями совести, болеют, совершают преступления. Красивые картинки на киноэкранах, громкие слова с трибун, новые

павильоны сельскохозяйственной выставки — для многих из них этот период станет самым ярким в жизни. Тридцатые годы, как писала Лидия Гинзбург, это не только труд и страх, но еще и множество талантливых, с волей к реализации, людей, и унаследованных от прошлого, и — ещё больше — растормошенных революцией, поднятых на поверхность двадцатыми годами.

Естественно, возникает вопрос: вправе ли мы доверять всему сказанному? Дневник — мощное свидетельство, однако весьма субъективное. Написанные спустя годы мемуары грешат ещё большими неточностями. Без помощи научного редактора — доктора исторических наук Натальи Викторовны Суржиковой — авторы-журналисты вполне могли бы наломать дров. Как специалист по эго-документам, автор книг и научных исследований, она прекрасно разбирается в источниках, знает, как работать с подобными материалами. Поэтому за точность цитат и их соответствие источникам можно быть спокойными.

Оформление книги (дизайнерское бюро Игоря Гуровича) заслуживает самой высокой оценки. Обложка-клапан с цитатами из книги и фотографией внутри — отличная находка. Недаром работа дизайнеров была высоко оценена профессионалами. Игорь Гурович отмечен в конкурсе обложек на осенней ярмарке интеллектуальной литературы non/fiction 2024 года (предыдущая книга тоже получила несколько призов за дизайн на различных конкурсах).

Похвально, что каждая история содержит список рекомендованной литературы, а в итоговых примечаниях содержатся ссылки на источники. В первой книге этого не было, что несколько снижало научную ценность издания. Досье на каждый персонаж дополняет картину тех моментов, которые высвечивает повествование.

Как мы уже отмечали, число героев в книге сократилось, зато увеличилось количество фотографий, в том числе за счёт снимков из личной коллекции лауреата премии World Press Photo Сергея Макси-мишина. Это — еще один плюс, поскольку иные фотографии говорят больше, чем слова. Пусть эго-документы в эти годы становятся не столь правдивыми, а вот лица скажут о многом.

Авторы обещают продолжить серию книгами по 1940-х и 1950-х го-дах. Будем ждать книг о том, как непростое военное и послевоенное время отразилось в эго-документах эпохи.

Н. Филиппова

Литература

Скворцова И. [Рец.] Кобеляцкий А., Шиц М. Люди 1920-х годов. Вопреки утопии. М.: Бослен. 2024 // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 133–135.

Для цитирования: Филиппова, Н. [Рец.] Кобеляцкий, А., Шиц, М. Люди 1930-х годов. Культ и личности. М.: Бослен. 2025 // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 170–173.

Ранке, Л. фон

Великие державы

Пер. с нем. О.В. Кильдюшова, В. Котелевской, В.А. Куренного; сост. Т.А. Дмитриев; вступ. слово Ф.А. Лукьянова; вступ. ст. В.А. Куренного. М.: Праксис, 2024. — 224 с.

Леопольд фон Ранке в России, в русском интеллектуальном мире, находится в весьма своеобразном положении. С одной стороны, имя его известно любому гуманитария, он — один из отцов современной истории, в смысле институционализированной научной дисциплины, более сорока лет занимавший кафедру Берлинского университета и уже одним этим во многом определявший ход изучения истории Нового времени. В расхожей исторической мифологии он — буквально тот, кто первым из историков «пошёл в архивы» и решительно сепарировал историю от литературы (на деле, разумеется, всё было сложнее и никак не укладывается в одну из версий «мифа о герое»). С другой — обычно таким набором сведений и памятуемым афоризмом о задаче истории («лишь показать, как всё происходило на самом деле») дело и ограничивается.

Одно это само по себе — уже достаточное основание приветствовать выход сборника политических статей Ранке 1832–1836 гг. Как совершенно справедливо отмечает Виталий Куренной, автор объёмной вступительной статьи, обращение к классике полезно ещё и потому, что она «обладает несомненным достоинством законченности и простоты формы» (17). Для него публикация работ Ранке служит прекрасным поводом познакомить публику в первую очередь с присущим ему пониманием истории (18–32), в том числе и потому, что в самих политических работах Ранке это понимание служит исходной точкой, условием, не проговариваемым прямо, но подразумеваемым.

Для книги были отобраны три статьи, наиболее выразительно рисующие политическое мировоззрение Ранке, опубликованные в издававшимся им в 1832–1836 гг. «Историко-политическом журнале».

Отметим, что именно годы издания этого журнала были коротким моментом непосредственного вступления Ранке в политическую дискуссию в ситуации явно вновь пришедшего в движение европейского мира. После Наполеоновских войн и послевоенного масштабного урегулирования, достигнутого на Венском конгрессе, несмотря на революции в Португалии, Испании и Неаполе, «ядро» европейского мира, «пентархия» великих держав на протяжении 1815–1830 гг. выглядела стабильно. В 1830 году эта стабильность ушла в прошлое — во Франции пала, на сей раз окончательно, династия Бурбонов. На трон не просто взойшла младшая ветвь, Орлеаны, в лице Луи-Филиппа, но

принципиально изменилась природа государства — теперь король вновь, как и по конституции 1791 г., оказывался не «королем Франции», но «королем французов», вместо Хартии, дарованной монархом и тем самым выступающей лишь самоограничением его власти (и основывающейся в своей собственной силе именно на последней), теперь была конституция, которой король присягал, и принцип народного суверенитета оказывался вновь введен в актуальную политику. Одновременно с этим восстала Бельгия, в 1815–1830 гг. существовавшая вместе с Соединенными провинциями в новой форме королевства Нидерландов¹. В Российской империи в том же 1830 г. начнется Польское восстание, превратившись *de facto* в русско-польскую войну, а Великобритания окажется в глубоком кризисе в связи с проектом парламентской реформы, которая в итоге будет всё-таки проведена в 1832 году и откроет дорогу демократизации политики. В это время молодой Алексис де Токвиль отправляется в Америку, чтобы изучить и научиться понимать то, что по его мнению, с неизбежностью надвигается на Старый Свет, и с чем придётся жить, — демократию. А чуть позже другой французский публицист, Астольф де Кюстин, отправится в Россию — посмотреть на настоящий «старый режим» и утратить, по итогам встречи, многие из своих легитимистских иллюзий.

Как мы теперь знаем, начинается подъем большой либеральной волны, которая, вылившись в цепь революций 1848 года и на первый взгляд потерпев поражение, в последующие два десятилетия изменит в сходном направлении практически все европейские государства.

Ощущение переживаемого времени во многом определяет предмет размышлений Ранке, который вновь и вновь полемизирует с универсалистской и гомогенизирующей логикой Французской революции, логикой установления однородных политических режимов. Его исторический и историзирующий взгляд² настаивает на многообразии политических форм, которые являются выражением прошлого опыта народов, обретших государственную форму (только в которой они и являются субъектами истории), и которые по определению специфичны, поскольку государство не является лишь рациональной конструкцией и преследует цели, выходящие за границы частных интересов и их баланса. В «Политическом диалоге» Ранке, в частности, стремится доказать, что соучастие в своём государстве, национальное чувство отнюдь не требует общенациональ-

¹ Конструкция, созданная на Венском конгрессе в первую очередь чтобы противостоять экспансионистским аппетитам Франции в отношении Валлонии и Фландрии.

² Созвучный исторической школе права — характерно, что двум участникам «Политического диалога» он даст имена Фридриха и Карла, разделив на две персоны своего постоянного собеседника тех лет, признанного главой названной школы и коллегу Ранке по Берлинскому университету Ф. К. фон Савиньи.

ных представительных органов, что подобная конструкция отнюдь не обязательна, хотя и возможна. И понятно, что его интенция, если не отстоять существующий прусский порядок как неизменный³, — противостоять тем, кто настаивает на скорейших преобразованиях в духе либерализма.

Пост-наполеоновская эпоха предстаёт ему как утверждение разнообразия — целого ряда государств, каждое из которых вырабатывает свою собственную, отличную от другого форму устройства (унифицирующая роль национального, которую будет раскрывать К. Н. Леонтьев в 1870–1880-е гг. пока ещё далеко не очевидна и выступает скорее в противоположность просвещенческому универсальному как абстрактно-общему).

Вопрос, который волнует Ранке и побуждает его к рассуждению о «великих державах», — возможность повторения революционных и наполеоновских войн, общеевропейского потрясения. Описывая текущую ситуацию, он утверждает:

«Когда революционный дух, который так внезапно возродился во Франции в 1830 году, теперь охватил все стороны жизни, вновь оживил все свои аналогии, созданные во время всеобщего переворота, и проявляется в тысячах попыток революционизировать Европу, всё же вряд ли стоит опасаться, что его движение снова сможет привести к всеобщему сдвигу» (129).

Малую вероятность последнего он видит именно в многообразии духовных сил, не «воображаемой, химерической национальности, а сущностью, наличествующей национальности, имеющей форму государства» (132). И «если результатом предшествующих Французской революции 100 лет стало то, что великие государства поднялись на борьбу за независимость Европы, то результатом последующего периода стало то, что сами нации омолодились, обновились и получили новое развитие. Они с сознанием вошли в государство, которое не могло бы существовать без них» (124). Это многообразие делает, в глазах Ранке, невозможным успешное повторение попытки революционной гегемонии Франции.

Если исходная рамка рассмотрения внешней политики как баланса сил является для того времени едва ли не общим местом, причём давно ставшим предметом дипломатических соображений⁴, от-

³ Тем более, что монарх обязался в конце наполеоновских войн созвать общегосударственное представительство — обязательно, которое будет оставаться неисполненным многие годы, и которые уже в 1840-е попытаются обойти через созыв депутатов от ландтагов, чтобы не образовывать парламент в собственном смысле слова

⁴ Напомним, что сам 1-й и 2-й разделы Польши, например, мотивировались со стороны Берлина усилением России по итогам русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг., повлекшим за собой изменение баланса сил, что требовало компенсации для Пруссии и Австрии.

куда переходит в теоретические построения (например, Юма и Канта, отмеченные во вступительной статье), то Ранке в этой концепции интересуется динамизм. Он отмечает не устойчивость баланса, а его постоянное движение, подчеркивая, что не только Пруссия является новым участником концерта великих держав, но и сама Австрия в нынешнем виде по существу есть новое образование, формирующееся после того, как в конце XVII приобретает Венгрию, а с ней не только новую силу, но и избавление от постоянной турецкой угрозы. Она перестает быть зажатой между альянсом Парижа и Константинополя, обретая свободу политического манёвра. Баланс сил выступает не данностью, а вторым основным состоянием международной политической системы — противоположностью гегемонии одной державы (и с обрисовки французской гегемонии 2-й половины XVII века и ее длинной тени, бросающей на политику XVIII века, и начинает Ранке свой рассказ). И Ранке трудно отказать в прозорливости: баланс сил станет, как он и полагает, долгой нормой, определяющей положение в Европе на протяжении всего долгого XIX века.

И хотя Ранке редко дает формальные определения, мимоходом, по частному случаю, он говорит, что значит быть «великой державой»: «она должна быть в состоянии противостоять всем остальным, даже вместе взятым» (101). Случай, по которому это сказано, — крайне тяжелая для Пруссии Семилетняя война, когда само существование королевства было поставлено под вопрос. В это определение Ранке стоит вдуматься, ведь он не говорит о победе (да в этом случае речь не шла бы о великой державе, а о гегемоне), а сугубо о том, что даже в случае противостояния коалиции других великих держав, даже оказываясь в стратегическом одиночестве, держава, являющаяся великой, не пребывает в безнадежной ситуации. Цена решительной победы над ней способна оказаться для других несоразмерно большой, великая держава способна выстоять в подобной схватке. Как раз опыт XIX века, европейского баланса сил, даст вереницу более или менее аналогичных примеров — от России в Крымской войне, Австрии в 1859 и 1866 г. до Франции после разгрома 1870 г., где в том числе сам выстроенный баланс, взаимосвязь всех великих держав, будет препятствовать сокрушительному поражению как угрожающему слишком многим для всех остальных. И соперничество будет умеряться в своих устремлениях страхом коалиций, пока, наконец, не сорвется в той же, что примечательно, логике в противостояние двух примерно сопоставимых коалиций и не начнется подлинный XX век.

А. А. Тесля

Для цитирования: Тесля, А. А. [Рец.] Ранке, Л. фон. Великие державы. Пер. с нем. О. В. Кильдюшова, В. Котелевской, В. А. Куренного; сост. Т. А. Дмитриев; вступ. слово Ф. А. Лукьянова; вступ. ст. В. А. Куренного. М.: Праксис, 2024 // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 174–177.

Давыдов, А., Абрамов, П.

Этнография туфты.

Кто и как пишет заказные учебные работы в России

Москва: Фонд «Хамовники», Common Place, 2021. — 176 с

«В эпоху симулякров истина превращается
в блестящую копию самой себя».

Жан Бодрийяр

Представьте себе академический мир, где дипломы, курсовые и даже диссертации превращаются в товар, а их настоящие авторы остаются в тени. Мир, в котором образование становится театром, а его участники — актерами с прописанными ролями. Именно такую картину рисуют Александр Давыдов и Павел Абрамов в книге «Этнография туфты», анализируя феномен написания заказных учебных работ в России. Книга, основанная на эмпирическом материале, стремится не просто обличить порочную систему, а показать её изнутри глазами самих «скрипторов» — профессиональных авторов чужих научных достижений.

Исследование организовано с академической педантичностью: интервью с авторами заказных работ, наблюдения, классификация профессии, практически всё изложено научным языком. Но среди цифр и категорий вдруг появляются неожиданные подробности: например, скрипторы делятся не только на гуманитариев и технарей, но и на «артельщиков», «скриптор-преподавателей» и даже «скрипторов-выживальщиков». Один пишет дипломы ради хобби, другой — от безысходности в провинциальном городке, третий — потому что грузить фуры «не развивает». Этот калейдоскоп мотивов вызывает одновременно и сочувствие, и абсурдное восхищение.

Чем дальше, тем острее проступает ирония. Скрипторы создают не просто тексты — они выстраивают параллельную образовательную реальность. Некоторые фальсифицируют исследования так искусно, что действительно производят новое знание, хоть и не для себя. Кто-то даже организует целые конторы, живя за счёт труда других «наемных перьев». И вся эта система продолжает существовать, потому что существуют заказчики — студенты, а иногда и сами преподаватели, которые, по разным причинам, тоже обращаются к услугам скрипторов. Одни избегают бюрократических проволочек, другие курируют потоки заказов через «рекомендованных» авторов, создавая серую об-

разовательную экономику. Получается, что вузовская система академической честности строится на тотальной нечестности.

Пожалуй, самый парадоксальный момент в том, что многие скрипторы не воспринимают свою деятельность как нечто предосудительное. Для них это всего лишь профессия, такая же, как любая другая: одни специализируются на технических работах, другие — на гуманитарных, третьи управляют целыми артельными коллективами. Более того, многие считают, что их труд даже приносит пользу студентам, помогая тем ориентироваться в сложных темах. В этом и заключается суть академической скриптуры: она существует не вопреки системе образования, а благодаря ей, заполняя те пробелы, которые сама система создала и не заметила. Скриптор — не только тень чужого диплома, но и его невидимый соавтор.

И вот, когда кажется, что этот абсурд достиг предела, книга заканчивается рассуждениями о том, что скриптура — это не только чёрный рынок, но и зеркало образовательной системы. В конце концов, если диплом можно купить, значит, его ценность — тоже условность. И в этом смысле скриптор — это не просто автор наемных текстов, а важный элемент современного академического спектакля, где все роли распределены заранее.

В. И. Нестеров

Для цитирования: Нестеров, В. И. [Рец.] Давыдов, А., Абрамов, П. Этнография туфты. Кто и как пишет заказные учебные работы в России. Москва: Фонд «Хамовники»: Common Place, 2021 // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 178–179.

Киселева, Л. С., Колосова, Г. В., Семенова, А. А.

**Создание системы долговременного ухода для граждан
пожилого возраста и инвалидов в Санкт-Петербурге:
опыт регионального проекта «Старшее поколение»**

СПб.: СПбИПСР, 2022. — 199 с.

С 2018 года в России в рамках национального проекта «Демография» развивается система долговременного ухода (СДУ), направленная на повышение качества жизни людей с ограниченными возможностями и продление их активного долголетия. Включение СДУ в нацпроект подчеркивает стратегическую важность данной темы, привлекая внимание государства и общества к необходимости комплексных реформ в сфере ухода за людьми с ограниченными возможностями. Это не только ускоряет развитие государственных программ и социальной инфраструктуры, но и стимулирует рост научного интереса к данной теме. В результате увеличивается число исследований в области гериатрии и социальной работы, а также публикуется все больше научных статей и книг, посвященных вопросам организации и совершенствования системы долговременного ухода.

Одной из таких работ стала монография Киселевой, Колосовой и Семеновой «Создание системы долговременного ухода для граждан пожилого возраста и инвалидов в Санкт-Петербурге: опыт регионального проекта „Старшее поколение“», с которой я познакомилась в рамках своей научно-исследовательской работы по изучению СДУ.

Монография включает шесть глав, каждая из которых раскрывает различные аспекты развития системы долговременного ухода. Первая глава посвящена теоретико-методологическим основам, международному и российскому опыту, нормативно-правовому регулированию и особенностям социального обслуживания в Санкт-Петербурге. Вторая глава рассматривает ключевые аспекты СДУ, включая интеграцию медицинской и социальной помощи, развитие гериатрической службы, межведомственное взаимодействие и персонализированный подход к оказанию социальных услуг. В третьей главе представлена модель СДУ, основанная на международных практиках и адаптированная к российским условиям, с акцентом на маршрутизацию получателей, стандартизацию услуг и координацию между ведомствами. Четвертая глава раскрывает вопросы кадрового и финансового обеспечения, контроля качества и взаимодействия различных структур. Пятая глава подробно анализирует региональный проект «Старшее поколение» в Санкт-Петербурге, его цели, методы и достиг-

нутые результаты. В заключительной, шестой главе, обсуждаются перспективы развития СДУ, включая цифровизацию, лучшие региональные практики патронажа, а также ключевые проблемы и пути повышения доступности и качества ухода.

Монография дает достаточно детальное описание процесса формирования системы долговременного ухода в Санкт-Петербурге, приводя конкретные примеры успешных региональных инициатив, таких как создание гериатрических кабинетов, внедрение программ патронажа и обучение родственников навыкам ухода. Среди ее сильных сторон можно выделить системный подход к изложению материала, анализ нормативных документов и региональных практик, а также предложения по дальнейшему совершенствованию системы ухода. Авторы подчеркивают значимость комплексного подхода, включающего взаимодействие государственных, частных и общественных структур.

Однако, несмотря на широкий охват темы, монография в значительной степени сохраняет характер отчетного документа. Это проявляется как в стиле изложения, так и в непосредственном форматировании текста, которое создает впечатление, что работа не претерпела изменений с момента ее представления в виде официального отчета. В монографии система долговременного ухода рассматривается преимущественно с точки зрения нормативно-правового обеспечения и административного внедрения. Библиографический список работы насчитывает 147 источников, однако менее половины из них (около 60) являются научными публикациями. Основная часть источников представлена нормативными документами — законами, приказами, указами, официальными письмами министерств, а также комментариями чиновников для СМИ, что свидетельствует о фокусе авторов на регуляторных аспектах СДУ. При этом вместо глубокого анализа нормативной базы в работе преобладает ее описание, лишенное критического осмысления и сравнительного рассмотрения различных моделей.

В работе отсутствуют и голоса самих социальных работников и получателей услуг. Система ухода рассматривается преимущественно с позиции администраторов и организаторов, тогда как опыт и мнение тех, кто непосредственно оказывает помощь или зависит от нее, остаются за кадром. Это делает исследование односторонним, не позволяя полноценно оценить реальные сложности, с которыми сталкиваются специалисты и подопечные.

Один из ключевых недостатков монографии — отсутствие четкого концептуального стержня, который связывал бы представленный материал в целостное исследование. Работа скорее представляет собой набор описаний региональных инициатив, управленческих решений и нормативных актов, но не предлагает глубокой аналитики, выявления закономерностей или попытки концептуализировать систему долговременного ухода в более широкой научной перспективе.

Монография балансирует между фиксацией текущего состояния системы и предложением рекомендаций, но при этом не формулирует четкую научную или практическую цель. В ряде случаев она скорее констатирует уже достигнутые результаты, чем дает их осмысленную интерпретацию. Это особенно заметно в заключении, которое представляет собой повторение основных положений книги без глубокого анализа или новых выводов.

В целом, работа представляет интерес как практическое описание процесса формирования СДУ в одном из регионов России, но с научной точки зрения остается поверхностной. Ее основная ценность заключается в систематизированном изложении нормативных основ и управленческих решений, однако для полноценного понимания проблематики и перспектив развития системы долгосрочного ухода важно учитывать не только административные аспекты, но и практический опыт социальных работников, мнение получателей услуг, а также сравнение различных подходов к оказанию долгосрочного ухода.

Н.И. Мартынова

Для цитирования: Мартынова, Н. И. [Рец.] Киселева, Л.С., Колосова, Г.В., Семенова, А.А. Создание системы долгосрочного ухода для граждан пожилого возраста и инвалидов в Санкт-Петербурге: опыт регионального проекта «Старшее поколение». СПб.: СПбИПСР, 2022 // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 180–182.

Научное волонтерство: Делаем науку вместе

Под ред. А. Борисовой-Сале, Я. Плехович. М.: Альпина нон-фикшн, 2025. — 348 с.

Развитие гражданской науки является одним из наиболее актуальных трендов современной науки. Вовлечение волонтеров в научные проекты становится всё более распространённой практикой как в зарубежных странах, так и в России. Как правило, волонтеры занимаются рутинными задачами, такими как сбор и/или анализ первичных данных. Для решения задач улучшения процесса вовлечения волонтеров в научные проекты создаются сообщества людей, делящихся опытом на эту тему. Из одного из таких сообществ — «Люди науки» — и выросла рецензируемая книга. Данный проект начался в 2020 г. как площадка для аккумуляции различных инициатив в сфере гражданской науки. Постепенно на площадку приходили всё новые и новые акторы, опыт участников рос, вследствие чего возникла идея обобщить его в виде книги. По этой причине книга написана большим коллективом из девятнадцати авторов, почти все из которых являются практикующими специалистами в сфере гражданской науки. Учёные, менеджеры, СММ-специалисты делятся своим опытом по вовлечению людей в научные проекты.

Книга состоит из шестнадцати глав, разделённых на три части. Первая часть посвящена введению в сферу гражданской науки. Здесь задаётся теоретическая рамка всей книги, а также происходит исторический экскурс в сферу гражданской науки в России и в мире. Вторая часть подробно рассматривает практические основы научного волонтерства со стороны создателей проектов: создание проекта, использование открытых площадок, медиасопровождение и т. п. В этой части довольно много полезных советов по созданию и реализации проектов по привлечению волонтеров в науку. Наконец, третья часть — это истории конкретных акторов, которые создали проекты по взаимодействию учёных и волонтеров, их рассказы о пройденном пути, совершённых ошибках и полученных результатах. Среди рассмотренных проектов встречаются самые разнообразные: от изучения спутниковых снимков галактик до наблюдения за птицами в дикой природе. Через эти истории показано, как наличие инфраструктуры по поддержке проектов по вовлечению волонтеров значительно помогает им успешно развиваться.

Поскольку эта книга написана именно с целью распространения опыта использования труда волонтеров в научных проектах, большая её часть выглядит именно как практическое руководство (что даже вынесено на обложку). Поэтому данная книга обязательна к прочтению для тех учёных, кто планирует взаимодействовать с во-

лонтёрами в своих проектах. В этом смысле это не столько научный труд, сколько популяризация научного волонтерства как явления. Это стоит учитывать при чтении книги, чтобы избежать ложных ожиданий и неверных интерпретаций замысла авторов. Если же принять этот аспект во внимание, то можно констатировать: книга полностью справляется с поставленной задачей. Более того, в каждой главе есть подробные описания всего процесса создания проектов по привлечению волонтеров: от постановки проблемы до практической реализации. Прописаны все этапы: как и где искать волонтеров, как с ними работать, каких ошибок лучше избегать. Поскольку такие моменты есть в каждом описанном проекте, можно сравнить несколько возможных стратегий и выбрать наиболее оптимальную для запуска своего проекта. Более того, значительная часть книги рассказывает о пути становления конкретных проектов в сфере научного волонтерства, так что она порой воспринимается даже как художественная литература. В определенном смысле эта книга представляет собой сборник историй из мира научного волонтерства. Эти истории имеют общую сюжетную канву, но при этом различаются в деталях, что оставляет некоторый саспенс, если читатель заранее не знаком с описываемыми проектами. Не все из описанных проектов оказались успешными, некоторые были вынуждены закрыться. Это обстоятельство показывает честность авторов в том, как они описывают сферу научного волонтерства. В книге нет сглаженных углов или приукрашенных историй, есть только факты и рефлексия участников о том, что было сделано. С этой стороны авторы заслуживают похвалы за их верность научному методу в изложении темы.

Данная книга вовсе не лишена научной ценности. Она вносит полезный вклад в концептуализацию понятия «citizen science» в современной науке. Пожалуй, самым главным, что может быть полезно для интересующихся этой темой учёных, является рассуждение о переводе понятия «citizen science» на русский язык. Как справедливо отмечают авторы, перевод «гражданская наука» порой вызывает неверные ассоциации у людей, не знакомых с этим научным термином. Поэтому выбранный авторами вариант перевода «научное волонтерство» кажется более корректным и точно выражающим суть этого явления. Эта тема заслуживает отдельной дискуссии в научном сообществе, и описываемая книга безусловно вносит ценный вклад в будущее обсуждение темы «citizen science». Кроме этого, данная книга хорошо справляется с тем, чтобы адаптировать теоретический концепт «citizen science» к практическому применению, что может быть полезно для изучающих эту тему исследователей.

Из возможных минусов книги можно отметить преобладание субъективной позиции авторов относительно материала. За исключением первой части, которая посвящена введению в предмет, вся остальная книга написана каждым автором (в некоторых случаях

авторами) от первого лица и рассказывает личные истории авторов. Впрочем, это нельзя назвать недостатком в полной мере, поскольку в том, чтобы поделиться личным опытом, и состоит цель книги. Здесь лишь хочется сказать, что не следует ожидать от книги полностью научного подхода с объективным описанием «citizen science» как научного феномена. Повторюсь, не следует испытывать ложных ожиданий от этого произведения, чтобы не разочароваться. Если же отнестись к книге именно как к истории становления области «citizen science» в России, раскрытой на примере одного конкретного проекта, то она на 100% принесёт своему читателю пользу и удовольствие от прочтения.

Д. С. Попов

Для цитирования: Попов, Д. С. [Рец.] Научное волонтерство: Делаем науку вместе. / Под ред. А. Борисовой-Сале, Я. Плехович.М. : Альпина нон-фикшн, 2025 // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 183–185.

55 книг по экономической социологии, изданных в 2024 году

Как и год назад, список книг включает не только «абсолютные» новинки, но и несколько переизданий. В библиографических сведениях трёх книг указан 2025 как год издания, но «физически» они были доступны читателям уже в конце прошедшего года, что и позволило мне включить их в список.

Способ составления подборки не подразумевает, что она количественно репрезентирует внимание авторов к отдельным направлениям экономической социологии, однако отобранные книги как отражают новое звучание традиционных широких тем (например, потребления, труда и занятости, экономического неравенства, богатства и бедности), так и знакомят с исследованиями, сконцентрированными на более узких темах — индивидуальных стратегиях в экономике долга, неравенстве доходов в креативных индустриях, экономике близких (семейных) отношений и др.

Прокомментирую несколько изданий, вошедших в подборку.

«Массовизация» собственности в течение последних десятилетий характерна как для России, так и других экономически развитых стран: пусть в «небольших количествах», но она имеется у значительной части домохозяйств. Правда, основную часть нефинансового богатства домохозяйств в виде объектов собственности составляет жильё, что является одной из причин особого интереса к нему со стороны исследователей в области материального благосостояния, социально-экономического неравенства. Но дело не только в таком «статистическом» доминировании: значимость жилья подчёркивается определением, которое дают современной экономике как «жилищной экономике»: она выстроена вокруг жилья как среды проживания, объекта купли-продажи и политического регулирования, «продукции» индустрии и рынков, влияющих на макроэкономическую ситуацию. Измерения доходов и потребительских расходов недостаточно для определения уровня жизни; несовпадение доходной и имущественной дифференциации указывает на то, что два этих вида экономического неравенства определяются разными институциональными факторами, и пришло время активно изучать не только классические режимы государства благосостояния, но и жилищные режимы, что и делает международная группа авторов *The Routledge Handbook of Housing Economics*. Четыре части руководства рассматривают жилищную экономику на нескольких уровнях: на микро- (жилищное богатство, пространственные рынки городского жилья, онлайн-ресурсы для поиска жилья как часть платформенного капитализма, меняю-

щаяся роль жилья в условиях старения населения, риски бездомности) и макроуровнях, акцентируя в последнем случае проблемы рынка жилья, финансирования жилищного строительства и ипотечного кредитования, а также государственных политиках, затрагивающих жильё (налоговой, жилищных субсидий, регулирование частного арендного сектора и др.).

Другие книги блока детализируют часть из этих проблем: какие признаки позволяют определить жильё как доступное, как тесная увязка рынков жилья и земли меняет жилищный ландшафт в современных городах, каковы цели приобретения вторых домов. В Whitzman, C. *Home Truths. Fixing Canada's Housing Crisis* весь спектр названных проблем представлен на примере Канады.

Единственная русскоязычная книга в «жилищном» тематическом блоке — Лебина, Н. «Хрущёвка. Советское и несоветское в пространстве повседневности». Книга актуальна хотя бы в силу того, что фактически история многоквартирного индустриального домостроения, начавшаяся в России во второй половине 1950-х, продолжается и сегодня: примерно каждое пятое городское домохозяйство живёт в квартирах в домах, построенных с 1957 до 1970 г.¹ Конечно, не все из этих квартир — «хрущёвки», которые тем не менее остаются значимой частью жилищной среды и элементом современной жилищной политики, например, становятся объектом, в отношении которого реализуются (столичные) программы реновации жилья. Пару этой книге составляет Samuel, L. *Home Ownership in America. A Socio-Cultural History of Housing in the United States* о жилье и жилищном строительстве в США в течение последних ста лет. Лейтмотив книги в том, что американская мечта «пропитана» владением жильём, точнее, отдельным семейным домом, но в каждое десятилетие с 1920-х условия для достижения этой мечты были разными: депрессия 1930-х, послевоенные субсидируемые государством ипотеки для участников Второй мировой войны, «бегство в пригороды» в 1960-х, кризис 1970-х, ставящий перед выбором между жильём и ценными бумагами как объектами инвестирования, рост активности меньшинств на жилищном рынке в 1990-е, крах жилищного пузыря в начале 2000-х.

Но Лебина, Н. «Хрущёвка. Советское и несоветское в пространстве повседневности» и Samuel, L. *Home Ownership in America. A Socio-Cultural History of Housing in the United States* объединены сложностью, многоплановостью рассматриваемого контекста. «Хрущёвки» — советское воплощение мировой тенденции массового типового, а потому более дешёвого домостроения, но сами стали пространством для более «лёгкого»

¹ По расчётам на микроданных Комплексного наблюдения условий жизни населения (Росстат) в 2022 г. в квартирах в домах, построенных в указанный период, жили 19,5% домохозяйств.

быта, индивидуализации; интересна в начале книги и «лингвистическая история» несколько пренебрежительного обозначения «хрущёвок». Так и *Home Ownership in America* затрагивает проблематику семьи, городского планирования, субурбий, дизайна, государственной политики.

В тематическом блоке, посвященном потреблению, пару составляют Иванова, А. «Магазины „Березка“. Парадоксы потребления в позднем СССР» и Радаев, В. В. «Нестандартное потребление»: каждая из этих книг описывает потребление, характерное для определённых места и времени — с конца 1960-х до конца 1980-х в СССР и периода «хрупкости» начала 2020-х в России. Первый период был эпохой товарного дефицита, второй — периодом дефицита спокойствия, когда потребление становится средством приглушить тревожность и получить позитивные эмоции. В этом плане «Нестандартное потребление» олицетворяет эмоциональный поворот² в исследованиях потребления, поскольку четыре из пяти рассматриваемых типов — эмоционально нагруженные формы потребления, а все из них — антитеза рациональному потреблению. Gerosa, A. *Hipster Economy. Taste and Authenticity in Late Modern Capitalism* пополняет копилку нестандартных форм потребления аутентичным потреблением, которое, по аналогии, можно было бы классифицировать как эстетически нагруженное.

В Бабич, Н. С., Батыков, И. В. «Социологическое профилирование потребителей массовых товаров и услуг» исследуется с методическими целями потребление как таковое: авторы раскладывают его «на атомы», исходя из базовых оснований классификации потребителей: по характеру потребления (потенциальное или реальное), способу потребления — покупка или использование, объёму и хронологии потребления; а средством оценки и различения потребляемых товаров и услуг выступают торговые марки. Авторы предлагают «эмпирическое правило» идентификации именно потребителей среди всех, кто имел покупательский или пользовательский опыт в отношении тех или иных товаров и услуг.

Часть книг из тематического блока об экономике близких отношений посвящена теме, о которой, казалось бы, уже много написано, — гендерным отношениям в семье, но сконцентрирована на одном из самых проблемных периодов семейной истории — после рождения ребёнка (Perry-Jenkins, M. *Work Matters: How Parents' Jobs Shape Children's Well-Being* и Twamley, K. *Caring is Sharing? Couples navigating parental leave at the transition to parenthood*). Неоплачиваемая работа по уходу, выполняемая внутри семьи, рассматривается наряду с оплачиваемой в Rai, S. M. *Depletion. The Human Costs of Caring* в ракурсе дефицита эмоциональных и физических ресурсов, к которому она может приво-

² Кстати, в 2024 г. был переиздан перевод книги Яна Плампера о «взрыве» интереса социальных наук к эмоциям: Плампер Я. История эмоций / Пер. с нем. К. Левинсона. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 568 с.

доть. Но уход как труд, подразумевающий эмпатию, спонтанность человеческого контакта, — одна из разновидностей «последней человеческой работы» (Allison, J. P. *The Last Human Job: The Work of Connecting in a Disconnected World*), которая может и должна выжить под угрозой достижений в области искусственного интеллекта и стандартизированных практик индустриальной организации труда.

Некоторые книги, вошедшие в список, представлены в открытом доступе на сайтах издательств или электронных библиотеках; ссылки на них даны в описаниях.

Современные теоретические традиции, методологии и дебаты по поводу неравенства и социальной стратификации в России и в мире. Исследования экономического неравенства и бедности в профессиональной биографии Ангуса Дитона, лауреата премии памяти А. Нобеля. Повседневные социальные и пространственные проявления неравенства. Условия роста экономического неравенства в постиндустриальных странах

1. Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Современные подходы к изучению социальной структуры современного российского общества. М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2024. № 2. — 142 с. Полный текст: <https://www.isras.ru/publ.html?id=13621>
2. Ван, И. Д., Петрова, Е. В. Региональное измерение социальной стратификации (на материалах исследования в Республике Бурятия). Улан-Удэ: Издательство ИМБТ СО РАН, 2024. — 150 с.
3. Deaton, A. *Economics in America: An Immigrant Economist Explores the Land of Inequality*. New York: Princeton University Press, 2024. — 296 p.
4. *Global Handbook of Inequality* / Ed. by S. S. Jodhka, B. Rehbein. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2024. — 1894 p.
5. *How the other half lives. Interconnecting socio-spatial inequalities* / Ed. by S. Burgum, K. Higgins. Manchester: Manchester University Press. — 240 p.
6. Huber, E., Stephens J. D. *Challenging Inequality. Variation across Postindustrial Societies*. Chicago: The University of Chicago Press, 2024. — 376 p.
7. *Inequality in America. Causes and Consequences* / Ed. by R. S. Rycroft, K. Kinsley. London: Bloomsbury Publishing, 2024. — 416 p.

Деньги в обмен на мобильность: кто может стать покупателем на мировом рынке гражданства? Устойчивость состава британской элиты и её попытки убедить, что «они совершенно обычные»

8. Сурак, К. Золотой паспорт. Глобальная мобильность для миллионеров. Ереван: Fortis Press, 2024. — 392 с.
9. Reeves, A., Friedman, S. *Born to Rule. The Making and Remaking of the British Elite*. Cambridge, Massachusetts, London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2024. — 328 p.

Экономический рост как условие снижения бедности: кейсы Польши и Вьетнама. Повседневный опыт бедности: кейс Австралии. Почему проблема бедности до сих пор не решена?

10. Цительманн, Р. Прощание с бедностью: Вьетнам, Польша и источники процветания. Москва, Челябинск: Социум, 2025. — 230 с.
11. Thain, E. Reimagining Poverty through Social Contextual Analyses. Finding New Ways to Understand 'Getting By'. New York: Routledge, 2024. — 168 p.

Прекаризация труда в России и повседневные практики сопротивления городских рабочих. Насколько сильна российская рабочая сила для «повышения самодостаточности экономики»? Производственные глубокие интервью: что люди разных профессий рассказывают о своей работе? Экономика рабского труда: воля к господству vs экономическая (не)рентабельность. Современные формы торговли людьми. Труд с опорой на эмпатию vs индустриальная организация труда. Заработная плата как универсальный инструмент для ограничений, контроля и эксплуатации. Повседневная жизнь и позитивная самопрезентация цифровых фрилансеров. Что думают трейдеры о современном рынке капиталов и своём месте среди алгоритмов и искусственного интеллекта? Постпандемическое переосмысление работы: когда и как мы позволяем другим говорить нам, что делать

12. Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность / Под ред. Ж. Т. Тощенко. Москва: Издательство «Весь Мир», 2024. — 462 с.
13. Коленникова, О.А. Социальные проблемы рабочей силы в современной России. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. — 368 с. Полный текст: <https://www.isras.ru/publ.html?id=13352>
14. Лушников, О.Л. Проблема труда и занятости в удалённых сёлах Хакасии. Абакан: Бригантина, 2024. — 102 с. Полный текст <https://elibrary.ru/item.asp?id=68583986>
15. Труд познаёт себя. Производственные интервью / Сост. С. Белановский, Л. Гафиуллин, А. Комарова. М.: Издательский кооператив «Напильник», 2024. — 287 с.
16. Уден-Бастид, К., Стейнер, Ф. Расчет и мораль. Издержки рабства и цена освобождения (XVIII–XIX века) / Пер. с фр. О.Е. Волчек; под науч. ред. С.Л. Фокина. Москва: Издательство Института Гайдара; Санкт-Петербург: Центр экономической культуры, 2024. — 376 с.
17. Allison, J. P. The Last Human Job: The Work of Connecting in a Disconnected World. New York: Princeton University Press, 2024. — 384 p.
18. Coercion and Wage Labour. Exploring work relations through history and art / Ed. by A. Batista, V. Editor, C. Peres. London: UCL Press, 2024. — 381 p. Open Access: <https://uclpress.co.uk/book/coercion-and-wage-labour>
19. Gershon, I. The Pandemic Workplace. How We Learned to Be Citizens in the Office. Chicago: The University of Chicago Press, 2024. — 176 p.

20. Lederer, L.J. Human Trafficking. Examining the Facts. London: Bloomsbury Publishing, 2024. — 224 p.
21. Oechslen, A. Global Platform Work. Negotiating Relations in a Translocal Assemblage. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2024. — 204 p.
22. Rosenfeld, J. You're Paid What You're Worth. And Other Myths of the Modern Economy. Cambridge, Massachusetts, London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2024. — 384 p.
23. Souleles, D.S. Whoosh Goes the Market. Algorithms, Automation, and Alienation. Chicago: The University of Chicago Press, 2024. — 208 p.
24. Vanke, A. The urban life of workers in post-Soviet Russia: Engaging in everyday struggle. Manchester: Manchester University Press, 2024. — 256 p.

Экономика креативных индустрий: явная и теневая география экономики моды; эксплуатация и самоэксплуатация в модной индустрии, или возможное будущее творческих профессий; коммерциализация многообразия через организационные практики, институциональные ограничения и нестабильные трудовые отношения в «культурном секторе»

25. Крю, Л. Территории моды. Потребление, пространство и ценность / Пер. с англ. Е. Кардаш. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 232 с.
26. Менсильери, Д. «Работа мечты». За кулисами индустрии моды / Пер. с фр. Е. Новохатько. М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 216 с.
27. Kolbe, K. The sound of difference. Race, class and the politics of 'diversity' in classical music. Manchester: Manchester University Press, 2024. — 272 p.

Экономика близких отношений. Усыновления как стратегия выживания малых сёл. Как молодые родители совмещают уход за детьми и работу на низкооплачиваемых должностях и распределяют заботу о ребёнке в послеродовом отпуске. Ресурсы и статусы одиноких матерей, разведённых и родивших детей вне брака. Человеческие издержки работы по уходу, оплачиваемой и неоплачиваемой, поверх классовых, расовых, гендерных и поколенческих границ: что бывает, когда мы отдаем больше, чем получаем?

28. Галиндабаева, В.В., Карбаинов, Н.И. Экономика усыновления: стратегия выживания малых сёл. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place, 2024. — 112 с.
29. Perry-Jenkins, M. Work Matters: How Parents' Jobs Shape Children's Well-Being. New York: Princeton University Press, 2024. — 248 p.
30. Rai, S.M. Depletion. The Human Costs of Caring. Oxford: Oxford University Press, 2024. — 288 p.

31. Twamley, K. *Caring is Sharing? Couples navigating parental leave at the transition to parenthood*. London: UCL Press, 2024. — 241 p. Open Access: <https://uclpress.co.uk/book/caring-is-sharing>
32. Wolfinger, N.H., McKeever M. *Thanks for Nothing. The Economics of Single Motherhood since 1980*. Oxford: Oxford University Press, 2024. — 272 p.

Потребление в условиях дефицита товаров и спокойствия. Эмоциональный поворот в социологии потребления. Аутентичное потребление в исполнении хипстеров

33. Бабич, Н. С., Батыков, И. В. Социологическое профилирование потребителей массовых товаров и услуг. ФНИСЦ РАН. СПб.: ООО «Книжный дом», 2024. — 182 с. Полный текст: <https://www.isras.ru/publ.html?id=13474>
34. Иванова, А. Магазины «Березка». Парадоксы потребления в позднем СССР. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 304 с.
35. Радаев, В. В. Нестандартное потребление. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. — 216 с.
36. Gerosa, A. *Hipster Economy. Taste and Authenticity in Late Modern Capitalism*. London: UCL Press, 2024. — 140 p. Open Access: <https://uclpress.co.uk/book/the-hipster-economy>

Современный долг: доверие «обещаниям» заёмщика и как кредиты продолжают разделять имущих и неимущих; восходящая социальная мобильность в долг, финансовый и моральный

37. Carruthers, B.G. *The Economy of Promises: Trust, Power, and Credit in America*. New York: Princeton University Press, 2024. — 408 p.
38. Thomas, S. *Indebted Mobilities. Indian Youth, Migration, and the Internationalizing University*. Chicago: The University of Chicago Press, 2024. — 232 p.

Дискуссия о природе, истории, форме денег — счетной, наличной, цифровой. Кriptoутопии. «Исламские финансы» как гибридный религии и рынков. Как различия в представлениях об экономическом порядке и процветании воплотились в разных национальных системах финансового регулирования

39. Деньги и процент: экономика и этика. Альманах Центра экономической культуры. Под ред. Д. Кадочникова, А. Погребняка, Д. Раскова. М.: Издательство Института Гайдара; Санкт-Петербург: Центр экономической культуры, 2024. — 424 с.
40. Calder, R. *The Paradox of Islamic Finance: How Shariah Scholars Reconcile Religion and Capitalism*. New York: Princeton University Press, 2024. — 376 p.
41. Pernell, K. *Visions of Financial Order: National Institutions and the Development of Banking Regulation*. New York: Princeton University Press, 2024. — 320 p.

Истории (пост)советской жилищной модели и владения домом как краеугольного камня американской мечты. Доступность жилья с точки зрения расходов на жилье и доходов домохозяйства, географического положения, институциональных и рыночных условий. Сломанный город: как цены на землю меняют локальный и глобальный жилищный ландшафт. Поиск идентичности и приобретение привилегий через покупку второго жилья

42. Лебина, Н. Хрущевка. Советское и несоветское в пространстве повседневности. Издательство «Новое литературное обозрение», 2024. — 424 с.
43. Colburn, G., Walter, R. J. Affordable Housing in the United States. New York: Routledge, 2024. — 224 p.
44. Condon, P. Broken City. Land Speculation, Inequality, and Urban Crisis. Vancouver: University of British Columbia Press, 2024. — 250 p.
45. Stiman, M. Privileging Place: How Second Homeowners Transform Communities and Themselves. New York: Princeton University Press, 2024. — 240 p.
46. The Routledge Handbook of Housing Economics / Ed. by K. Gibb, C. Leishman, A. Marsh, G. Meen, R. Ong Viforj, C. Watkins. New York: Routledge, 2024. — 350 p.
47. Samuel, L. Home Ownership in America. A Socio-Cultural History of Housing in the United States. New York: Routledge, 2024. — 170 p.
48. Whitzman, C. Home Truths. Fixing Canada's Housing Crisis. Vancouver: University of British Columbia Press, 2024. — 334 p.

«Экономика промыслов» как условие устойчивости провинциальных сообществ. Когда развитие разрушает твой социальный мир и не доступна «роскошь» открытого политического действия: «тихое» формы сопротивления

49. Плюснин, Ю. М. Промыслы российской провинции: неформальные экономические практики населения / Под науч. ред. С. Г. Кордонского. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 264 с.
50. Скотт, Д. Оружие слабых. Повседневные формы крестьянского сопротивления / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: Издательство книжного магазина «Циолковский», 2025. — 544 с.

Конфликт моделей «контрактного раздатка» и квазирынка. Мир богаче, чем когда-либо в прошлом: происхождение современного устойчивого экономического роста

51. Бессонова, О. Э. Раздаток. Базовая модель России в новой реальности. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2024. — 306 с. Открытый доступ: <http://lib.ieie.nsc.ru/docs/2024/026.pdf>
52. Кояма, М., Рубин, Д. Как разбогател мир: исторические истоки экономического роста / Пер. с англ. А. Ф. Васильева. Москва: Издательство Института Гайдара, 2024. — 464 с.

Потребительская и производственная советская повседневность: хронологические акценты на модернизации 1920–1930-х и быте «простого советского человека» 1960–1980-х. История социалистической глобализации через предметы советского быта

- 53 Орлов, И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. 2-е изд., пересмотр. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 317 с.
- 54. Раджагопалан, С. Путешествия советских вещей. Холодная война как жизненный опыт на Кубе и в Индии / Пер. с англ. А. Черного. СПб.: Библио-россика, 2024. — 366 с.
- 55. Травин, Д. Как мы жили в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 512 с.

Для цитирования: Черкашина, Т. Ю. 55 книг по экономической социологии, изданных в 2024 году // Пути России. 2025. Т. 3. № 1. С. 186–194.

Авторы номера

Евгений Александрович Варшавер — кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. **ORCID ID:** 0000-0002-5901-8470. **Электронная почта:** varshavere@gmail.com.

Полина Викторовна Врублевская — магистр социологии, научная сотрудница лаборатории «Социология религии» при Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. **Электронная почта:** pvrublevskaya@gmail.com.

Григорий Александрович Гуковский (1902–1950) — советский филолог, представитель «младоформалистов» во 2-й половине 1920-х годов, внес огромный вклад в изучение русской литературы XVIII века (2-я пол. 1920-х — 1930-е), в 1940-е годы разрабатывал стадиальную концепцию развития литературы нового времени на материале русской литературы XIX — нач. XX вв. С 1929 по 1949 г. — сотрудник Пушкинского Дома АН СССР, с 1937 г. — доктор наук (за книгу «Очерки по истории русской литературы XVIII века»). С 1935 и по 1949 (с перерывом в 1944–1947 гг.) — профессор Ленинградского государственного университета (в 1939–1944, 1947–1949 гг. — заведующий кафедрой русской литературы). В 1942–1946 гг. — профессор Саратовского университета. В 1949 году в рамках кампании «по борьбе с космополитизмом» арестован, умер от сердечного приступа в Лефортовской тюрьме в апреле 1950 г. К числу его наиболее известных учеников принадлежат Г.П. Макогоненко и Ю.М. Лотман.

Михаил Наумович Дымшиц — генеральный директор консультационной компании «Дымшиц и партнеры». **Адрес:** 107023, Москва, ул. Буженинова, 51, строение 1. **Электронная почта:** mdymshits@dnpru.

Татьяна Павловна Жидяева — старший преподаватель, Алатырский филиал федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». **Author ID РИНЦ:** 623229; **ORCID ID:** 0000-0002-8238-193X; **Researcher ID:** GVT-2580-2022; **Scopus Author ID:** 58681336300. **Адрес:** 429820, г. Алатырь, ул. Первомайская, д. 70. **Электронная почта:** tanya21_84@mail.ru.

Сергей Владимирович Козин — кандидат социологических наук, доцент, «Южный федеральный университет». **Author ID РИНЦ:** 346402; **ORCID ID:** 0000-0002-8398-8805; **Researcher ID:** D-9529-2019; **Scopus Author ID:** 59185152600. **Адрес:** г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42. **Электронная почта:** mister.svk92@yandex.ru.

Надежда Игоревна Мартынова — кандидат социологических наук, временно безработная. **Электронная почта:** trams.theory@gmail.com

Виталий Иванович Нестеров — кандидат социологических наук, ИГСУ РАНХиГС. **Электронная почта:** v.nesterov82@yandex.com.

Алексей Сергеевич Новиков — кандидат философских наук, магистр психологии, директор ООО «Технологии социальных исследований», автор подкаста о литературе «И чо?»: <https://music.yandex.ru/album/20370670>. **Электронная почта:** asnovikov@gmail.com.

Евгения Львовна Панова — кандидат философских наук, выпускница программы профессиональной переподготовки «Политическая философия» 2023/2024 Московской высшей школы социальных и экономических наук. **Адрес:** Москва, Газетный пер., 3. стр. 1. **Электронная почта:** everanova@gmail.com.

Денис Сергеевич Попов — стажёр-исследователь лаборатории исследований науки и технологий; студент магистерской программы «Комплексный социальный анализ» НИУ ВШЭ. **Адрес:** Москва, ул. Мясницкая, д. 20. **Электронная почта:** dspopov@hse.ru.

Андрей Александрович Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель НОЦ «Центр исследований русской мысли» ИОиГН БФУ им. И. Канта (Калининград). **ORCID:** 0000-0003-2437-5002; **Scopus AuthorID:** 57191265840; **Researcher ID:** E-9127-2015; **РИНЦ AuthorID:** 616154. **Адрес:** г. Калининград, ул. Чернышевского, 56. **Электронная почта:** mestr81@gmail.com.

Арсентий Максимович Тропаревский — магистр международной политики и политологии, Университет Манчестера, преподаватель Межфакультетской кафедры английского языка в Московской высшей школе социальных и экономических наук. **Адрес:** Москва, Газетный переулок, 3. стр. 1. **Электронная почта:** troparewsky.arsenty@yandex.ru.

Валерий Валерьевич Фёдоров — кандидат политических наук, профессор, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения, главный редактор журнала «Мониторинг общественного мнения. Социальные и экономические перемены». **Адрес:** Москва, ул. Пречистенка, д. 38. **Электронная почта:** fedorov@wciom.com.

Татьяна Юрьевна Черкашина — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, заведующая кафедрой общей социологии экономического факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета. **Адрес:** Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1, каб. 3338. **Электронная почта:** touch@nsu.ru.

Пути России

2025. Том 3. №1

Учредитель и издатель:

ОАНО «Московская высшая школа
социальных и экономических наук»

125009 г. Москва, Газетный пер.,
д. 3-5, стр. 1

jrsre@universitas.ru

www.jrsre.ru

Подписано в печать 28.02.2025.
Формат 70×100/16.

16+

Пути России

Том 3 № 1

2025